ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен

Том 1

Коллективная монография

Москва 2020

УДК 316.4:330.34
ББК 65.012.2А57
С69

Рецензенты:

Карасёва Л.А. – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономической теории Тверского государственного университета, главный редактор журнала «Вестник ТвГУ. Серия Экономика и управление»;
Морозова И.А. – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и предпринимательства Волгоградского государственного технического университета;
Николаева Е.Е. – д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономической теории и региональной экономики Ивановского государственного университета

Ответственные редакторы:

Альпидовская М.Л. – доктор экономических наук, профессор;
Грязнова А.Г. – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Редакторы

Махаматова С.Т. – кандидат экономических наук;
Соколов Д.П. – кандидат экономических наук.

С69 Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен: коллективная монография; том 1 / Отв. ред. М.Л. Альпидовская, А.Г. Грязнова. — Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – 300 с.

Человечество в начале XXI века вступило в эпоху колоссальных преобразований как в жизни самого общества, так и в среде его обитания. В условиях обострения ключевых противоречий современного мироустройства весьма затруднительной становится разработка эффективных путей дальнейшего прогрессивного развития человечества. Перед отечественными учёными и представителями экспертного сообщества России поставлен исторический вызов, заключающийся в разработке методологических и прикладных условий выхода России на траекторию устойчивого социально-экономического развития, основанного на сопряжении передовых достижений науки и техники в производстве с реализацией принципов гуманизма и историзма в общественных отношениях – и, более того, в обосновании стратегических направлений прогрессивного развития всего человечества.

Монография подготовлена по материалам VII Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы», проведённой 06 марта 2020 года в Финансовом университете (г. Москва), и в широком междисциплинарном ключе раскрывает проблематику конференции и различные подходы к решению назревших проблем.

Монография рекомендуется студентам, аспирантам, научным работникам, преподавателям и всем интересующимся актуальными проблемами современных социально-экономических отношений.

ISBN 978-5-7609-1567-2
ISBN 978-5-7609-1568-9

© Коллектив авторов, 2020
© Тверской государственный университет, 2020

Авторский коллектив

Бузгалин А.В. (1.2); Вертакова Ю.В. (3.5); Грязнова А.Г. (Введение, 4.1); Жак Ладислав (4.4); Казанцев С.В. (3.4); Кашицын В.В. (2.3); Крупнов Ю.В. (2.2); Кузнецов А.В. (3.3); Лепехин В.А. (3.1); Момджян К.Х. (4.3); Плотников В.А. (3.5); Рязанов В.Т. (1.1); Силласте Г.Г. (4.1); Сильвестров С.Н. (3.2); Соловьёв А.К. (4.2); Сорокин Д.Е. (2.4); Субетто А.И. (2.1); Толмачёв А.В. (1.4); Хубиев К.А. (1.3).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. ЗАКАТ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ 33

1.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ. ВЛИЯНИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ «ПАНДЕМИИ» 33

1.2. ТОТАЛЬНЫЙ РЫНОК И ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ ТОРМОЗЯТ ПРОГРЕСС ТЕХНОЛОГИЙ И ЧЕЛОВЕКА 52

1.3. О КРИЗИСЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК ОТРАЖЕНИИ КРИЗИСА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА 61

1.4. ПРИРОДА ГЛОБАЛИЗМА. ПРИРОДА ПРОТИВ ГЛОБАЛИЗМА. ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА 77

ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 91

2.1. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА КАК ЭПОХА ИМПЕРАТИВА НООСФЕРНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА 91

2.2. ТРАНСФИГУРАЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И РОЛЬ РОССИИ 102

2.3. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ ДОРЕФОРМЕННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПОСТРЕФОРМЕННОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОИСКАНИЯ АЛГОРИТМА РАЗВИТИЯ 108

2.4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ ЛИ РОССИЯ?) 120

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МИР-СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 132

3.1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА КАК МОДЕРНИЗАЦИЯ СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА 132

3.2. ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К КРИЗИСОГЕННОМУ РАЗВИТИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 144

3.3. ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ МОНОПОЛИЗМ И ПОЗИЦИИ РОССИИ 166

3.4. КАНАЛЫ ВНЕШНИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ЭКОНОМИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 184

3.5. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ 197

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 218

4.1. СОЦИАЛЬНЫЕ СМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА И ЕГО ТРУДОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ РЕСУРСАХ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЭКОНОМИКИ 218

4.2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ 236
4.3. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ» РОССИИ 251
4.4. КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА 258
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 268
ПРИЛОЖЕНИЯ 271

ВВЕДЕНИЕ

А.Г. Грязнова,
д.э.н., профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Президент Финансового университета,
Россия, г. Москва

Начало XXI века ознаменовало себя как эпоха глобальных перемен, колоссальных преобразований в жизни человеческого общества и среды его обитания. Обострение, углубление и обнажение ключевых противоречий современного мироустройства, помноженные на неадекватность их оценки, делают весьма затруднительным разработку эффективных путей дальнейшего прогрессивного развития человечества, обеспечения мира на планете, прекращения хищнического отношения к природе, освоения природоподобных технологий, преодоления деградационных процессов в отдельных сферах жизни и деятельности людей.

Видимо, настал тот критический момент, когда руководства стран, учёные сообщества должны осознать свою особую миссию и ответственность за объединение усилий по налаживанию путей формирования иного мироустройства, достойно отвечающего современному уровню цивилизационного развития, мощному техническому прогрессу, открывшему новые большие возможности более гуманного рационального распределения ВВП и всестороннего развития человечества, преодоления позорного явления голодомора в условиях перепроизводства и одновременного безжалостного уничтожения «излишков» готовой продукции.

Наблюдая сегодня необыкновенную агрессивность, озлобленность, противостояние, выход отдельных стран из устоявшихся мировых договоренностей, кажется, эта архиважная задача невыполнима. Однако надо

понять, что цена промедления слишком высока. Пришло время действовать! Вспомните известные слова С. Ричардсона: «Берегите время – это ткань, из которой соткана жизнь». Исторический опыт (в том числе, всего 75-летней давности!), а также опыт сегодняшних дней, связанный с объединённой борьбой врачей разных стран с коронавирусом, показывает реальные возможности и реальные эффективные действия, отвечающие запросам времени.

После окончания Второй Мировой войны решительные действия стран антигитлеровской коалиции и одобренные другими странами сформировали такое мироустройство, которое позволило избежать III Мировой войны, обеспечить сосуществование принципиально разных социально-экономических систем. Совместными усилиями были созданы надгосударственные структуры: ООН, Совет Безопасности, Всемирный банк, Международный валютный фонд... Заключены многочисленные договоры по ограничению вооружений, взаимовыгодному сотрудничеству в различных областях жизнедеятельности. Именно объединение усилий разных стран показало необходимость и возможность плодотворного взаимодействия при реализации прорывных программ развития человечества, таких как освоение космического пространства, строительства Большого адронного коллайдера, Международного экспериментального термоядерного реактора.

06 марта 2020 года началась наша VII Международная научно-практическая конференция, призванная ознакомить научную общественность с итогами поиска решений ряда острых проблем, касающихся глобализации, назревших международных проблем в области социально-экономического развития мира и России, в частности, а, с другой стороны, совершенно жёстко обрисовать те риски, которые угрожают нам при отсутствии решительных действий по преодолению этих проблем. По случайному стечению обстоятельств наша научно-практическая конференция оказалась одной из

последних, которые проводились в системе прямого общения. Последовавший длительный период самоизоляции, работы и обучения, даже личного общения в «режиме онлайн», заставили человечество срочно осваивать новые способы активной жизни, задуматься об истинной роли, месте, силе и мудрости человека в многогранной, многослойной жизни планеты.

Концентрация разрушительных природных явлений (пожары, затопления, засуха, сейсмическая активность...) небывалой силы и масштабности, неожиданные нападения неизвестной инфекции коронавируса (COVID-19), вызвавшего в мире пандемию, в условиях новейших средств связи и информационной активности прессы вдруг заставило почувствовать **единое** тревожное дыхание людей разных стран, малость и хрупкость нашей планеты.

Медики разных стран первыми показали пример того, как **можно и надо жить сегодня в мире,** какие приоритеты являются жизненно важными, какие качества и поступки людей являются истинными ценностями. Они объединились в открытых поисках средств борьбы за жизнь людей – в изобретении тестовых систем, лекарств для лечения и даже создания вакцин. Первыми предложили миру свою помощь врачи-практики из Китая, которые раньше всех столкнулись с масштабным неизвестным недугом, новой опасной инфекцией. Бригады опытных российских врачей с лекарствами и оборудованием поехали в те страны, которые срочно нуждались в помощи, спасали тысячи людей, подвергая свою жизнь опасности, «забыв» об экономических санкциях против нашей страны, про недружественные (мягко говоря) речи лидеров этих стран. На первом месте для врачей стояла самая большая ценность – жизнь людей! Большую популярность в нашей стране приобрело благородное волонтёрское движение. Миролюбивую высокую миссию выполнили вооруженные силы, в сверхкороткие сроки возводя

лечебные заведения, проводя полную дезинфекцию объектов и оказывая высококвалифицированную медицинскую помощь тяжелобольным пациентам Италии, Испании и др. В их поведении, поступках проявились высокие морально-нравственные качества, которые в современных условиях явно размываются в человеческом обществе золотым тельцом и человеческим эгоизмом. Неведомый доселе незримый маленький вирус заставил человечество, вздрогнув, вспомнить, что есть и худшие разрушительные черты в человеческой натуре – злоба, ненависть, агрессия, предательство. И очень опасно, если они проявляются у властьпридержащих структур, организаций и личностей. Отсюда во весь рост встаёт очень ответственная задача каждого человека как гражданина своей страны, политических партий и общественных движений в выборе лидеров и стратегий развития; жизнеутверждающая задача воспитания нового поколения в духе доброты, честности, благородства души, свободы и ответственности, высокой значимости в жизни людей морально-нравственных ценностей. Очень дороги нам признания вылеченных пациентов разных стран, что «Россия показала себя моральным лидером в сложной ситуации коронавирусной пандемии».

Уровень развития человеческой цивилизации позволяет решить все проблемы, которые ставит жизнь. Надо только с высоты современного уровня знаний оценить катастрофическую опасность имеющихся тенденций движения и совместными усилиями предложить оптимизационную структуру мироустройства, которая позволяла бы дальнейшее цивилизационное развитие, но для этого необходимо уйти с конфронтационных позиций во имя блага человечества.

Перед отечественными учёными и представителями экспертного сообщества России поставлен исторический вызов, заключающийся в разработке методологических и прикладных условий выхода России на

траекторию устойчивого социально-экономического развития, основанного на сопряжении передовых достижений науки и техники в производстве с реализацией принципов гуманизма и историзма в общественных отношениях. На мой взгляд, есть и ещё одна исключительно важная миссия России – внести свой весомый вклад в разработку стратегических направлений прогрессивного развития человечества. Именно наша страна показала свою мощь и зрелость во время «экзаменационной сессии», устроенной коронавирусом. Это касается как адекватности оперативной оценки ситуации, чёткого определения приоритетов – «жизнь людей – главное!», так и беспрецедентно скоростной перестройки всей системы здравоохранения на широкомасштабную профилактику и лечение пациентов, высокие профессионализм и морально-нравственные качества россиян, готовых прийти на помощь людям, порой жертвуя своей жизнью, делиться своим опытом, оборудованием и новейшими технологиями. Вспомним, что именно лидеры России (В.В. Путин и Д.А. Медведев) первыми забили тревогу, заявив, что мировая финансовая система не отвечает требованиям сегодняшнего дня, являясь непрозрачной, непредсказуемой и неуправляемой. Рассматривая пути к выполнению веления времени об объединении усилий руководителей стран в целях обеспечения позитивного цивилизационного развития, стоило бы обратить внимание на позицию лидера США. В своих предвыборных выступлениях господин Трамп как бизнесмен, не отступая от идеологии глобального мирового доминирования, которая стала частью национального менталитета США, сделал акцент на национальные интересы, представляя США процветающей, самой привлекательной державой благодаря высокоразвитой экономике, полной занятости и безбедности. Для нас это означает, что акцент делается (правда, пока лишь в предвыборных речах и первых робких практических шагах) не на привычных для Америки приоритетах военного и торгово-экономического господства, а на более

эффективном варианте лидерства в мировой экономике. Ставка на реальный сектор в настоящее время весьма прогрессивна, она помогает сбросить с пьедестала финансовые пирамиды, а заодно и приоритетность монетарной политики, столь губительные для перспектив глобального цивилизационного развития. Это может стать реальной базой переговоров, которую не стоит упускать.

Анализу сложившейся критической ситуации, поиску ответов на актуальные вызовы современности и была посвящена VII Международная научно-практическая конференция «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы». Она прошла 06 марта 2020 года в Финансовом университете и объединила учёных, представителей бизнеса и государственных структур, преподавателей, аспирантов, студентов из 27 регионов России, а также из Азербайджанской Республики, Великобритании, Киргизской Республики, Латвийской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Чехия и Словацкой Республики. В более чем трёхстах научных докладах и выступлениях, прозвучавших на конференции, были обозначены идеи и прогнозы экспертов, объединённых стремлением разрешения проблем реконфигурации глобального мирохозяйства, а также перспективами вхождения отечественной социально-экономичной системы в формируемую новую реальность. Широкий междисциплинарный характер состоявшейся дискуссии предопределил структуру коллективной монографии, последовательно раскрывающей проблематику конференции и разные подходы к решению назревших проблем.

Работа состоит из двух томов, введения и 11 глав. Первый том содержит, в основном, установочные доклады на пленарных заседаниях и очерчивает основной круг проблем, выносимых на дискуссионное обсуждение. Второй том отражает дискуссии по этим проблемам на

секционных заседаниях. Готовя к изданию данную работу, мы старались сохранить взгляды и аргументы в защиту тех позиций, которые отстаивал каждый из участников бурных дискуссий.

Первый блок проблем посвящён глобализации как исторической тенденции, волнообразности её развития, особенный акцент сделан на последнюю волну и её влияние на дальнейшее развитие экономики, трансформацию глобального капитализма как способа производства.

Естественно, внимание участников конференции было приковано к поиску **стержневой основы** теоретического осмысления происходящих глобальных и региональных изменений, роли экономической науки, политэкономии, неоклассической, неолиберальной экономической теории, возможностям теории поведенческой экономики как нового этапа развития экономической теории и т.д.

По мнению большинства участников конференции такой стержневой основой является политическая экономия, методология и категориальный аппарат которой творчески дорабатываются и перерабатываются в условиях новых социально-экономических реалий, сохраняя при этом свою базовую основу, заложенную классиками экономической мысли и не теряющую актуальности в условиях кризиса mainstream. Собственно классическая политическая экономия призвана помочь раскрыть системную сущность происходящих изменений и диалектически определить возможные сценарии будущего, выделив из них наиболее жизнеспособные и отвечающие прогрессивному развитию человечества.

XXI век – век знаний, интеллектуального потенциала, высочайших научно-технических достижений, перехода к освоению природоподобных технологий. Необходимы новые идеи и модели социально-экономического развития, достойные прогресса человечества. «Сила идеи – бесконечна», отмечал в своих дневниках великий русский и советский мыслитель

Владимир Иванович Вернадски [1] . Анализируя состояние и развитие экономической науки, участники конференции отмечали, что она переживает далеко не лучшие времена. В чём только её ни обвиняли: умозрительность экономических моделей, их непроверяемость; то недостаточность математических обоснований, то избыточное символическое и математическое нагромождение в ущерб глубине теоретического содержания; даже в утрате прагматичности. В частности, экономическая наука, по мнению некоторых критиков, должна была предсказать кризис 2008 года, появление криптовалют, греческий кризис и даже международный терроризм. При этом участники конференции как на пленарных заседаниях, так и на секционных отмечали реактуализацию фундаментальных политико-экономических исследований в условиях системного кризиса современной мировой экономики, необходимость развития политэкономии.

Негативное отношение проявили некоторые выступающие к неоклассической теории, неолиберальной экономической теории и положительное – к новой теории поведенческой экономики, хотя большинство не готово воспринимать её как новый этап в развитии экономической теории. Признавая её новизну и полезность предложенных ею подходов и методов, было высказано много серьезных и убедительных критических замечаний.

Методологический индивидуализм как главный принцип, «твёрдое ядро», неоклассический теории, некогда безраздельно господствовавшей, стал давать трещины – на практике он становится всё более уязвимым, методологический индивидуализм порой переходит в эгоизм и утрачивает постепенно свою цивилизационную перспективность. Дело дошло до критики ВОЗ только за то, что она оказывала помощь Китаю за средства фонда, в формировании которого есть средства США. С тех же позиций

[1] Вернадский В.И. Дневники. 1921-25 гг. М., 1998. С. 114

критиковались другие международные организации и даже ООН. По мнению двух докладчиков на пленарном заседании, кризис неоклассической теории является отражением кризиса капиталистической модели мироустройства.

Критика неолиберальной экономической теории была представлена с позиции развития глобализации. Форсирование «неолиберальной глобализации» привело к формированию спекулятивно-финансовой модели экономики, которая отличается высокими рисками, неустойчивостью из-за разрыва с сектором реального производства. Иллюзорными представляются перспективы формирования гомогенного экономического пространства с открытостью всех рынков, едиными правилами хозяйствования, юридическими нормами, институтами и наднациональными регуляторами. Здесь не учитываются разнородность, разноуровневость в развитии, разномасштабность мирового хозяйства, несводимость их поэтому к единому стандарту.

Участники конференции отмечали, что в отличие от неолиберальной экономической теории политическая экономия обнаруживает в современной рыночной экономике (по своей сути капиталистической) систему тотального манипулирования, которое осуществляют объединённые в сети крупнейшие корпорации во всех сферах бытия человека, включая межличностные отношения. Над товарным производством господствует производство знаков товаров, симулякров – равно как над капиталом реального сектора доминирует виртуальный финансовый капитал. В таких условиях внедрение достижений научно-технического прогресса (замедленного в своём развитии) служит не интересам прогресса общества, а интересам корпоративного капитала.

Мировой кризис 2008-2009 гг. обнажил противоречия сложившейся системы гегемонии транснационального капитала, выраженные, во-первых, в обострении глобальных проблем и росте социального неравенства в мире, во-

вторых, в неспособности этой системы обеспечить сбалансированный рост, даже хотя бы определённую степень устойчивости, предсказуемости и регулируемости в наиболее развитом (финансовом) её сегменте, с которого, кстати, и начался финансовый кризис, быстро перешедший в промышленный, а затем и в системный глобального масштаба. В результате выхода из кризиса чётко обозначилась потребность в формировании полицентричного мирового порядка, в котором, по мнению ряда докладчиков, наибольшей эффективностью будет обладать модель регулируемой и социально-ориентированной экономики, формирование социализированного (общественно-государственного) финансового сектора. Данная модель способна диалектически объединить конкурентоспособность и самодостаточность. При этом коллеги подчеркивали, что контуры более отдалённого будущего определить весьма трудно, а в числе возможных сценариев развития высказывались различные мнения: и создание единой хозяйственной системы со снятыми межгосударственными границами, и полярное преображение действующего миропорядка в ноосферную систему управления социально-природной эволюцией со стороны коллективного интеллекта человечества (отнюдь не искусственного).

Итак, в целях обеспечения объективности оценки системно-сущностных позиций большинство признало и предложило использовать методологию политической экономии.

Для развития экономической теории необходимо провести теоретические обобщения современных закономерностей и тенденций глобального экономического движения на базе методологии политической экономии. В этой связи были рассмотрены противоречивые процессы динамики мировой экономики: с одной стороны, усиление глобализации, а с другой стороны, одновременное возрастание национальных экономических интересов. В результате XXI век показывает в целом возрастающее

напряжение на мировых рынках ресурсов и благ, концентрацию и централизацию капитала на принципиально новой технологической основе, новый уровень обобщения производства, глобальный рост технологической безработицы в национальных экономиках, обострение конкурентной борьбы за рабочие места и занятость. Торгово-экономический передел мира обозначил себя формированием международных организаций регионального характера. Очевидно, всё более проступают тенденции подрыва однополярного мира, однополярного доминирования одной сверхдержавы.

Специальному анализу участники конференции сочли необходимым подвергнуть проблему глобализации экономики: во-первых, как историческую тенденцию и характер её развития, а также особенности процесса глобализации в современных условиях, что нашло отражение в соответствующих разделах монографии. Тенденция глобализации экономики активно проявила себя в XXI веке. Рождалась присущая капиталу экспансия, расширение рынков, благодаря которым стала реальной возможность присвоения прибавочной стоимости во все возрастающих масштабах и создавалась экономическая динамичность в самой системе капиталистического хозяйствования. Глобализация носила характер долговременного процесса. Её главные признаки: 1. Капитал приобретал транснациональный характер, рос разрыв с национальным экономическим пространством, преобладание глобальных экономических интересов; 2. Рынки всё более утрачивали национальную обособленность, происходило переплетение национальных и общемировых контуров хозяйственной деятельности; возник глобальный тип коммуникаций, глобальные сети, действующие в наднациональном пространстве. Итог – лозунг глобалистов: «Принципы важнее национальных границ, институтов и регуляторов». Важнейшей задачей стало обеспечить свободное движение товаров, денег и

капиталов. Главный парадокс в это время – строительство сверхнациональных центров, обеспечение господства транснационального глобального капитала. Самую высокую мобильность показал финансовый капитал. Финансовые и информационно-компьютерные нововведения показали себя более прибыльными и успешными, нежели технологические нововведения в секторе реального производства. С исторических позиций выделяются три волны глобализации: 1 волна (1879-1914 гг.) – это период завершения формирования капиталистической системы хозяйства как мировой; 2 волна (1945-1980 гг.) – снижение стоимости морских перевозок, снятие тарифных ограничений во внешней торговле, создание международных экономических организаций (ВТО, МВФ, ВБ); 3 волна (1980-2007 гг.) – перенос рабочих мест в регионы с меньшими издержками производства. Возникают сетевые структуры глобального бизнеса с использование дистанционного управления. Возникают новые формы межличностных отношений посредством новых средств коммуникаций (интернет).

Причины волнообразной природы глобализации лежат в главном противоречии между усилением глобального характера производства и сохранившейся частной формы присвоения результатов производства, а также в хаотичной природе самого капиталистического рыночного хозяйства. Обе волны глобализации прерывались мировыми войнами. Третья волна глобализации произошла совершенно по другой причине, она связана с развалом СССР. Глобалистический проект США не мог быть осуществлён без схода с мировой арены СССР. Динамичность финансовой сферы вызвала такой кризис глобализации, который по своим масштабам и значимости сравним с Великой депрессией 1929-1930 гг. К основным факторам наступления кризиса авторы относят переоценку роли информационных

технологий в экономике, недооценку цикличности как свойства капиталистической экономики и сугубо неолиберальное понимание глобализации. В первом томе монографии проанализированы ключевые масштабные риски, каждый из которых способен создать массу критических событий для мировой экономики, в числе которых: риск монополизации правил и норм регулирования мировой экономики в интересах узкого круга лиц; риски, связанные с климатическими изменениями и нерациональным природопользованием; риск, связанный с дефицитом собственных средств у предприятий реального сектора; риск снижения темпов роста китайской экономики до 6% ВВП в год и ниже; угроза сохранения и усиления протекционизма; риск гиперинфляции; риски глобальной финансовой системы; риски замедления темпов роста мировой экономики, переход к стагнации; риски, связанные с созданием кибернетической (цифровой) мировой экономики и валютно-финансовой системы.

Проблемы глобализации нашли широкое отражение не только в первом, но и во втором томе монографии, в котором были раскрыты: проблематика накопления капитала и экономического роста от зарождения до глобализации мировой экономики, деглобализирующиеся процессы в мире, формирование мирового финансового рынка и факторы и условия международной конкурентоспособности, рассмотренные как в глобальном, так и национальном разрезе.

Авторы монографии уделили большое внимание блоку вопросов, связанному с исключительно важным процессом цифровизации, который сулит большие перспективы, но требует очень внимательного отношения к системе внедрения новейших технологий и обращения внимания не только на положительные перспективы, но и определённые проблемы, риски, которые должны своевременно быть просчитанными. Направление

использования достижений научно-технического прогресса зависит, с одной стороны, от экономических интересов основных хозяйствующих субъектов, а с другой стороны, от способности субъектов осознать стратегические последствия внедрения тех или иных технологий в жизнь общества. Тем не менее, наряду с кризисом глобальной капиталистической системы и экологическими проблемами человечество оказывается перед вызовом доминирования в экономике технотронного искусственного разума с утратой доминанты участия человека, его сознания, ума, памяти – когнитива. Уже сегодня этот процесс наблюдается в распространении экономизма, нового менеджеризма, формализма, математизма и виртуализма как формирования искусственной ирреальности.

Следующей существенной проблемой, влекомой «цифровизацией», становится сокращение рабочих мест и глобальная безработица, сопровождаемые повышением востребованности отдельных специалистов в области IT – специалистов по кибербезопасности, системных архитекторов, инженеров-программистов. В новых условиях усложняется и охрана интеллектуальной собственности и способов её коммерциализации. Вместе с тем «цифровая экономика» не существует отдельно без экономики реальной и «аналоговой», и в новых условиях возникает императив примата реального производства над производством информации и виртуальных благ.

Цифровые технологии проникают не только в производство, но и в сферу воспроизводства человеческого потенциала и в государственное управление, изменяются также формы общественного взаимодействия в целом. Широкий спектр новых образовательных технологий, с одной стороны, способен в ряде профессий реализовать преимущества прямой проектной деятельности, но, с другой стороны, несёт в себе существенный риск утраты фундаментальной подготовки новых специалистов, их

ориентацию на решение ограниченного набора сугубо прикладных задач, а зачастую и тривиальную профанацию и шаблонный перекос.

Процесс геоэкономической трансфигурации в условиях внедрения новых «цифровых» технологий наиболее отчётливо виден в финансовой сфере – центральном элементе современного глобального капитализма.

Данная проблема стала объектом очень бурного обсуждения на секции «Капитализм цифровых платформ: социально-экономический анализ и перспективы развития». С большим интересом были выслушаны доклады, тексты которых размещены во втором томе монографии: «Цифровизация экономики: мировые тренды», «Цифровые платформы в промышленно-инвестиционной деятельности: современные тенденции и направления развития»; «Противоречивые последствия цифровизации для формирования и функционирования конкурентных рынков», «Цифровая экономика в зеркале аналоговой и «коронаэкономики», «Коммерциализация интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики».

Проблемы глобализации, цифровизации и освоения новых технологий с большим интересом были рассмотрены участниками конференции применительно к России, определению её места в происходящих глобальных процессах. Это связано в первую очередь, со специфическим местом России в мировой экономике и императивом смены модели отечественной периферийной экономики на построение суверенного хозяйства, основанного на освоении новейших технических достижений и воспроизводстве исторически присущих традиционных духовно-нравственных человеческих ценностей. При этом отмечалось, что позитивная интеграция России в производственную систему Запада невозможна как в силу центро-периферийного устройства, так и из-за различий в ценностной иерархии общества.

В настоящее время вызовом для современной России выступает формирование иерархии целей стратегического развития страны в совокупности со средствами их реализации. Такое целеполагание неотъемлемо от осмысления всего исторического опыта страны, национальных особенностей системы социально-экономических отношений. Крайней необходимостью современной действительности выступает гармонизация внутреннего рынка страны и запуск механизма его эффективного функционирования, что позволит создать хозяйственный фундамент для реализации долгосрочных проектов, направленных на рост национального богатства и повышение качества жизни всего российского общества. Многогранному анализу подвергнута задача обеспечения устойчивого социально-экономического развития, как с позиции пространственно-территориального, регионального развития, так и с позиции оценочных показателей (критериев, индикаторов, системы мониторинга и рейтингования). Авторы монографии отмечают, что отставание России не является следствием отставания национальной научно-технологической мысли, а обусловлено историческими процессами перерождения эффективного доминирования государства в экономике в огосударствление, выступающее тормозом социально-экономического развития. При этом секрет формулы будущего успеха России, по мнению авторов монографии, заключается в формировании принципиально новых отношений собственности, способных стать реальными мотиваторами экономических и иных активностей, в основе которых лежит солидаризация производительных сил России.

Важной предпосылкой смены экспортно-сырьевой модели выступает обеспечение стабильности курса национальной валюты и активное задействование внутренних инвестиционных ресурсов для развития, прежде всего, реального сектора экономики. Авторами также представлены

предложения, направленные на совершенствование системы подготовки кадров в новых экономических условиях, решение специфических проблем развития отдельных регионов и отраслей отечественного хозяйства, в частности, совершенствование финансового механизма в жилищном строительстве, кооперативной формы собственности как основы развития малого и среднего бизнеса в современных условиях. На примере Калужской области рассмотрен вариант включения экономического потенциала региона в систему мирохозяйственных связей.

По отношению к глобальной финансовой системе российская экономика также оказывается в позиции периферии, обеспечивающей отток капитала в страны центра и развивающейся в условиях дополнительных ограничительных санкций на получение иностранных инвестиций. Современная мировая финансовая система характеризуется трансграничностью и наличием частных институциональных монополий, определяющих правила и стандарты функционирования центр-периферийной системы неравного обмена. Участники конференции, к сожалению, констатировали (и это нашло отражение в монографии), что деятельность межправительственных организаций системы Организации Объединённых Наций (среди которых следует выделить Международный валютный фонд) также направлена на поддержание асимметричной аккумуляции финансовых, материальных и интеллектуальных ресурсов в англо-американском центре мировой экономики за счёт снижения благосостояния периферии. Иррациональность и алчность экономических агентов при этом становится одной из главных причин мирового финансового и экономического кризиса, лишь усугубляемого новым цифровым инструментарием управления финансовыми рынками. В русле тенденции формирования полицентричного мира происходит упрочение финансовых систем в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Прикладные аспекты влияния новых технологий на функционирование финансовой сферы связаны с переводом финансовых услуг в онлайн-среду, возникновением новых механизмов инвестирования и новых форм цифровых активов (в том числе и криптовалют). Во II томе монографии также рассматривается вопрос об оценке феномена криптовалюты.

Существенной проблемой как применительно к отдельным финансовым организациям, так и на уровне национальных государств выступает обеспечение кибербезопасности, требующей значительных инвестиций в технологии и инфраструктуру. Достойно внимания рассмотрение аверсов и реверсов экономической безопасности банковской системы, проблем формирования банковского надзора, влияния избыточного регулирования банков на конкуренцию и экономический рост, особенностей наличного обращения в цифровой экономике. Не забыли авторы монографии исследовать вопрос значения банковского учёта как надёжной информационной основы принятия рациональных финансово-экономических решений в условиях цифровизации.

Исключительно важную роль в финансовой системе страны играет стабильность налогообложения, его стимулирующее значение в развитии экономики – данному блоку проблем посвящена глава во II томе монографии. Защищённость экономических интересов государства и общества в бюджетно-налоговой сфере гарантирует возможность наличия и использования финансовых ресурсов в целях социально-экономического развития. Приоритетом налоговой политики сегодня выступает усиление регулирующей функции налогов на принципах справедливости, равенства и нейтральности при упрощении налогового администрирования малого и среднего бизнеса. Формируемая «цифровая экономика» также требует развития системы налогообложения в области интернет-сделок и децентрализованных платёжных систем при соблюдении взаимного доверия

государства, бизнеса и общества. Авторами отмечается, что необходимым условием построения справедливой налоговой системы в России является введение прогрессивной шкалы налогообложения и необлагаемого минимума по налогу на доходы физических лиц, широкие возможности для администрирования которого создают цифровые технологии. В целом, тенденции развития системы налогового администрирования показывают стремительный рост эффективности контроля исполнения налогового законодательства, и этот позитивный опыт следует распространить и на контроль за исполнением бюджетных расходов при обеспечении прозрачности отчётности. Достойны внимания аргументы в пользу обеспечения устойчивости системы налогообложения, анализ российского и зарубежного опыта правовой природы института необоснованной налоговой выгоды, предложения по решению имеющихся проблем в области налогового администрирования предприятий, малого и среднего бизнеса, а также обеспечению взаимодействия различных государственных органов в сфере противодействия налоговой преступности.

Что касается пенсионной системы, то в ней происходило очень много изменений. Обязательность ежегодной индексации настолько важна, что её включили в Конституцию Российской Федерации. Современная пенсионная система с институциональной точки зрения представляет собой совокупность взаимосвязанных между собой экономических, социальных и правовых институтов, предназначенных для реализации государственных обязательств по предоставлению гражданам материального обеспечения в виде пенсий или иных выплат и мер социальной поддержки пенсионеров в рамках системы.

В российской пенсионной системе автор доклада о пенсионной системе выделил следующие принципиально различающиеся институциональные формы организации:

- институт страховых пенсий, включая пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца;

- институт досрочных и льготных пенсий, институт накопительных пенсий;

- институт добровольного пенсионного страхования;

- институт государственного пенсионного обеспечения, выплаты которого не обусловлены участием в системе обязательного страхования и уплатой взносов.

Вследствие своей многоукладности российская пенсионная система непосредственно и тесно взаимодействует с различными сферами социально-экономической жизни государства (в первую очередь с макроэкономической), с демографическими и природно-климатическими факторами. Всё это создает объективные предпосылки для усиления воздействия на неё соответствующих рисков: макроэкономических (глобальных и национальных экономических кризисов), демографических (динамика смертности и рождаемости), миграционных и др.

Важнейшим макроэкономическим фактором функционирования не только пенсионной системы, но и бюджетной и налоговой системы государства является пенсионная тарифная политика. От её эффективности зависит не только и не столько формирование доходной части бюджета Пенсионного фонда РФ на текущий плановый период, но и общеналоговая политика и так называемая «нагрузка на бизнес», т.е. в значительном объеме структура всего консолидированного бюджета страны.

Для работодателей, уплачивающих страховые взносы на обязательное пенсионное страхование за своих работников, ключевым индикатором экономической эффективности функционирования пенсионной системы являются показатели уровня фискальной нагрузки страховых взносов. В

частности, в качестве таких показателей выступают: установленный тариф страховых взносов на обязательное пенсионное страхование; средний (эффективный) тариф страховых взносов на обязательное пенсионное страхование; доля страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в объеме ВВП.

Пенсионная система, обусловленная в своём развитии национальной демографией и макроэкономикой, в свою очередь, оказывает многостороннее влияние на макроэкономику, поэтому изменения пенсионной системы, ориентированные на решение конъюнктурных экономических проблем, должны учитывать не только долгосрочные последствия для самой пенсионной системы, но и синергетический эффект, который в современной практике показывает негативные последствия в макроэкономике. Для предотвращения негативных последствий для макроэкономики от краткосрочных изменений условий формирования пенсионных прав застрахованных лиц необходимо исходить из актуарной оценки долгосрочных последствий с учётом анализа достижения целевых ориентиров развития пенсионной системы.

Проблемы, которые рассмотрены в рамках пенсионной реформы, глобально были раскрыты в рамках следующей группы проблем, связанных с местом человека в изменяющемся глобальном мире – с позиций социального смещения в российском рынке труда и трудовых гендерных изменениях в условиях инклюзивной экономики. Отмечается расширение рынка труда с позиций новой структурации и социального пространства за счёт глубинных тектонических смещений до четырёхмерной структурации и взаимодействия рынков труда – занятости – профессий – образовательных услуг. Будучи одновременно и системой, и процессом четырёхмерная структурация обладает не только внешней высокой подвижностью,

внутренними смещениями и социальной изменчивостью, но и играет решающую роль в формировании социального механизма воспроизводства и спроса на трудовые ресурсы в инклюзивной экономике.

Авторы отмечают, что в настоящее время в мире формируется новый гендерный порядок. В общемировом гендерном ландшафте мужчины преобладают (51% против 49% женщин). Именно это объясняет поведенческую агрессивность западных феминистских организаций. В России же гендерная структура противоположная (53% – женщины, 47% – мужчины), что делает Россию самой феминизированной страной. В инклюзивной экономике всё большее место занимает семейное предпринимательство как сфера развития гендерно-нейтральной экономической деятельности, повышения качества жизни российской семьи и закрепления норм нового гендерного порядка. Приведённый в первом томе монографии анализ показывает принципиальную разницу гендерной предпочтительности выбора места работы: женщины преимущественно ориентируются на работу в государственном секторе, мужчины – в частном (особенно в предприятиях с иностранным или смешанным участием). Если в 1991 г. в российской экономике 91% предприятий были государственными, то к 2019 г. их осталось всего 4%. Сектор частной собственности расширился до 87% всех организаций. В сложившейся ситуации присутствует ряд существенных противоречий, одно из которых вызвано пенсионной реформой, которая пролонгировала выход на пенсию для обеих гендерных общностей на 5 лет (до 60 лет для женщин и до 65 лет для мужчин). Следовательно, необходимо официально изменить и трудоспособный возраст – для женщин 16-60 лет, для мужчин – 16-65 лет – и, соответственно, возраст для пенсионной системы.

Анализ социальной тектоники рынка труда приводит к выводу, что в условиях инклюзивной экономики, цифровизации, смены норм гендерного порядка, конкурентоспособность специалистов всё более сильно будет зависеть от двух динамических характеристик: его мобильности, а также способности к ускоренному освоению новых профессий.

Следующая группа проблем, рассмотренная авторами как первого, так и второго тома монографии, посвящена поиску эффективных механизмов обеспечения национальной экономической безопасности России, в числе которых наиболее предпочтительным представляется создание общего регионального рынка Евразийского экономического союза на основе передовых технологий и суверенной двухконтурной финансовой системы, включающей в себя национальные и коллективные денежные единицы. В настоящее время, как отмечено в I томе монографии, наблюдается процесс интеграции финансовых рынков стран, входящих в ЕАЭС, однако объём взаимной торговли стран-участниц ЕАЭС не раскрывает возможный потенциал взаимодействия. Средством развития взаимного товарооборота выступает внедрение цифровой торговли, требующей своего институционального и технологического оформления. Среди предложений авторов II тома монографии можно выделить стимулирование взаимовыгодной промышленной кооперации, создание совместных технологических платформ и промышленных кластеров, развитие торговых площадок ЕАЭС на базе существующих торговых систем и многие другие. Помимо проблем развития ЕАЭС представлены исследования отдельных аспектов экономического развития Китайской народной республики (в частности, особенности внешнеторговой политики), Республики Беларусь (состояние и развитие ресторанного бизнеса), Республики Латвия (финансовая

инклюзия), а также особенности влияния мировых трансформационных процессов на деятельность хозяйствующих субъектов на микроуровне.

К числу факторов, оказывающих воздействие на региональные и национальные экономики, можно отнести не только сугубо экономические, но и политические (включающие санкционное, политическое и военное давление), социальные (связанные с миграцией трудовых резервов и культурными факторами), природно-климатические (как изменения климата, так и природные катаклизмы). В экономической сфере в условиях глобализационных процессов эндогенные факторы играют тем меньшую роль, чем сильнее экономика страны вовлечена в мировые хозяйственные связи. В частности, авторы монографии отмечают, что свойственный либеральной модели глобализации менталитет характеризуется отрицанием субъектности общества, представляя его в качестве множественной формы от слова «человек». В результате получает своё воплощение на практике идеология гипериндивидуализма, отражающая практически неограниченную свободу индивидуального самовыражения и приводящая зачастую к фактической диктатуре различных расовых, этнических, гендерных и иных меньшинств над большинством. В этом заключаются различия иерархии ценностей в западном и российском менталитетах, и серьёзным риском для российского социально-экономического развития выступает развитие в России ультралиберального менталитета в ущерб воспроизводству традиционных ценностей нашего общества.

Особый интерес аудитории вызвала группа проблем межкультурной коммуникации в глобальной экономике. Будущее межкультурной коммуникации, как отмечают авторы I тома монографии, состоит в преодолении антикультуры, выступающей следствием неолиберальной модели развития глобальной экономики, и в создании зародышей новой,

действительной, культуры, связанной с этическим исследованием и критическим мышлением. Во II томе монографии нашло своё отражение детальное раскрытие содержания межкультурной коммуникации, включающей в себя интерактивный контекст, речевые действия и социальное восприятие в условиях дефицита их взаимного понимания и истолкования в силу принадлежности коммуникантов к разным жизненным мирам. В условиях глобальных трансформационных процессов высока степень актуальности разработки теоретико-методологического инструментария моделирования оптимальных межкультурных коммуникаций в целях повышения эффективности коллективных усилий по преодолению мировых и локальных кризисов различного генезиса, воспитания глубоко уважительного отношения к различным культурам, традициям, вероисповеданиям народов. Новейшие технологии создают мощную техническую основу для решения этой сложнейшей задачи, но это требует также целенаправленной работы по интеллектуальному гуманитарному воспитанию, рождению личного интереса к познанию культурных ценностей разных народов.

Прогнозируемый разрыв во внедрении IT-технологий между странами центра и периферии способен усилить дистанцию в национальных системах ценностей в условиях формирования единой системы паттернов, норм, стандартов и принципов «цифровой цивилизации». Развитие цифровых технологий существенно меняет характер коммуникаций в системе человек – общество – государство в силу индивидуального характера получаемой из сети информации, возможности полного контроля за деятельностью пользователя; манипуляция сознанием становится возможной не только по отношению к отдельному индивиду, но и к обществу в целом.

К специфическим проблемам межкультурной коммуникации в России относятся внедрение эффективных мер по укреплению единого культурного пространства, улучшение системы преподавания русского языка, более широкая и разнообразная трансляция этических, интеллектуальных, эстетических и гражданских ценностей более 150 народов и национальностей, населяющих нашу Родину. Приоритетом государственной политики в области межкультурной коммуникации является поддержка многонациональной культуры России и русского языка как языка межкультурной коммуникации с целью расширенного воспроизводства культурного богатства нашего Отечества.

Перечень вопросов, раскрытых в данной монографии, не отражает всей полноты и глубины существующих проблем, стоящих перед современным человечеством. Тем не менее, многообразие теоретических позиций, аналитических разработок, оценок и практических предложений, представленных в данной работе, **даёт возможность читателю** расширить свои теоретические и практические знания о происходящих изменениях в современном (в основном, капиталистическом) способе производства, мирохозяйственных связях, тенденциях социально-экономического развития.

Считаю своим долгом искренне поблагодарить всех участников конференции и прежде всего докладчиков, а также тех, кто принял активное участие в дискуссиях, давал аргументированные комментарии и представил свои выступления в письменном виде. Мы сочли необходимым включить их работы в данную коллективную монографию.

Доклады на пленарных заседаниях, глубокие по содержанию, представленные авторами аргументированные позиции позволили сделать хороший задел для дальнейших творческих обсуждений на заседаниях секций, а в итоге создали возможность участникам конференции обогатить

свои знания по актуальным проблемам, ознакомиться с предложениями коллег по их решению, увидеть презентации новых концепций и подходов к решению новых проблем, выдвинутых жизнью и даже коронавирусом.

Многие участники конференции отмечали демократический стиль ее проведения, что позволило им расширить прямые личные научные связи, ярче почувствовать значимость поднятых проблем и огромную ответственность за их решение, а главное – явилось мощным стимулом по активизации научных исследований, как в теоретическом, так и в практическом направлении, усиливая аргументацию, доказательную базу, апробированность предлагаемых решений.

По поручению многих участников конференции и от себя лично разрешите выразить особые слова благодарности инициатору всех семи конференций профессору Альпидовской Марине Леонидовне – блестящему организатору, глубокому исследователю и прекрасному педагогу. Надеюсь, ждать очередную VIII конференцию нам с вами не придется долго.

Готовьте, пожалуйста, свои предложения по решению назревших социально-экономических проблем. Будем рады познакомиться с новыми теоретическими разработками, результатами внедрения практических предложений, высказанных на наших предыдущих конференциях.

С глубоким уважением, дорогие коллеги, друзья, желаю вам богатырского здоровья, творческого вдохновения, удачи и успехов в работе, семейного счастья и, конечно, как финансист, желаю постоянно возрастающего финансового благополучия.

А.Г. Грязнова

ГЛАВА 1. ЗАКАТ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В.Т. Рязанов

Санкт-Петербургский государственный университет

1.1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ. ВЛИЯНИЕ КОРОНАВИРУСНОЙ «ПАНДЕМИИ»

Тенденция глобализации экономики, активно действующая в XX веке и перешедшая в следующий век, обусловлена объективными причинами, которые вытекают из природы самого капитала. Необъятность мировых рынков и возможность получения извне дешевых минеральных и прочих ресурсов – всё это закладывало основу для формирования ориентации капитала на их освоение. Так рождалась присущая капиталу экспансия, требуя постоянного расширения рынков, благодаря которым обеспечивается присвоение прибавочной стоимости в растущих масштабах и одновременно создаются предпосылки для экономического динамизма самой системе капиталистического хозяйствования.

Хотя процесс глобализации экономики носит долговременный характер, сам термин «глобализация экономики» («экономическая глобализация») стал активно использоваться в 1970-1980-е годы, а в его трактовке существуют известные расхождения и разные объяснения истории возникновения. В качестве характерного примера, сошлемся на такое её определение: «Глобализация – это исторический процесс либерализации и последующей интеграции ранее относительно изолированных рынков капитала, товаров и (с некоторой задержкой и в ограниченных масштабах) труда в единый мировой рынок»[2].

[2] Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2012. С.29.

Это означает, что для характеристики экономической глобализации следует учитывать три важных признака. Во-первых, капитал приобретает всё в большей степени транснациональный характер, что оборачивается растущим разрывом с национальным экономическим пространством и преобладанием в его поведении глобально выстроенных экономических интересов. Во-вторых, рынки утрачивают свою национальную обособленность и становятся глобальными, что определяет более сложную конструкцию воспроизводственного механизма, характеризуемого переплетением его национальных и общемирового контуров в хозяйственной деятельности. В-третьих, возникает глобальный тип коммуникаций и взаимодействия хозяйствующих агентов в виде глобальных сетей, действующих в наднациональном пространстве. Такая возможность особенно получила развитие в условиях разработки и внедрения новых информационно-компьютерных технологий, основанных на интернете.

Тем самым для содержательной оценки глобализации экономики опорным пунктом становится стремление к демонтажу государства, который объясняется гипотезой о произошедшем разрыве единства территории, экономического пространства с его ресурсами, нациями и государствами. Отсюда закономерно постулирование глобалистами главного лозунга: рыночные принципы важнее национальных границ, институтов и регуляторов. При этом сама конструкция глобального рынка, нацеленная на свободное движение товаров, денег и капиталов, как это не парадоксально, закономерно достраивается сверхцентрализованными центрами обеспечения господства транснационального (глобального) капитала.

То, что экономическая глобализация выступает как историческая действующая тенденция, раскрывает её волнообразную природу, которая проявлялась в чередовании периодов усиления и ослабления глобальных процессов. Такая волнообразность отражает наличие общего свойства

цикличности, присущего капиталистически-рыночному способу производства. При этом на каждом этапе действуют как общий, так и специфический набор стимулирующих факторов, который подкрепляет и усиливают глобалистскую тенденцию. В наиболее общем плане речь идёт в первую очередь о растущей мобильности капитала, которая разрушает барьеры в движении товаров и денег. Вполне понятно, что самой высокой мобильностью обладает финансовый капитал, возвышение которого дополняет и определяет специфику современного этапа глобализации. В свою очередь, такая мобильность усиливается за счёт развития информационно-компьютерных технологий, способствующих снижению трансакционных издержек при образовании глобальных хозяйственных сетей. Поэтому наступление очередных волн глобализации в немалой степени опирается на активное действие этих факторов.

Отсюда следует важный вывод: когда «финансовые» и «информационно-компьютерные» нововведения более значимы и успешнее (прибыльнее), чем технологические инновации в сфере реального производства, можно ожидать очередной взлет глобалистской тенденции в мировой экономики. И наоборот, технологический прорыв, ведущий к снижению производственных издержек, появлению новых технологий и товаров и т.п., восстанавливает роль реального производства с его привязкой к территории (государству), ослабляя тем самым тенденцию к глобализации.

В экономической литературе, как правило, выделяются три волны усиления глобализации в мировой экономике[3].

Первая волна (1870-1914 гг.) возникла благодаря комбинации двух факторов: удешевлению транспорта (переход к паровому флоту) и снижению тарифных барьеров, начавшемуся с англо-французского соглашения (1860 г.).

[3] См.: Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. Доклад Всемирного банка. М.: Изд-во «Весь мир». 2004.

Этот период характерен важными системными изменениями, которые произошли в природе капитализма и которые были обусловлены переходом к монополистическому капитализму. В это время завершается формирование капиталистической системы хозяйства как мировой.

Вторая волна глобализации проходила в период 1945-1980 гг., и она поддерживалась очередным снижением стоимости морских перевозок (на 1/3) и наступлением этапа снятия тарифных ограничений во внешней торговле, на которое было нацелено, в частности, создание новых международных экономических организаций, таких как ГАТТ (ВТО)[4], Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного Банка (ВБ), наделенных определенной степенью легитимности. Благодаря деятельности этих организаций торговля готовыми промышленными изделиями между развитыми странами к 1980 г. практически была освобождена от тарифов при сохранении барьеров в отношении товаров развивающихся стран, за исключением промышленного сырья. Важной чертой этой волны глобализации является то, что в этот период произошел распад колониальной системы и возникла мировая социалистическая система хозяйства.

Третья волна глобализации (1980-2007 гг.) характеризовалась тем, что особую роль в её действии играли перенос рабочих мест в регионы с меньшими издержками производства и возникновение сетевых структур в организации глобального бизнеса с использованием дистанционного управления. Новым измерением глобализации можно считать невиданную ранее степень плотности и новых форм межличностных отношений посредством развиваемых средств коммуникации (Интернета). На этот период также пришёлся распад мировой социалистической системы хозяйства.

[4] Генеральное соглашение по тарифам и торговли (ГАТТ) возникло в 1947 г. и в 1994 г. было преобразовано во Всемирную торговую организацию (ВТО). С вступлением Российской Федерации в ВТО (2012 г.) в эту организацию входит 158 государств.

В чём причины волнообразной природы усиления глобализации и наступления периодов её ослабления?

В главном они связаны с противоречиями самого капитала, которые имеют многообразные проявления в самых разных сферах. Речь в первую очередь идёт о его главном противоречии, обусловленным противоречием между усиливающимся глобальным характером производства и сохраняющимся частной формой присвоения его результатов, также как и частной организацией хозяйственной деятельности. Всё это находит проявление в масштабе противоречий и возникающих диспропорций в глобальном экономическом пространстве, что отражает хаотичную природу самого капиталистического рыночного хозяйства. Поэтому расширение глобализации экономики на каком-то этапе с неизбежностью сталкивается с предельной остротой экономических и социальных противоречий и ограничений, которые запускают кризисные процессы, разрешение которых приводит к ослаблению процесса глобализации.

В силу действия тенденции глобализации возникающие экономические кризисы закономерно приобрели мировой характер. Также не случайно, что две волны глобализации прерывались мировыми войнами, которые выступали следствием предельно острых противоречий в системе мирового капиталистического хозяйства, сопровождаемых кризисными процессами. В них отражалась невозможность расширения рынка для капитала с использованием мирных средств. Выход из тупика возникновения ограниченности рыночного пространства разрешался через очередной его силовой передел.

Что касается последней (третьей) волны глобализации, то её наступление без явного отката, в значительной мере объясняется тем дополнительным ресурсом для экспансии капитала, который возник из-за распада мировой социалистической системы и её поглощением мировым (глобальным) капиталом. Крушение СССР и мировой социалистической системы хозяйства не могло не дать мощный импульс к усилению тенденции

капиталистической глобализации уже только за счёт одного увеличения пространства её распространения. В середине 1980-х годов на долю 15 социалистических стран приходилось 33% всего населения мира и ими производилось до 36% мировой промышленной продукции, в том числе 20% в СССР. О значимости этого события для современной геоэкономической ситуации можно судить, если задать простой вопрос: мог ли быть реализован глобалистский проект под водительством США пока существовал СССР? Ответ представляется очевидным.

Тем не менее и эта волна глобализации экономики подошла к своей финальной фазе, о чём свидетельствовал мировой кризис 2008-2009 гг., который по своему масштабу и глубине воздействия оказался вторым по значимости после Великой депрессии 1930-х годов. Наступление очередного кризиса глобализации определялось действием целой группы факторов.

Во-первых, изначально само стремление к форсированию глобализации опиралось на чрезмерно завышенный потенциал её углубления. Во многом это объясняется переоценкой роли информационных технологий в экономике. Действительно, они придают хозяйственным процессам новое качество, но оно на данном этапе присутствовало прежде всего в финансовой сфере, в которой произошло реальное формирование однородного и открытого пространства. На этой основе возникла иллюзия о том, что такое слияние информационных возможностей и хозяйственной деятельности распространилось на всё экономическое пространство. То, что они пересекаются и взаимодействуют – это так, но это не означает их полного взаимопроникновения. Преувеличение возможностей информационных технологий дополнялось недооценкой растущих проблем и потерь от их широкого распространения (компьютерные сбои и вирусы, мошенничество и т.д.).

Во-вторых, заблуждением оказалось представление о действии тенденции глобализации как монотонно действующей, более того с нарастающей силой за счёт искусственного форсирования, что нацеливало на

последовательное расширение её масштаба и сфер проникновения. Недооценено было всеобщее свойство цикличности, присущее не только производственной деятельности в капиталистической экономике, но и выбору вариантов экономической политики, режимов хозяйствования и т.п.

В-третьих, ещё большей ошибкой является представление о глобализации с точки зрения её неолиберального содержания, которое обусловило появление побочных последствий, также как и подтвердило неосуществимость в достижении конечной цели. Ведь глобализация как процесс должна когда-то завершиться, достигнув своей вершины. Таковой мыслится формирование гомогенного экономического пространства с открытостью всех рынков, едиными правилами хозяйствования и налогообложения, юридическими нормами, институтами и наднациональными регуляторами и т.п. Можно предположить, что в организационном отношении такого рода перемены должны привести к появлению некой глобальной суперкорпорации или в другом варианте взаимосвязанной сети мегакорпораций. Их функционирование предполагает перекрестное владение акциями, взаимными поставками, согласованием экономических интересов, плотное хозяйственное взаимодействие и т.п.

Однако в реализации неолиберального проекта глобализации не следует забывать о неустранимой в обозримом будущем разнородности и разноуровневости в развитии, а также разномасштабности мирового хозяйства, что предопределяет его несводимость к какому-то универсальному стандарту. Ещё более существенно то, что на данном этапе в мире нет объединяющего все страны даже общего представления о будущем, которое можно было бы выразить в обобщенных характеристиках социально-экономического устройства мирового сообщества. Более того, современный мир – это острое и конфронтационное столкновение не только разных образов будущего, но и противостоящих неолиберализму альтернатив развития, за которыми скрываются разные, а, подчас, противоположные идеологии, культуры, религии и, в конечном счете, национальные интересы.

Для кризиса глобализации не менее значимыми оказались издержки и побочные последствия, которые возникли в процессе форсирования неолиберальной глобализации. Прежде всего речь идёт о сформировавшейся на её основе спекулятивно-финансовой модели экономики, которая отличается высокими рисками и неустойчивостью из-за разрыва с сектором реального производства.

Доминирование спекулятивно-финансового сектора стало закономерным результатом внедрения крупных инноваций в финансовой сфере, которые по своей сути выступали в качестве изощренных способов «делания денег из воздуха», что привело к появлению новых финансовых продуктов и развитию технологии торговли финансовыми инструментами. Наиболее характерной из таких технологий стало возникновением в конце 1970-х годов практики «секьюритизации активов», которая позволяла переводить долги в ценные бумаги (облигации) с последующей их реализацией на глобальном рынке. Этим коммерческие банки снимали с себя значительную часть рисков по выдаче кредитов, что развязывало им руки в развертывании кредитно-спекулятивной деятельности.

Таблица 1

Глобальные финансовые активы и мировой ВВП (1980-2007 гг.), трлн долл.

	1980	1990	2000	2005	2006	2007
Активы	12	43	94	142	167	195
ВВП мира	10	22	32	45	48	55
Активы к ВВП %)	119	201	295	317	346	356

В составе глобальных активов учтены: акции, государственные и негосударственные долговые обязательства, банковские вклады.

Источник данных: МВФ, ВБ

Всё это повлияло на масштаб разрастания финансового капитала, которое в своей завершающей фазе приобрело свойство сформировавшейся финансовой пирамиды. Стремительный рост финансовых активов значительно опережал динамику основных параметров экономического развития. Так, при их росте за период 1980-2007 гг. в 16 раз, увеличение мирового ВВП за этот период составило 5,5 раз (табл. 1). Возникшее превышение финансовых активов в сравнении с мировым ВВП, которое в 2007 г. достигло более чем 3,5 раза, свидетельствовало о значительном перегреве глобального финансового рынка.

Существенное содействие развитию финансового сектора как глобального оказало масштабное использование информационно-компьютерный технологий, которые позволили оформить единое экономическое пространство как общее информационное поле для финансовых операций в обход национальных границ и избегая национальных регуляторов. Возникшая сверхвысокая мобильность финансового капитала обеспечила растущие доходы за счёт либерализации и глобализации финансовых рынков, что обернулось разрывом с реальной экономикой и самодостаточностью их функционирования.

Одним из наиболее ярких примеров такого разрыва стало значительное расхождение динамики величины и доли прибыли в этих сферах. Так, в период 1980-2005 гг. прибыль финансового сектора США в номинальном выражении возросло более чем в 5 раз, приблизившись к 250 млрд долл. в год, а её доля в общей корпоративной прибыли увеличилась более чем в 2 раза, достигнув почти 45%[5].

Развёртывание глобализации с опорой на финансиализацию экономики привело к искажению цен и балансов, изменению движения потоков ресурсов

[5] См.: Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. С.225.

и инвестиций, запустило процесс деиндустриализации, породило систему ложных научных взглядов и экспертных оценок, изменило имидж привлекательности сфер человеческой деятельности и профессий и т.д. Всё это повлекло образование глобальной асимметрии в центр-периферийном устройстве мировой экономики. Глобальные финансы и избыточное потребление по-прежнему концентрировались в центре, а производственный сектор с сохранением недостающего потребления переместился на периферии. Возникшие разрывы и дисбалансы способствовали перенакоплению спекулятивно-финансового капитала, заложив основу неизбежного мирового экономического кризиса, который и начался в 2007 г. с обвала финансового рынка США с последующим распространением без существенных ограничений по всему глобальному финансово-экономическому пространству.

Оценивая результаты последней волны неолиберальной глобализации, нельзя игнорировать общее нарастание неравенства в мире. Оно стало её непосредственным и опасным результатом, в котором можно зафиксировать критичный уровень несбалансированности в социальной сфере. О превращении социального неравенства в глобальную проблему свидетельствуют множество экспертных оценок и публикаций[6]. В них нашло эмпирические подтверждение возникновение характерной пирамиды неравенства, которая раскрывает колоссальные разрывы располагаемого богатства в мире, когда абсолютное меньшинство (0,5%) обладает 38,5% мирового богатства, а подавляющему большинству населения (67,6%) принадлежит всего 3,3% от его общей величины[7].

Причём проблема неравенства относится не только к периферийной зоне мирового хозяйства, но она вновь и в не меньшей степени затронула

[6] См., например: Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
[7] Источник: Credit Suisse (https://infocus.credit-suisse.com. report.pdf).

развитые государства. Именно переход к неолиберальной модели экономической глобализации привел к возобновлению в этих странах процесса повышения социальной дифференциации.

Так что наступление мирового кризиса в силу как экономических, так и социальных причин было неизбежным. Анализируя кризис 2008-2009 гг., следует отметить, что его характеризует реальное падение общемирового уровня по основным макроэкономических параметрам. В отличие от предшествующих спадов в отдельных странах и регионах, которые не сопровождались общемировым падением, он оказался первым после второй мировой войны полномасштабным мировым кризисом. Объём мирового ВВП в 2009 г. сократился на 0,7%, а это пик случившегося экономического кризиса. Причём в развитых капиталистических странах падение ВВП достигло 3,7% (в 2008 г. рост был всего 0,1%), тогда как в развивающихся странах произошло лишь снижение темпов роста с 6,1 до 2,8%. Ещё более существенным было сжатие внешней торговли как одного из главных параметров углубления глобализации. При общем сокращении объёма мировой торговли товарами и услугами в 2009 г. на 12%, экспорт развитых государств уменьшился на 11,9%, а импорт – на 12,4%. В развивающихся странах падение экспорта составило 7,7%, импорта – 8%.

Наступивший посткризисный период закономерно ставит вопрос о судьбе глобализации экономики. С одной стороны, выход из кризиса глобализации предопределяет неизбежность вступление в период постглобализации с задачей проведения серьёзного системного разворота. Он предполагает осуществление назревшего глубокого реформирования сложившейся экономической модели с нацеленностью на устранение спекулятивно-финансового перекоса в его основании, а также на восстановление привычных базовых полномочий национальным

регуляторам [8]. При этом потребность в ослаблении экономической глобализации также объясняется задачами, относящимися к политической сфере. Так, американский ученый Д. Родрик сделал примечательный вывод о том, что «нам ещё предстоит открыто признать, что следует снизить планку экономической глобализации, если мы хотим, чтобы национальное государство оставалось важнейшей точкой приложения демократической политики»[9].

С другой стороны, тенденция глобализации экономики даже в условиях её ослабления не может совсем исчезнуть в системе мирового капиталистического хозяйства уже только в силу самой экспансионистской природы капитала и сохраняющихся экономических интересов глобальных хозяйствующих субъектов. Этим определяется острота противостояния экономических интересов разных отрядов капитала. Наиболее мощная группа финансового капитала заинтересована в восстановлении и продолжении глобалистской тенденции, но ей противостоит другая группа капитала, которая выступает за «малую глобализацию» (регионализацию) и за возвращение производства на территорию своих стран.

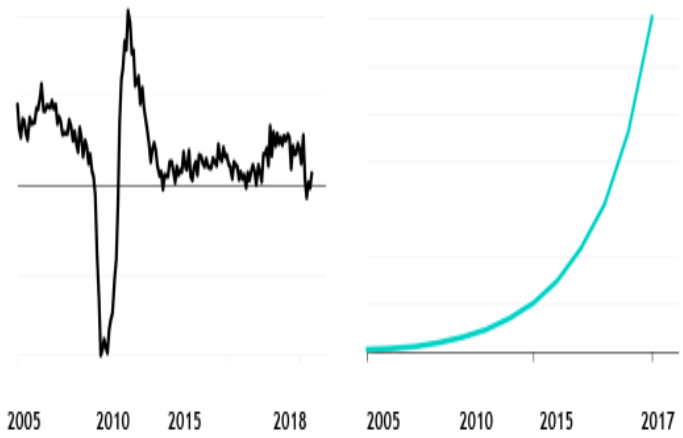


Рис. 1. Динамика мировой торговли и трансграничные потоки интернет данных, терабит в секунду

[8] Подробнее см.: Рязанов В.Т. Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. Сер. «Экономика» 2012. Вып.2.
[9] Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М: Изд-во Института Гайдара. 2014. С. 414.

При этом в период постглобализации отдельные глобалистские элементы и формы хозяйственной деятельности продолжают использоваться в сочетании с процессами деглобализации. Хотя сегодня преобладает ориентация на глобализацию малого формата, т.е. на регионализацию и более того, возродились протекционистские мотивы, но даже в этих условиях тенденция к глобализации экономики сохранилась. В частности, об этом свидетельствует всё более масштабное перемещение хозяйственной деятельности в виртуальное пространство на базе интернет технологий[10].

И это происходит при резком сокращении темпов роста мировой торговли. Если до мирового кризиса 2008-2009 гг. её среднегодовые темпы роста составляли около 12%, что более чем в 3 раза превышало темпы роста мирового ВВП. Это означало, что внешний спрос был главным стимулятором экономического роста, способствуя усилению глобалистской тенденции. После мирового кризиса темпы роста мировой торговли резко сократились, в том числе из-за введения ограничительных мер и развертывания политики санкций. Они стали почти в 1,5 раза меньше темпов роста ВВП, что указывает на переориентацию с внешнего на внутренний спрос, а это отразило снижение заинтересованности в экономической глобализации. Вместе с тем такое сужение сферы действия тенденции глобализации в известном смысле компенсируется значительным нарастанием плотности трансграничных потоков интернет данных. За 2005-2017 г. они увеличились с 100 до 1400 терабит в секунду, т.е. в 14 раз. (См. Рис 1). Такой стремительно растущий поток информации объясняет продолжение качественных перемен в организации хозяйственной деятельности, в которой находят широкое применение интерактивные цифровые платформы на всем глобальном экономическом пространстве.

[10] Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019.

Рис. 2. Индекс S&P 500 в США (2007-2019)

Источник: Bloomberg

Ещё более существенно то, что сама спекулятивно-финансовая модель экономики, которая лежала в основании действия последней тенденции глобализации, сохранилась. Хотя она и претерпела определённые перемены, связанные с внедрением дополнительных регулирующих норм на наднациональном уровне и в национальном законодательстве. Тем не менее доминирующая роль финансового сектора осталась неизменной. Как и до мирового кризиса глобальные финансовые рынки остаются самыми привлекательными для капитала, куда он по-прежнему стремится из-за его высокой прибыльности.

На рис. 2 приведены данные о динамике основного фондового индекса США (S&P 500). Как видно, в посткризисный период он увеличился более чем в 3 раза и в начале 2020 г. установил рекордное значение, превышая величину индекса в 3200 пунктов. При этом рост ВВП США за этот период составил всего около 25%, а промышленное производство развивалось ещё более медленными темпами.

Приведённые примеры, которые можно ещё дополнить массой других данных, подтверждают тот факт, что последствия кризиса глобализации до конца не преодолены. Это означает, что сложившиеся в прошлом экономическом цикле системные ограничения продолжают действовать. Как констатировал Дж. Стиглиц: «Мы создали эрзац-капитализм с неясными правилами, но с предсказуемыми последствиями: будущими кризисами …»[11]. Не устранённые системные противоречия и ограничения удавалось в посткризисный период частично нейтрализовать огромными денежными инъекциями, которыми сдерживали кризисное обострение в экономике, одновременно расширив временные рамки восстановительной фазы. Однако сами эти противоречия и ограничения не исчезли, в них накапливался потенциал для ожидаемого ещё более масштабного кризиса. По существу, неизбежность его наступление определялось их действием, хотя последним взрывным импульсом послужила внезапно возникшая в конце 2019 г. коронавирусная эпидемия (CoViD-19) в Китае, которая стремительно распространилась по всему мировому хозяйству и в марте 2020 г. превратилась в пандемию, затронув абсолютное большинство стран.

Попутно стоит отметить, что сформировавшаяся открытость глобального пространства не могла не способствовать столь быстрому распространению коронавируса, разрушая по пути глобальные экономические сети и нанося удар по экономике. В этом отношении распахнутость всего мирохозяйственного пространства, отсутствие надежного контроля и регулирования перемещения потоков людей вполне закономерно создало самую благоприятную среду для повсеместного проникновения вируса. Получается так, что открытость, принося несомненную пользу для людей, одновременно содержит в себе издержки,

[11] Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. С.350.

способствуя распространению разного рода неблагоприятных природных факторов. Отсюда и особенность наступившего кризиса. Она заключается в том, что в составе его причин присутствуют наряду с системными и циклическими природные факторы, в нынешний период связанные с действием эпидемиологического фактора.

Само по себе не до конца понятное происхождение коронавирусной инфекции, также как и сложность в оценке возможных от неё последствий, существенно затрудняет прогнозирование дальнейшего развития событий. Но уже очевидна по-настоящему серьёзная опасность, которую она представляет для здоровья человека и для привычного образа жизни, учитывая чрезвычайно высокую активность коронавируса и начальное отсутствие надежных антивирусных препаратов и методов борьбы с ним.

Важно особо подчеркнуть, что пандемия убедительно подтвердила наличие серьёзных рисков и угроз для самого существования человеческого сообщества, которые содержатся в самом либерально-рыночном проекте, его апологии и в попытке внедрить во все сферы жизнедеятельности человека. Достаточно обратить внимание на то, что значительная часть урона, который был ею нанесен, обусловлена неподготовленностью властных институтов большинства государств. Она, в свою очередь, обусловлена теми рыночными реформами в сфере здравоохранения, которые проводились «эффективными менеджерами» под модным девизом «оптимизации», что и привело к фактическому развалу её эпидемиологического звена. Не случайно также и то, что на данном этапе наименее подготовленными странами к своевременному реагированию на чрезвычайную ситуацию как раз оказались страны с либерально-ориентированными политическими режимами.

Таблица 2

Динамика реального ВВП в 2011-2019 гг. (среднегодовые темпы 2001-2018 гг., 2019 г.; прогноз на 2020-2021 гг. в %)

Страны и регионы	2001-2010	2011-2018	2019	2020 прогноз (1)	2020 прогноз (2)	2021 Прогноз (2)
Мир	3,9	4,0	2,9	3,4	- 3,0	5,9
Развитые страны	1,7	1,9	1,7	1,7	- 6,1	4,5
США	1,7	1,8	2,3	2,1	- 5,9	4,7
ЕС (еврозона)	1,2	0,7	1,2	1,4	-7,5	4,7
Германия	0,9	1,8	0,6	1,2	- 7,0	5,2
Франция	1,3	1,3	1,3	1,3	- 7,2	4,5
Англия	1,6	2,0	1,4	1,4	- 6,5	4,0
Япония	0,6	0,9	0,7	0,5	- 5,2	3,0
Развивающиеся страны	6,2	5,0	3,7	6,0	-1,0	6,6
Китай	10,5	7,4	6,1	5,8	1,2	9,7
Индия	7,5	7,0	4,2	7,0	1,9	7,4
Бразилия	3,7	0,6	1,1	2,0	- 5,3	2,9
Россия	4,8	1,6	1,3	1,9	- 5,5	3,5

Источник: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC

Прогноз (1) – конца 2019 г.; прогноз (2) – середины апреля 2020 г.

То, как разворачиваются в мире события с коронавирусной пандемией, закономерно побуждают уже сейчас затронуть вопросы о её влиянии на показатели экономического развития и на определение перспектив перестроения хозяйственного устройства.

Что касается последствий для экономики, то уже более чем вероятен сценарий развёртывания полномасштабного кризиса мировой экономики. Естественно, что он ещё в начальной фазе и затруднительно прогнозировать его последовательное развёртывание и возможные масштабы. Если предполагать наиболее оптимистичный сценарий, а его пока-что удалось реализовать Китаю, то экономические потери от карантина и других сопутствующих расходов могут быть не столь катастрофичны. Так, согласно данным государственного статистического бюро КНР, по итогам первого квартала 2020 года падение ВВП в этой стране составило 6,8%, что вообще впервые у неё случилось за последние 28 лет.

Примерно такой относительно благоприятный сценарий заложен в прогнозе МВФ, согласно которому ожидается спад экономики в 2020 г. с последующим быстрым восстановлением в 2021 году (см. табл. 2). Причём ещё в конце 2019 г. им прогнозировалось продолжение экономического роста, хотя и с низкими темпами для развитых капиталистических стран и с признанием существующей опасности экономического кризиса. Однако не следует исключать вероятность более масштабного и продолжительного кризиса, если предположить только достаточно длительный период борьбы с коронавирусной пандемией. При этом не следует исключать роль не менее значимого кризисного потенциала, который накопился в существующей модели капиталистического хозяйства. Поэтому вполне уместны прогнозы с обращением к истории Великой депрессии 1930-х годов. В этой связи особого внимания заслуживает проблема массовой безработицы (к примеру, в США её возможный уровень прогнозируется до 20-25%), сопровождаемая резким снижением уровня жизни и т.п. Безусловно, многое будет зависеть от того, насколько странам удастся справиться с последствиями пандемии и перезапустить экономику.

В заключении отметим, что перезапуск экономики вряд ли будет успешным, если само хозяйственное устройство, как оно сложилось в варианте спекулятивно-финансовой экономики с глобальными приоритетами, останется неизменным. Поэтому в борьбе с коронавирусной пандемией и её последствиями не следует забывать о необходимости устранения системных ограничений и перекосов в действующей экономической модели и быть готовым к продвижению альтернативных проектов, которые не только решали бы возникающие экономические и социальные задачи, но и в не меньшей степени обладали бы способностью создать благоприятную и защищенную среду для человека, его здорового и благополучного развития.

Литература

1. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики. Доклад Всемирного банка. М.: Изд-во «Весь мир». 2004. – 320 с.
2. Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? М.: Магистр, 2012. – 176 с.
3. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
4. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 576 с.
5. Рязанов В.Т. Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности // Вестник СПбГУ. Сер.экономика. 2012. Вып.2. С.13-32.
6. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. – 695 с.
7. Рязанов В.Т. Современная политическая экономика: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.
8. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011. – 512 с.

А.В. Бузгалин,

МГУ имени М.В. Ломоносова

1.2. ТОТАЛЬНЫЙ РЫНОК И ФИНАНСИАЛИЗАЦИЯ ТОРМОЗЯТ ПРОГРЕСС ТЕХНОЛОГИЙ И ЧЕЛОВЕКА[12]

Закат неолиберального этапа развития позднего капитализма [13] становится всё более актуальным вызовом и для теоретиков, размышляющих о проблемах социально-экономического развития, и для эконом-политиков, сталкивающихся с новыми вызовами постглобального мира. Дискуссии футурологов о новой (у кого третьей, у кого – четвёртой[14]) промышленной революции, постуглеводородном мире и последствиях роботизации делают насущными вопросы нового качества роста и занятости. Радость от окончания мирового финансово-экономического кризиса сменяется ожиданием новых потрясений, глобальные либерализованные рынки раскалываются и фрагментируются.

Мир и Россия всё чаще ищут альтернативы неолиберализму в консерватизме: начавшись с ренессанса ислама на Востоке, евроскептицизма – на Западе, «державности» – в России, консервативная волна продолжилась победой Трампа и не спешит угасать… За всеми этими симптомами скрываются глубинные противоречия, требующие теоретического

---

[12] Данный текст представляет собой фрагмент статьи, опубликованной в журнале «Вопросы политической экономии» (2018. № 2, С. 10-38). Автор выражает благодарность О.В. Барашковой за помощь в подготовке статьи.

[13] Категория «поздний капитализм» широко используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе (в частности, но не исключительно, в рамках Франкфуртской школы) для характеристики специфических черт капитализма, возникших в XX в. Продолжая традиции Э. Мандела и близких к нему ученых (см. Mandel E. Late capitalism. London: Humanities Press. 1975), мы определяем поздний капитализм как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использовать элементы посткапиталистических отношений: сознательное регулирование экономики; бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др.; перераспределение части прибыли капитала в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.

[14] Позиционирование очередной промышленной революции как четвертой наиболее масштабно было представлено мировой общественности в докладе К. Шваба – основателя и главы Всемирного экономического форума, ежегодно проводимого в Давосе (Schwab K. The fourth industrial revolution: What it means, how to respond / Web Economic Forum. Official site. Published 14 January. 2016. URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond (дата обращения: 20.04.2020); Schwab K. The fourth industrial revolution. New York: Crown Business. 2017).

осмысления, прежде всего социально-экономического и системного. А системный социально-экономический, акцентирующий проблемы качественных изменений и диалектические противоречия, взгляд – это, как известно, альфа и омега марксистской методологии. Не пора ли вспомнить о ней и использовать для анализа вползающего в тотальный кризис капитализма?

* * *

Человечество вступило в XXI в. с высокоразвитыми, но «перекошенными» производительными силами, обеспечивающими ежегодное (если не чаще) обновление электронных девайсов, используемых преимущественно для решения задач потребления[15], но не способных создать материальную базу, достаточную для избавления миллиардов жителей Земли от нищеты и пандемий, не говоря уже об обеспечении условий для свободной творческой деятельности хотя бы всем, кто потенциально может её осуществлять, – людям с высшим и средним специальным образованием. Общая закономерность последних десятилетий эволюции позднего капитализма образно, но точно, выражается известной фразой: *невидимая рука рынка чем дальше, тем больше указывает не в ту сторону*.

Впрочем, афоризмы, при всей их выразительности, тем и отличаются от научных определений, что фиксируют лишь образ, а наука начинается там, где господствуют категории. «Не та сторона» – это не более чем видимость, указывающая на то, что механизмы рыночного саморегулирования все больше уводят экономические процессы в сторону от магистрали социально-экономического прогресса, главным критерием которого выступает гармоничность развития человеческих качеств и общества в диалоге с

[15] В качестве иллюстрации приведем пример из педагогической практики: во время дискуссии на магистерском семинаре в МГУ одна из студенток с горечью заметила: «С помощью компьютера, в десятки раз слабее моего айфона, человечество вышло в космос, а мы эти девайсы используем для поиска дешёвых шмоток и посылки прикольных фоток» (мы намеренно сохранили студенческий сленг).

природой (эти критерии, крайне редко упоминаемые экономистами «основного направления», многократно формулировались авторитетными международными организациями и крупнейшими мыслителями[16]).

Но эта видимость легко обнажает сущность, если мы используем адекватные методы исследования – современный марксистский анализ, идущий в постоянном диалоге с классическим институционализмом, эко-социо-ориентированными исследованиями в области экономики развития, с гуманистической социальной философией[17] (Galbraith, 2012; Harvey, 2003; 2006; Wallerstein, 1999; Фромм, 1989; 1990). Этот метод позволяет показать, что *причиной деформаций в прогрессе производительных сил выступает система производственных отношений, характерных для неолиберальной модели позднего капитализма*. Исследованию этих проблем мы посвятили серию работ, в которых, в частности, показали происходящую в последние десятилетия трансформацию отношений, отражаемых категориями *рынок* (в марксистской терминологии – товар), *деньги* и *капитал*.

В первом случае можно зафиксировать хорошо известное науке явление трансформации рынка в систему отношений, где на место обособленных атомизированных производителей приходят *корпоративные сети*, обладающие *способностью манипулировать другими акторами экономики* в определенных (заданных встречным манипулятивным воздействием других корпоративных сетей и государством) пределах. Основу рыночной власти этих корпоративных сетей составляет не столько

[16] Критериям развития и направлениям решения основных глобальных проблем были посвящены программа ООН «Цели развития тысячелетия», принятая на 2000–2015 гг. странами – членами ООН и рядом международных организаций (см. отчет по программе: ООН, 2015) и сменившая её программа в области устойчивого развития. О проблеме критериев социально-экономического и гуманитарного развития см. также: Антипина, 1995; Печчеи, 1985; Фромм, 1990).

[17] См., например: Galbraith J.K. Inequality and instability: A study of the world economy just before the great crisis. London: Oxford University Press. 2012; Harvey D. The new imperialism. Oxford: Oxford University Press. 2003; Harvey D. Spaces of global capitalism: A theory of uneven geographical development. London: Verso. 2006; Wallerstein I. The end of the world as we know it. Social science for the twenty-first century. Minneapolis-London: University of Minnesota Press. 1999; Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс. 1989; Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс. 1990.

монопольное положение отдельной корпорации на рынке (формально у того или иного юридического лица его может и не быть), сколько концентрация капитала в рамках *сети сетей* (как правило, представленной неформальной кооперацией ряда корпораций), объединение этих сверхсетей с финансовыми, государственными и иными институтами (СМИ, маркетинговые, пиар, рейтинговые и т. п. фирмы) и другие, производные от этого механизмы экономической власти. Так рынок становится формой, скрывающей во многом (но не во всём!) иное, чем в условиях классического капитализма, содержание: систему отношений корпоративного манипулирования и кооперации/конкуренции корпоративных сетей. Рождение этих отношений было зафиксировано более полувека назад (к наиболее известным их теоретических описаниям относятся работы Дж. К. Гэлбрейта и представителей университетской школы политэкономии).

С конца XX и особенно в XXI в. наиболее яркой формой такого манипулирования стало производство товаров-симулякров, удовлетворяющих искусственно созданные симулятивные потребности. Рождение рынка симулякров было замечено давно, и первоначально речь шла «всего лишь» о продаже знаков[18]. Но сейчас мы можем и должны говорить о «развитии» рынка знаков до *рынка симулякров* – товаров, *как бы* обладающих *как бы* способностью *как бы* удовлетворять *как бы* существующую *как бы* потребность. Такому рынку (точнее, господствующим на таком рынке корпоративным сетям) нужны производительные силы, не столько обеспечивающие рост производительности труда и качества продукции, сколько создающие все более эффективные механизмы манипулирования и создания симулякров.

Наиболее явственно тренд приоритетного развития бесполезного сектора и обслуживающих его производительных сил проявляется в процессе

[18] См.: Бодрийяр Ж.К критике политической экономии знака. М.: Академический проект. 2007.

финансиализации. её причина и одновременно сущность – не просто сращивание промышленного и финансового капитала, как в начале XX в., но доминирование виртуального фиктивного финансового капитала в современной экономике.

Последний вывод мы дали в авторской редакции. У других исследователей[19] этот вывод формулируется несколько иначе, но суть не меняется: исследование противоречий производственных отношений позднего капитализма позволяет за эмпирически фиксируемыми чертами финансиализации увидеть их причину – гегемонию финансового капитала. И на этой базе объяснить, как, в частности, она трансформирует социально-экономическую динамику, загоняя в тупик процесс развития производительных сил и прогресс человеческих качеств.

Существенно, что, проявляющаяся в частности как финансиализация, глобальная гегемония корпоративного капитала приводит к ряду *социальных результатов*, которые до недавнего времени квалифицировались как устаревшая марксистская догма. Важнейший из них – *рост социально-экономического неравенства* во всем многообразии его проявлений. После мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. эта тема постепенно, но неуклонно приобретала все более мощное звучание. Как бы не заметив (а может быть, действительно не зная) работ ученых-марксистов последних десятилетий и результаты исследований оппозиционных общественных организаций[20], представители «основного течения» в последние годы

[19] См.: Minsky H. Stabilizing an unstable economy. New Haven: Yale University Press. 1986; Minsky H. The financial instability hypothesis. Working Paper, No. 74. N.Y.: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College. 1992; Hudson M. J is for junk economics. A guide for reality in an age of deception. ISLET-Verlag. 2017; Рязанов В.Т. Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // Вопросы политической экономии. № 2. 2016. С. 88-106 и др.

[20] См., например: Amin S. Accumulation on a world scale: A critique of the theory of underdevelopment. N.Y.: Monthly Review Press. 1974; Amin S. Capitalism in the age of globalization. The management of contemporary society. L.– N.Y.: Zed Books. 1997; Harvey D. The limits to capital. Oxford: Basil Blackwell; Chicago: University of Chicago Press. 1982; Wallerstein I. Utopistics, or Historical choices of the twenty first century. New York, N.Y.: New Press. 1998; Оксфам. Безопасность и справедливость для человечества. Доклад, март. 2015. URL: http://oxfam.ru/upload/iblock/2d9/2d95cbcfc1a82d9399fbf3154d5dbd9f.pdf (дата обращения: 20.04.2020) и др.

«открыли» наличие устойчивого тренда к росту социального неравенства, причём не только в доходах, но и в богатстве, – тренда, господство которого в конце XIX – начале XX в. привело к революционным потрясениям, вынудившим затем несколько смягчить это неравенство, но возобновившегося в последней трети XX и широко развернувшегося в XXI в. Эти авторы[21] в некотором смысле проиллюстрировали всеобщий закон капиталистического накопления, открытый Марксом 150 лет назад. Более того, недавние исследования[22] показали *наличие как качественной, так и количественной связи между экспансией современных форм гегемонии корпоративного капитала* (в частности, гипертрофированного развития финансового капитала и финансиализации) *и ростом социального неравенства.*

С качественной точки зрения эта связь обусловлена тем, что приоритетное развитие финансового капитала приводит к концентрации всё большего богатства и доходов в руках узкого круга акторов, включающего лиц, контролирующих движение финансового капитала, и представителей корпоративной номенклатуры в реальном секторе, которые очень близки к первым (отчасти этот слой можно сопоставить с кругом лиц, называемых инсайдерами). В то же время приоритетное развитие финансового капитала приводит к оттоку капиталов и доходов из нефинансового сектора, в котором сосредоточена большая часть лиц с минимальной собственностью и низкими и средними доходами. В результате мы получаем одно из объяснений тенденции к росту корпоративных прибылей и богатства узкой группы

[21] Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York: W. W. Norton & Company. 2013; Стиглиц Дж.Е. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо. 2016; Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015.

[22] См., например: ILO Global wage report 2012/13. Wages and equitable growth. Geneva: International Labour Office. 2013; IMF Fiscal policy and income inequality. IMF Policy Paper, No. 23. January. Wash., D.C. 2014; Воинов Е.В. Воздействие дерегулирования на эволюцию экономического неравенства в США // Экономическое возрождение России. № 3. 2016. С. 66-71.

олигархов – на одном полюсе, к консервации (а в ряде случаев – даже снижению) реальной почасовой оплаты труда в странах «ядра» – на другом.

Напомним некоторые цифры. Так, доля прибыли финансовых корпораций в прибыли всего корпоративного сектора США увеличилась с чуть менее 10% в 1950-е годы до 25–30% в настоящее время, достигнув пикового уровня 40% накануне глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. Доля валовой добавленной стоимости (ВДС) финансовых корпораций в общей ВДС корпоративного сектора США в целом увеличилась с 4–5% в 1950-е годы до 14% накануне глобального кризиса 2000-х годов соответственно[23]. Противоположная динамика характерна для заработной платы. В качестве примера приведем данные об изменении федеральной минимальной почасовой ставки заработной платы, измеряемой в ценах 2011 г. в долларах США: в 1960 г. она составляла чуть менее 8 долл., к концу 1960-х – началу 1970-х годов поднялась до 10 долл., а затем нелинейно скачкообразно падала, причём наибольшее падение пришлось на период начала неолиберальных реформ – на 1980-е годы, после чего в 1980–2000-е годы она сохранялась на уровне 6–7 долл.[24], но тогда, как свидетельствуют статистические данные, рост производительности труда в США не прекращался (в 1973–1979 гг. среднегодовые темпы роста производительности труда составляли 1,1%, в 1979–2007 гг. – 2%)[25].

* * *

Подытожим. *Чем дальше, тем больше обусловленный задачами приоритетного развития финансового капитала и – в конечном счете – тупиковый тренд эволюции производительных сил исчерпывает себя*. И это, как мы констатировали в начале статьи, заметили даже некоторые

[23] Kotz D.M. The rise and fall of neoliberal capitalism. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press. 2015. P. 34–35.
[24] Там же. P. 24.
[25] Там же. P. 92.

представители «основного течения», заговорившие о необходимости поиска альтернатив, что стало особенно актуально в условиях начавшегося в 2020 году мирового социально-экономического кризиса, существенно интенсифицрованного пандемией коронавируса…

К каким результатам всё приведет?

Учитывая, что данный текст дорабатывался в начале апреля 2020 года, в условиях карантина и ожидания усиления пандемии, автор не готов дать ответ, характеризующий нашу ближайшую перспективу. Но стратегически выход из описанных выше противоречий возможен только на пути как минимум социализации капитализма, как максимум – перехода к качественно новой общественной системе, названной Марксом и Энгельсом ещё 150 лет назад «царством свободы».

Литература

1. Антипина О.Н. Глобальные социально-экономические проблемы современности: взгляд Римского клуба // Альтернативы. № 2. 1995. С. 86-99.
2. Бодрийяр Ж.К критике политической экономии знака. М.: Академический проект. 2007.
3. Воинов Е.В. Воздействие дерегулирования на эволюцию экономического неравенства в США // Экономическое возрождение России. № 3. 2016. С. 66-71.
4. Оксфам. Безопасность и справедливость для человечества. Доклад, март. 2015. URL: http://oxfam.ru/upload/iblock/2d9/2d95cbcfc1a82d9399fbf3154d5dbd9f.pdf (дата обращения: 20.04.2020)
5. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс. 1985.
6. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015.

7. Рязанов В.Т. Циклические и системные причины кризиса в России: роль социализации финансов в их преодолении // Вопросы политической экономии. № 2. 2016. С. 88-106.

8. Стиглиц Дж.Е. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? М.: Эксмо. 2016.

9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс. 1989.

10. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс. 1990.

11. Amin S. Accumulation on a world scale: A critique of the theory of underdevelopment. N.Y.: Monthly Review Press. 1974.

12. Amin S. Capitalism in the age of globalization. The management of contemporary society. L.– N.Y.: Zed Books. 1997.

13. Galbraith J.K. Inequality and instability: A study of the world economy just before the great crisis. London: Oxford University Press. 2012.

14. Harvey D. The limits to capital. Oxford: Basil Blackwell; Chicago: University of Chicago Press. 1982.

15. Harvey D. The new imperialism. Oxford: Oxford University Press. 2003.

16. Harvey D. Spaces of global capitalism: A theory of uneven geographical development. London: Verso. 2006.

17. Hudson M. J is for junk economics. A guide for reality in an age of deception. ISLET-Verlag. 2017.

18. ILO Global wage report 2012/13. Wages and equitable growth. Geneva: International Labour Office. 2013.

19. IMF Fiscal policy and income inequality. IMF Policy Paper, No. 23. January. Wash., D.C. 2014.

20. Jameson F. Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism. Durham: Duke University Press. 1991.

21. Kotz D.M. The rise and fall of neoliberal capitalism. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press. 2015.

22. Mandel E. Late capitalism. London: Humanities Press. 1975.

23. Minsky H. Stabilizing an unstable economy. New Haven: Yale University Press. 1986.

24. Minsky H. The financial instability hypothesis. Working Paper, No. 74. N.Y.: The Jerome Levy Economics Institute of Bard College. 1992.

25. Schwab K. The fourth industrial revolution: What it means, how to respond / Web Economic Forum. Official site. Published 14 January. 2016. URL: https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond (дата обращения: 20.04.2020)

26. Schwab K. The fourth industrial revolution. New York: Crown Business. 2017.

27. Stiglitz J.E. The price of inequality: How today's divided society endangers our future. New York: W. W. Norton & Company. 2013.

28. Wallerstein I. Utopistics, or Historical choices of the twenty first century. New York, N.Y.: New Press. 1998.

29. Wallerstein I. The end of the world as we know it. Social science for the twenty-first century. Minneapolis-London: University of Minnesota Press. 1999.

К.А. Хубиев,

МГУ имени М.В. Ломоносова

1.3. О КРИЗИСЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК ОТРАЖЕНИИ КРИЗИСА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА

Экстремальные события исторически-глобального масштаба устраивают проверку смыслам и ценностям, которые движут человечество и его экономику. Очередная роль «экзаменатора» глобального масштаба досталась коронавирусу. Такая роль могла достаться другим событиям,

явлениям и силам: природно-климатическим, геологическим, биологическим, техногенным и т.п. Можно предположить, что таковые могут случиться и не в очень отдаленном будущем. Насколько человечество готово им противостоять, какие ценности способны усилить иммунитет и сопротивляемость организма рода человеческого. Экономика – та область социальной деятельности, где реализуются и проходят проверку основные скрепы социального бытия.

В этой области утвердились две главные и во многом противоположные парадигмы теоретического и идеологического сопровождения организации и функционирования экономики как основы общественного и цивилизационного развития.

Настигшая человечество проблема распространения вируса лишь на поверхности явлений может казаться сугубо медицинской. Вынужденная реакция со стороны социума неизбежно повлечет за собой существенные изменения всех сторон социально-экономической организации и функционирования, в связи с чем резко возрастает актуальность теоретической и прогностической функции науки. А экономическая наука переживает не лучшие времена. Разговоры о её кризисе ведутся давно. Например, ещё в 2002 году были опубликованы материалы обсуждения этой темы в МЭИМО [26] Тогда отмечались следующие признаки кризиса: умозрительность экономических моделей, их непроверяемость, избыточное символическое и математическое нагромождение в ущерб теоретическому содержанию. Позже добавились более существенные претензии, например, утрата прогностичности. Экономической науке вообще и экономической теории, в частности, вменялось, что не был предсказан кризис 2008, появление криптовалют, крах крупнейших компаний (LTCM). Наука

[26] К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. Материалы теоретического семинара МЭИМО. М., 2002.

обвинялась и в том, что не успевает осмыслить такие глобальные феномены как греческий кризис, международный терроризм, Интернет и соцсети. Обвинялась наука и на инструментальном уровне в связи с тем, что не может подтвердить универсальную эффективность даже таких правильных механизмов как аукционы. Даже в тех областях, где теория традиционно используется как инструмент обоснования экономической политики, — макроэкономика, налоговая политика, банковское и финансовое регулирование, — она оставляет много пространства для дебатов, а нередко и порождает их. Приведенная выше критика была внутренней, то есть исходила из самой неоклассической теории. В этой связи появилась обеспокоенность и забота о судьбе мейнстрима. Выдвигались альтернативные концепции, исходящие из недр неоклассики и ею же ограниченные в методологии и теоретических основах. Взоры были обращены и на пограничные исследования, которые претендовали на право пристроиться под крышей экономической теории. Удостоенной Нобелевской премии и наиболее заметной оказалась теория поведенческой экономики. На неё следует обратить внимание, поскольку не только зарубежные, но и некоторые отечественные экономисты сочли её новым этапом в развитии экономической теории[27]. Возможно, решающую роль в столь высокой оценке сыграло присуждение Р. Талеру Нобелевской премии по экономике в 2017 году. Этим же, по-видимому, объясняется и претензия: преодолеть высокомерие экономической науки «чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда»[28]. Высокие оценки и ожидания изначально разделялись не всеми. С частности, А.В. Белянин в указанной статье обращает внимание на то, что

[27] Никифоров А., Антипина О. Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу. Вопросы экономики. 2016. №12. С. 101.
[28] Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года). Вопросы экономики. 2018. №1.

«пока есть только отдельные концепции и модели…которые пока не складываются в систему…с помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории»[29]. Данной и подобной ей теориям не отказывается в возможности интегрировать в общую эконмическую теорию всё ценное, что находилось на её периферии. Но периферийные теории, в том числе и созданные в недрах школ бизнеса (поведенческая экономика), едва ли могут претендовать на альтернативу мейнстриму или на этап в его развитии. Попытки вдохнуть новую энергию в увядающий организм неоклассики не затрагивают вопроса о современном потенциале его базовых принципов или «твёрдого ядра». А это принципиально невозможно без внешней критики.

Поэтому из направлений внешней критики выделим относящееся к «твёрдому ядру» неоклассики. Методологический индивидуализм как главный принцип неоклассической теории безраздельно господствовал после схода с исторической арены плановой экономики и сопровождающей её политической экономии. Однако в последние два десятилетия основное течение всё больше покрывается трещинами.

Реакция на бедствие положения в здравоохранении тоже снижает его репутацию. Порой методологический индивидуализм переходит в эгоизм, откатываясь в цивилизационном развитии. Доходит дело до критики Всемирной организации здравоохранения только за то, что она оказывала помощь Китаю за средства фонда, в формировании котного есть средства США. Ещё раньше с тех же позиций атаковались другие международные организации типа Всемирной торговой организации и даже Организации объединённых наций. Это внешние проявления методологического индивидуализма, пороки которого расположены в недрах экономического поведения всех субъектов. Возбуждая противостояние и борьбу за

[29] Там же С. 7-8.

реализацию эгоистических интересов, он порождает эффективность. Но по мере развития интеграционных процессов и обобществления экономики этот принцип порождает опасности и угрозы. За примерами далеко ходить не нужно. Буквально вслед за появлением смертельно опасной эпидемии методологический эгоизм показал себя в самых ярких тонах в виде спекулятивных цен на средства защиты и борьбы с вирусом, организации производства контрафактных средств, мошенничества, в том числе и медицинского.

На фоне стремительного развития производительных сил, содержащих высокий интеграционный потенциал, особенно в сфере цифровых технологий, принцип металогического индивидуализма утрачивает свою цивилизационную перспективность. Растёт спрос на альтернативные парадигмы, ориентированные на иные принципы экономического и общественного развития. Противоположной альтернативой представляется плановое хозяйство. Его общие принципы соответствуют современным тенденциям в технологическом развитии. Но его практическая реализация прервалась три десятилетия назад и сегодня не представляется возможным простая апелляция к прошлому. Требуются новые подходы, один из которых предварительно может быть предварительно назван «социализированный индивид». Его суть состоит в выстраивании системы экономических и иных общественных отношений не на противостоянии и борьбе, а на объединении и сотрудничестве. В природе человека заложено и индивидуальное, и социальное. Важно, чтобы социализация раскрыла более широкие возможности для индивидуального и общественного развития при наиболее эффективном противостоянии современным угрозам.

В современном мире пока преобладают традиции, основанные на критикуемых ценностях. Актуальная критика неоклассической теории состоит в том, что нет теоретических обобщений современных

закономерностей и тенденций глобального экономического движения. Мы попытаемся исследовать некоторые тенденции современности, используя методологию политической экономии.

С развёртыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвёртой промышленной революцией, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации каптала. Эти глубинные процессы на поверхности социально-экономической жизни проявляются в новых масштабах капитала и новых формах его организации. По свидетельству Клауса Шваба, основателя и президента всемирного экономического форума в Женеве, в 90-е годы совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта составляла 36 млрд. долл. с выручкой 250 млрд. и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 году совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины составляла более 1 трлн долл. с суммой прибыли в 247 млрд, но с числом сотрудников почти в десять раз меньше[30]. Этот факт свидетельствует о глобальных угрозах роста технологической безработицы в национальных экономиках, связанных с четвёртой промышленной революцией. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической базе составляет основу обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Этим объясняется один из «феноменов Трампа», который стремится увеличить количество рабочих мест в национальной экономике США разными методами: стягивание зарубежного предпринимательства на национальную почву, преодоление экологических ограничений, масштабные зарубежные заказы, фискальные льготы и т.д. Таким образом, в современном движении мировой экономики наблюдается **противоречивый процесс** усиления глобализации и одновременного возрастания национальных экономических интересов. А

[30] Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо». 2017 г., С. 19-2

призрак массовой технологической безработицы происходит из главного принципа – индивидуализма, переходящего в экономический эгоизм.

Четвёртая промышленная революция ещё больше свяжет национальные экономики на глобальном уровне, а с другой стороны, как показывает опыт, ещё больше обострит противоречия интересов участников глобальной конкуренции. XXI век показал возрастающее напряжение на мировых рынках ресурсов и благ. Радикально изменились внешние условия и ограничения для развитых стран. Сокращение рыночного пространства прежде колониальных стран на время было компенсировано за счёт пространства, высвобожденного развалом СССР. Предстоящая конкурентная борьба будет определяться изменённой конфигурацией мировой экономики и положением основных участников (см. табл. 3).

Таблица 3. Доля отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг и населении мира в 2017 г. (%)[31]

Страны	Число стран	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	**39**	**41,3**	**63,6**	**14,4**
Основные индустриальные страны:	**7**	**30,6**	**33,8**	**10,4**
США		15,3	10,3	4,4
Япония		4,3	3,9	1,7
ФРГ		3,3	7,7	1,1
Франция		2,2	3,4	0,9
Италия		1,8	2,7	0,8
Великобритания		2,3	3,5	0,9
Канада		1,4	2,3	0,5
Страны зоны евро	**19**	**11,6**	**26,3**	**4,6**

[31] Таблица составлена А.А. Пороховским

Развивающиеся и со становящимся рынком страны:	**154**	**58,7**	**36,4**	**85,6**
Китай		18,2	10,7	18,8
Индия		7,4	2,2	17,9
Бразилия		2,6	1,1	2,8
Мексика		1,9	1,9	1,7
СНГ + Грузия, Украина	12	4,5	2,7	3,9
Россия		3,2	1,8	2,0

Примечание. ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют.

Источник: World Economic Outlook (April 2018) – Washington, IMF, 2018, p. 219.

Данные таблицы показательны и полезны для анализа меняющейся расстановки сил в мировой экономике. Прежде всего очевидны тенденции подрыва однополярного доминирования одной сверхдержавы. Китай с долей 18,2% от мирового ВВП опережает США с 15,3% (по ППС). Доля развитиях стран (41,3%) меньше доли развивающихся – 58,7%. Доля 19 стран зоны евро с 11,6% меньше доли стран БРИКС Индии, России, Бразилии – 13,2%. Шесть самых развитых стран из «семёрки» – Япония, ФРГ, Франция, Италия, Великобритания, Канада – суммарно имеют 15,3%, а на долю «четвёрки» развивающихся стран – Индии, России, Бразилии, Мексики – приходится 15,1% от мирового ВВП

Если к обеим группам стран добавить США и Китай, перевес окажется на стороне второй труппы: 30,6% против 33,3%.

Количество в данном случае имеет значение, поскольку имеет обыкновение превращаться в качество, особенно если помнить, что ещё в середине прошлого века количественные соотношения были противоположными.

Но перемены не случаются по принципу жёсткого детерминизма. Феномен методологического индивидуализма вырастает до уровня национального менталитета. Привычка мирового господства превратилась в менталитетное свойство американской нации, и государственная элита должна поддерживать это положение. Но и в этой области приходится наблюдать некоторые тенденции, пока ещё не объяснённые основным течением. До сих пор нет теоретического объяснения экономических основ столь жёсткой борьбы между двумя основными партиями США. Нет системного определения сути экономической политики Трампа. В отечественных [32] и зарубежных работах [33], посвящённых «экономике Трампизма», обсуждения сосредоточены вокруг эмпирически наблюдаемых событий. Исследуется, в основном, влияние экономических войн США и Китая на мировую экономику, таможенная политика, протекционизм. Но торговые войны и связанная с ней политика касаются препятствий в сфере обращения и не характеризуют основную суть экономической политики. Не определено и отношение к двум основным течениям экономической науки и политики: кейнсианству и монетаризму.

Ответы на перечисленные выше вопросы важны, поскольку США пока ещё доминируют в мировой экономике и политике.

---

[32] Яков Туровский. Приманка для денег. Реформа Трампа взрывает мировую экономику. Газета «Время» от 05.11.02. 2018, № 05 (630). С. 10.
Лебедева Л.Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект) США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture 2019. 49(8). С. 25-37.

[33] Pramuk J. Trump's Tariffs are Unpopular in Key Midterm States Texas, Pennsylvaniaand Illinois: NBC News/Marist polls. URL: https://www.cnbc.com/2018/08/23/voters-oppose-trumps-tariffs-in-pennsylvania-texas-and-illinois-nbc-newsmarist-polls.html (дата обращения: 20.04.2020)
White Martha C. Trump's Policy Could Have «Severe Consequences» Worldwide. June 7, 2018. URL: https://www.nbcnews.com/business/economy/trump-s-policies-could-have-severe-consequences-worldwide-say-global-n881061 (дата обращения: 20.04.2020)
Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force. Washington,DC, September 2018. 146 p. Available at: https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING-THE-MANUFACTURING-AND%20DEFENSE-INDUSTRIAL-BASE-AND-SUPPLY-CHAIN-RESILIENCY.PDF (дата обращения: 20.04.2020)

Исходным пунктом основной гипотезы является определение секторов экономических интересов демократов и республиканцев. Для первых, это финансово-торговый сектор, для вторых – реальный сектор экономики.

Демократы-предшественники Трампа стремились к мировому экономическому господству через охват мировой сферы обращения товаров и денег. Были потрачены усилия для создания двух организаций: Транс-Тихоокеанское партнерство, созданное в Окленде 4 февраля 2016 годы (ТТП). В него вошли Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, США, Сингапур, Чили, Япония. По прогнозам, доля стран ТТП (вместе с Японией) в мировом ВВП может достигнуть 38-40 % и четверти оборота мировой торговли. Второй проект: Трансатлантическое партнерство (ТАП), в который должны были войти США, Канада и ЕС. Оба проекта возглавляли США, и они должны были охватить до 80% мирового ВВП и половины мировой торговли. Таким способом планировалось доминирование в мировой экономике.

После очередных президентских выборов США вышли из ТТП и заморозили ТАП. На вопрос о том, что лежало в основе такого шага со стороны Трампа до сих пор нет ответа на теоретико-аналитическом уровне. На поверхности лежат ответы, связанные с импульсивными особенностями личности Трампа. Другие объяснения связаны с тем, что те два проекта готовила команда демократов и президент-республиканец не хотел себя с ней связывать. Но чем мог помешать республиканцам проект торгово-экономического господства, подготовленный другой партией? Мог возникнуть вопрос: может с избранием нового президента США готовы отказаться от мирового экономического доминирования. Предположение маловероятное, поскольку идеология глобального мирового доминирования стала частью национального менталитета США. И Трамп не собирался менять национальные менталитетные особенности США. Он планировал реализацию другого, более эффективного варианта лидерства в мировой экономике.

Он решил сделать ставку не на торгово-финансовый сектор американской экономики и представляющую его элиту, а на реальный сектор и представляющую его элиту. У двух элит интересы в разных сферах. Там у них активы и потоки доходов. Это главное в противостоянии интересов элит. Отсюда тянется объяснение жестокости и принципиальности борьбы, включая войну компроматов на лидеров, затея с импичментом и т. п. А как связать эту внутреннюю борьбу с мировой экономикой?

Если посмотреть первую десятку банков в мировом лидерстве, то только один банк принадлежит США (см. табл. 4).

Таблица 4. Топ-10 крупнейших банков мира[34]

№	Название банка	Расположение	Активы, трлн $	Рыночная капитализация, млрд $	Капитал, млрд $	Год основания	Количество сотрудников
1	Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)	Китай, Пекин	3,42	224,08	274,43	1984	466 000
2	JP Morgan Chase & Co.	США, Нью-Йорк	2,5	234,2	200,48	1799	240 000
3	HSBC Holdings	Великобритания, Лондон	2,41	133	153,30	1865	235 000
4	Mitsubishi UFJ Financial Group	Япония, Токио	2,64	73,5	131,75	1880	108 153
5	BNP Paribas	Франция, Париж	2,51	66,8	98,55	1848	189 000
6	Royal Bank of Canada	Канада, Торонто	1,18	90,67	107,9	1864	80 000
7	Banco Santander	Испания, Сантандер	1,43	71,25	105,96	1857	194 000
8	Commonwealth Bank of Australia	Австралия, Сидней	0,873	120	99,2	1911	45 948
9	UBS Group AG	Швейцария, Цюрих	0,94	63,7	55,31	1862	60 099
10	Itau Unibanco Holding	Бразилия, Сан-Паулу	0,42	50,5	113,1	1924	94 800

Если же обратить внимание на десятку лидирующих в мире транснациональных компаний, то там картина иная. Крупнейшие ТНК представлены следующими компаниями: Apple (США), Exxon Mobile, Microsoft (США), IMB (США), Wall-Mart Store (крупнейшая в мире сеть розничной торговли, США), Chevron (энергетика, США), General Electric (производство локомотивов, энергетических установок, газовых турбин, авиадвигателей, медицинского оборудования, осветительной техники, США), Google (США), Berkshire Hathaway (инвестирование и страхование, США),

[34] ТОП-10 крупнейших банков мира // [Электронный ресурс]: Журнал tmn. №32. Май 2017. URL: http://1tmn.ru/ratings/tmn-ratings/top-10-krupnejjshikh-bankov-mira-4146657.html (дата обращения: 20.04.2020)

AT&T Inc (телекоммуникации, AT&Inc),[35] Абсолютное доминирование США здесь очевидно, в отличие от крупнейших транснациональных банков. Лидерами в США стали Эппл, Гугл, Амазон и Фейсбук. Традиционно крупные компании отличались высокой производительностью и значительным влиянием на эффективность национальной экономики. Некоторое время «звёзды» цифровой экономики эту традицию не продолжали. Но после 2013 г. они вновь стали увеличивать свой вклад в рост национальной производительности.

Есть основания утверждать, что абсолютное доминирование американских нефинансовых компаний является существенным фактором ориентации Трампа на реальный сектор как во внутренней, так и во внешней экономической политике. В доминировании на мировых рынках ставка была сделана на производительность труда, качество американских товаров и снижение издержек. Была развернута обширная программа поддержки отечественных производителей и стягивания на родину зарубежного американского бизнеса. Для этого были предоставлены огромные льготы и преференции. Назовем некоторые из них. Важнейшим инструментом поддержки явилось снижение корпоративного налога на 14% (с 35% до 21%). В целях защиты внутреннего рынка было введение 20%-го акцизного налога на товары и услуги, произведенные за рубежом. Стимулирующая политика была дополнена введением льгот по реинвестированию производительного капитала. К решительным шагам стимулирующей поддержки добавилось освобождение сырьевого и промышленного сектора от нагрузок по внутренним и внешним экологическим затратам, включая выход из Киотского соглашения. Создавались внутренние офшоры для капитала, включая благотворительные фонды.

[35] Транснациональные корпорации: список крупнейших // [Электронный ресурс]: Business Man.ru. URL: https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html (дата обращения: 20.04.2020)

Были введены льготы для домашних хозяйств. Для 80% домохозяйств в 2019 году налоги снизились на 930 долл. в среднем; введены налоговые льготы для семей с детьми и иждивенцами. В результате за 10 лет налоговые поступления сократятся на 1,5 трлн долл.[36]

Результатом мер политики стимулирования явились односторонние преимущества. Трамп стремился сделать экономику США привлекательной для инвестиций, превратить её в мировую инвестиционную воронку. Конечной целью было реализация плана создания новых рабочих мест (339 тыс). Однако меры одностороннего порядка наносили удар по международному экономическому порядку, – в качестве примера можно указать на дезавуирование ВТО.

На основе изложенного можно сделать следующие промежуточные выводы. В основе противостояния демократов и республиканцев в США лежат экономические интересы, ориентированные на два крупных сектора: финансовый и реальный. Доминировать в национальной и глобальной экономике демократы планировали через мировую экспансию и торгово-экономический передел мира. Для этого были запущены мега проекты ТТП и ТАТ. Республиканец Трамп, отражая интересы своей партии, многое сделал для поддержки реального сектора и получил результаты в виде роста производства и сокращения безработицы. Обобщённым выражением деятельности Трампа является возведённый до уровня национальной экономики принцип методологического индивидуализма. На поверхности он проявляется в критике и даже отвержении организаций, созданных на уровне международных отношений.

---

[36] Яков Туровский. Приманка для денег. Реформа Трампа взрывает мировую экономику. Газета «Время» от 05.11.02. 2018, № 05 (630) с. 10

Какие вызовы и угрозы следуют для России? Главным образом, это вытеснение России с сырьевых рынков и угроза «второго издания Рейгономики».

Создание благоприятных условий для сырьевого сектора США повышает конкурентоспособность по добыче сланцевой нефти и газу. Подключением политических средств будет оказано давление на рынок с целью вытеснения России. Это проблемы в основном краткосрочного периода. Более крупные проблемы могут ожидать Россию в долгосрочном периоде.

Если Трампу удастся продолжить механизм внутреннего возрождения реального сектора и мирового лидерства США как производителя товаров, услуг и технологий и это откроет ему путь на второй президентский срок, то для Росси возникнут более тяжелые вызовы, справиться с которыми будет сложнее, чем с «демократической» американской альтернативой.

Второй президентский срок может быть посвящён перевооружению США на базе новой технологической революции и модернизированной американской промышленности. Отсюда опасность «второго издания» Рейгономики, направленной теперь уже против России.

Какие выводы для России? Российское руководство предпринимало шаги по противостоянию планам торгово-экономического передела мира созданием международной организации ЕАЭС с ориентацией на привлечение других стран региона. Ради этой цели, в частности, создавался Дальневосточный экономический форум. Модель ЕАЭС+ с участием Китая мог быть эффективным ответом на проект ТТП. Избрание президентом США Трампа с последовавшими выходом из ТТП и переориентацией на реальный сектор экономики поставило перед российским руководством новые задачи. Главной целью экономической политики должен стать подъём реального сектора экономики с ориентацией на новые направления четвёртой

промышленной революции. На примере Трампа стало очевидно то, к тему призывали специалисты, ориентированные на реальный сектор экономики, – отходить от приоритетов монетарной политики ради поддержки реального сектора.

Эти угрозы отчасти учтены в майских указах (2018) Президента Российской Федерации. Но необходима разработка комплексного плана научно-технического развития России с учётом логики развёртывания и требований четвёртой промышленной революции и связанных с ней угроз. За этим должна последовать персонализация задач и поиск ресурсов. За этим должна последовать персонализация задач, поиск ресурсов, выработка механизмов. При этом следует извлечь пользу от замораживания мировой политики, в том числе и направленной против России, используя в свою пользу временную паузу в направленном против России негативе внешней политики.

В международной политике России не остается иного выбора, кроме сближения с Китаем, имея в виду, что два из трех центров мировой экономики и политики (США и ЕС) враждебны. Для Китая привлекателен потенциал вооружений России, а для России экономический потенциал Китая. Китай показал свою привлекательность не только сотворением «китайского экономического чуда», но и способностью эффективно бороться с угрозами глобального масштаба. Китай очередной раз практически доказал преимущества общества, основанного на приоритете социальных ценностей. Этот посыл исторического выбора должен быть услышан, увиден и применен в соответствии с особенностями и историческим опытом России. Это в долгосрочной перспективе. А в краткосрочной перспективе объединение двух преимуществ России и Китая подорвёт и разрушит однополярный мир и продвинет мировую экономику и политику к новому балансу сил, создав условия для равновесного развития.

Литература

1. Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года). Вопросы экономики. 2018. №1.

2. К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. Материалы теоретического семинара МЭИМО. М., 2002.

3. Лебедева Л.Ф. Глобальные и локальные эффекты политики США в период президентства Д. Трампа (экономический аспект) США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture. 2019. 49(8). С. 25-37.

4. Никифоров А., Антипина О. Поведенческая экономика: на пути к новому синтезу. Вопросы экономики. 2016. №12. С.101.

5. ТОП-10 крупнейших банков мира // [Электронный ресурс]: Журнал tmn. №32. Май 2017. URL: http://1tmn.ru/ratings/tmn-ratings/top-10-krupnejjshikh-bankov-mira-4146657.html (дата обращения: 20.04.2020)

6. Транснациональные корпорации: список крупнейших // [Электронный ресурс]: Business Man.ru. URL: https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html (дата обращения: 20.04.2020)

7. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо». 2017 г.

8. Яков Туровский. Приманка для денег. Реформа Трампа взрывает мировую экономику. Газета «Время» от 05.11.02. 2018. № 05 (630).

9. Pramuk J. Trump’s Tariffs are Unpopular in Key Midterm States Texas, Pennsylvaniaand Illinois: NBC News/Marist polls. URL: https://www.cnbc.com/2018/08/23/voters-oppose-trumps-tariffs-in-pennsylvania-texas-and-illinois-nbc-newsmarist-polls.html (дата обращения: 20.04.2020)

10. Report to President Donald J. Trump by the Interagency Task Force. Washington,DC, September 2018. 146 p. URL: https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-

STRENGTHENING-THE-MANUFACTURING-AND%20DEFENSE-INDUSTRIAL-BASE-AND-SUPPLY-CHAIN-RESILIENCY.PDF (дата обращения: 20.04.2020)

11. White Martha C. Trump's Policy Could Have «Severe Consequences» Worldwide. June 7, 2018. URL: https://www.nbcnews.com/business/economy/trump-s-policies-could-have-severe-consequences-worldwide-say-global-n881061 (дата обращения: 20.04.2020)

А.В. Толмачёв,

Российский православный университет

святого Иоанна Богослова

1.4. ПРИРОДА ГЛОБАЛИЗМА. ПРИРОДА ПРОТИВ ГЛОБАЛИЗМА. ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА

1. Откуда мы узнали о глобализме?

В СССР нам объясняли, что глобализм – это просто очередная стадия загнивающего капитализма империалистического типа, выраженного в форме надгосударственного глобального финансового капитала, управляемого транснациональными корпорациями, которые хотят через свои политические «надстройки» в виде НАТО и других покорить весь мир. Советских людей это вообще не касается, так как у нас есть интернационализм (что-то похожее на глобализм по-пролетарски), и наш глобальный интернационализм надёжно защищён Варшавским договором и СЭВ, и по прогрессивным историческим законам Маркса – Ленина весь мир капитала должен будет рухнуть и трансформироваться во всемирное глобальное коммунистическое общество трудящихся.

Но СССР рухнул, как и СЭВ, и Варшавский договор, а мы стремительно влились в мир глобального транснационального финансового капитализма. Сегодня некоторые думают, что весь «советский проект» был нужен для укрепления этого самого глобализма и этот проект был малой частью глобального мирового проекта. Наш народ до сих пор не понимает, почему всё, что создавалось сообща их руками и руками их предков мгновенно стало чужим и безвозвратно отнятым. Попробуем разобраться.

2. Мифология глобализма

Рассмотрим «Глобализм» как понятие легендарное, точнее – мифическое для современного российского человека. Ведь только единицы смогут вспомнить события появления Глобализма как их личный опыт. Много людей не имеют никакого личного опыта о Глобализме. Молодые люди воспитаны на страшных легендах и мифах об эпохе предрождения Глобализма: эпохи развала СССР и ельцинских 90-х годов, почерпнутой ими из рассказов, из литературы, фильмов, пропагандистских историй и разного рода сохранившихся до сегодняшнего дня документах (если кто-то когда-то сумеет их прочесть).

Можно по-разному объяснять суть мифа о «Глобализме». Этот миф просто заполонил собою весь мир. Зачем этот миф нужен? Вообразим разные интеллектуальные позиции. С позиций Дж. Фрезера, миф «Глобализм» нужен нашему народу для осуществления ритуалов и духовных практик новой российской «гражданской религии», предлагаемой «новорусской элитой». С позиций З. Фрейда и К. Юнга миф «Глобализм» как символ, прорвавшись в область бессознательного, поможет контролировать через мифологические запреты подсознание человека. С позиций Э. Дюркгейма миф «Глобализм» как феномен является очень важным для управления современным человеком через «коллективные представления», где «аномические» мифы, предлагаемые правителями, приводят массы людей к несчастному состоянию

из-за расхождений между декларируемыми правителями целями развития общества и доступностью достижения таких целей для людских масс. С позиций К. Леви-Стросса миф «Глобализм» полезен как логический инструмент разрешения культурного конфликта между людьми с разными типами мышления (от примитивно-рационального до мифологического и др.). С позиций Ролана Барта миф «Глобализм» нужен как часть современной культуры и как особый язык, с помощью которого осуществляется политическое и экономическое манипулирование.

С позиций современных российских мифотворцев, миф «Глобализм», как некий страшный внешний враг, формирует единство современной российской нации, способной по приказу правителя мобилизовать свои силы, забыв о личных и семейных интересах.

С моей точки зрения, миф «Глобализм» важен не столько для ученых-историков, выискивающих объяснения причин его зарождения из гегелевской диалектики исторических противоречий, – сколько для мудрейшего русского народа, который чувствует своим удивительным религиозным чувством «Глобализм» как легенду или великий миф, говорящий о священной русской земле (либо о её осквернении), о священной русской душе (либо о её сне). И совершенно не важно, кто из политтехнологов и пропагандистов пытается манипулировать мыслями русских людей, используя миф «Глобализм». Наш народ не объект для манипуляторов, а субъект священной русской истории. Поэтому русский народ может воспринимать миф «Глобализм» как победу сил тьмы и глобального финансового капитала над силами света и мощи планеты, ориентируясь на подвиг Христа, который вначале был распят, ну а потом победил смерть своим Воскресением.

3. Онтология глобализма

Рассмотрим универсум «Глобализм». Это что-то материальное или идеальное? Структура этого универсума и материальна (это и миллионы людей, работающих и потребляющих, и заводы, и фабрики, вокзалы и аэропорты, правители и их охранники и т.п.) и идеальна (находится в нашем сознании вне времени и пространства).

Онтология Глобализма – его бытие в полноте и единстве всех видов реальностей: а) объективная реальность (вне наших мыслей о нём, он есть); б) физическая реальность (произошедшая в конкретном пространстве на планете Земля и в конкретное время XXI века); в) субъективная реальность (по-разному воспринимаемая участниками-глобалистами и людьми, думающими о глобализме как о проделках Павла Глобы); г) социальная реальность (существующая не для отдельных индивидумов, а для всех народов); д) виртуальная реальность (живущая в кино, литературе, в иных художественных образах, в пропагандистских видеороликах, в мифах и т.п.).

Абсолютен ли Глобализм или относителен? Допустимы ли наши суждения (индукция) о Глобализме из нашего эмпирического опыта? С позиций И. Канта, обоснование знания о Глобализме и индукция допустима из нашего эмпирического опыта, так как человек обладает истинной априорной интуицией о реальном Глобализме. С позиций К. Поппера, знание о Глобализме не нуждается в обосновании, так как с помощью логического эмпиризма (верификации) это невозможно проверить, поставив проверяющие эксперименты для «повторных» глобализмов. По К. Попперу, Глобализм относится к миру «объективного содержания мышления» или «объективных знаний», куда входят и научные гипотезы, и пропагандистские крики, и художественные произведения, и другие объекты, не зависящие от создателей его.

4. Экзистенция глобализма

На что направлен Глобализм? Какая истина о Глобализме? С позиций С. Кьеркегора, Глобализм не может быть по-гегелевски познан, а может быть только пережит, поэтому истина о Глобализме есть экзистенциальная истина. Нельзя на Глобализм смотреть только как на объект исследования. Действительность Глобализма можно почувствовать с помощью интуиции. Глобализм, если он из живого мира Творца, может иметь свою природу и может мыслиться как самосозидающий самоорганизующийся «экзистенциальный проект». Но если он искусственно созданный, то нет у него никакой природы, тогда это туман и искажение реального живого мира.

К Глобализму как к человеку (либо к киборгу) можно применить принцип «существование предшествует его сущности». Свою сущность Глобализм обретает по ходу своего существования в мыслях и поступках создающего его народа. Но какого народа? Призывает ли Глобализм, например, наш народ или наших героических предков к духостроительству? Сомневаюсь. Глобализм оберегает свою сущность через мысли и поступки людей. Но каких людей?

Глобализм есть источник боязни для недругов-конкурентов. Конечно же страх необходим нашему человеку для вытаскивания его из бездумного проживания жизни. Страх от Глобализма сжигает всё несущественное и временное, и конкуренты Глобализма могут преобразиться в его соратников. Я подозреваю, что сегодняшние мыслящие русские люди и есть те самые недруги Глобализма.

С позиций М. Хайдеггера нашему народу живой (или искусственный) Глобализм нужно было бы проживать вместе с ним как Dasein нашего (или чужого) народа, мыслящего себя как народ-победитель (или народ-пораженец) не только на поле брани, но и в экономике, изобретательстве, духовном развитии. А в свою очередь, просветлённый Христом через мыслящий русский народ трансформированный Глобализм станет Dasein-ом для других народов.

5. Природа глобализма. Государство и глобализм. Глобализм против государства. Живой мир против глобализма

Замечательные эволюционисты-дарвинисты сообщали нам, что люди – существа биологические. А в биологической эволюции живых существ действуют законы естественного отбора, приспособления, генетической мутации. И вся эта жесткая эволюция философски обосновывается законами: борьбы и единства противоположностей, отрицания отрицания, беспрерывного прогресса.

Свободный «биочеловек» хочет свободно питаться и размножаться безо всяких ограничений со стороны других. Но так как другие «биочеловеки» хотят того же, то рано или поздно возникает конфликт прав и желаний каждого из них с каждым. Тогда возникает новое желание и качество – доминирование над другими для собственного питания и размножения. В такой ситуации сильный побеждает слабого, а слабый погибает сам или гибнет в потомках. Это и есть «естественный отбор» в царстве животного мира и в царстве «биочеловеков».

История человечества шла не только по пути эволюционно биологического, но и по пути социального развития. В человеческом обществе на первый план выходила идея справедливого, равного распределения ресурсов вместе со справедливым человеком-распределителем ресурсов (правителем). Государство первоначально явилось защитником всякого человека от жестоких межчеловеческих «биоэволюционных законов», став более сильным элементом в конкурентной борьбе с самыми сильнейшими индивидами «биочеловеков». Религиозные культы и верования стали скрепой для поддержания порядка в обществе уже не с помощью государственной силы, но с помощью обоснованности через высший небесный закон и традиции такого положения вещей, при котором над всяким сильным, включая государство, есть самый наисильнейший – божество.

Государство формализует через письменный закон право своего гражданина или подданного на наличие естественных прав и на их защиту от посягательств других граждан и неграждан. Изменение в XVIII – XIX веках отношения человека к категории свобода и естественным правам человека привели к революциям. Все эти социальные и научно-технические революции фактически отражали процессы, происходившие во многих странах мира по восстановлению естественного права человека на свободу в самом широком смысле слова, в том числе и на свободу от тяжелого физического труда с заменой человека машинами, а сегодня – на свободу от тяжелого умственного (в том числе и управленческого) труда.

В современном мире остается доминирующей только одна государственная политическая форма – либеральная. Но при всемирном либерализме возможен только глобализм и абсолютная индивидуализация личности с категорией свободы как у биочеловека. Государства и любые общественные объединения являются только помехой и препятствием для личных интересов человека общества потребления. А беспрепятственно потреблять можно только в райских условиях, где ресурсы поставляются человеку от Бога, по милости его, без труда. А раз ресурсы на нашей планете нужно добывать трудом, то вспомним, что сегодняшний либерализм (точнее – модернизм) отделил человека от средств к существованию (от земли) или, как говорили марксисты – от средств производства. А имя того, кто отделил труд человека от самого человека и от кормящей человека земли – капитал. Капитал нельзя поймать и принудить. Капитал в современном мире побеждает государство и человека, и сам их принуждает. Пока ещё государство выгодно глобализму – оно обслуживает две функции трансгосударственного капитала: частично искусственно создаёт потребителей и пока ещё поддерживает и поощряет подготовку очередной информационно-цифровой научно-технической революции.

А как же природа, планета и всё живое реагируют на глобализм? Если представить нашу Планету гигантским живым организмом, то превращение человеческих обществ из разных по культуре, по верованиям, по преобразованию земного ландшафта и биосферы – в единое универсальное всечеловечество – её не должно заботить, только если единое всечеловечество не будет уничтожать остальной многообразный живой мир Планеты. Но ведь глобализм есть вершина технократической потребительской цивилизации. И всё расширяющееся потребление и расширение отъёма ресурсов у Планеты скорее всего приведет её в состояние неудовольствия и избавления от такого глобалистского человеческого общества потребления, как от паразитов. А вдруг, для Планеты человечество есть только инструмент преобразования самой себя для какого-то ускорения её собственной эволюции: граниты и базальты слишком долго трансформируются с помощью воды и ветра, а с помощью человека такое преобразование ускоряется на порядки.

С позиций Ф. Фукуямы, в современном глобализме действуют только экономический расчёт, забота об экологии и удовлетворение изощрённых запросов потребителей. Но также упраздняется дух свободы, исчезает различие между живым сознанием и искусственным интеллектом (а может – интеллектом киборга), а в эпоху цифровой экономики – исчезает принцип достоверности окружающего мира.

А раз так, то для глобального либерализма и глобальной транснациональной финансовой системы главными врагами-антиглобалистами становятся свобода самореализации человека и самоорганизация творческих людей – живой мир живых людей.

Я думаю, что существуют не один «наш человеческий мир», а два мира: «мир человеческий живой», сотворённый не человеком, а Творцом, и «мир человеческий искусственный», созданный руками и помыслами человека.

Мир живой находится в естественном балансе эволюционирующих живых существ, включая человека и планету Земля. Мир искусственный находится в искусственном прогрессе и искусственном «бухгалтерском» балансе, степень прогресса и баланса в котором измеряется искусственной величиной – деньгами, цифрами. Мера живого мира никакого отношения к деньгам не имеет, ибо эта мера – «время жизни». Искусственный мир заставляет человека менять «время жизни» на деньги или цифры. Самоорганизация человека и всего живого мира разрушает искусственный мир, так как она возможна только в живом мире при получении живой творящей энергии из «ниоткуда» (как объясняют философы-атеисты), из резонанса (как объясняют физики), из божественной благодати Святого Духа (как объясняют богословы). Разве может понять, воспринять и объяснить искусственный мир глобальной геоэкономической транснациональной финансовой системы откуда берется энергия любви и почему именно энергия любви созидает и скрепляет естественным балансом весь живой мир. Живое не станет добровольно превращать самое себя в неживой искусственный мир глобализма. Помочь всему живому миру призваны те самые свободные самоорганизованные творческие люди с Божией помощью и с созидающей энергией Великой Любви.

6. Какой глобализм нам нужен? Естественный и искусственный отбор глобального капитализма

Отталкиваясь от мифологии, онтологии и экзистенции глобализма, становится ясно, что есть глобализм «+» и есть глобализм «-». С позиций А. Бергсона, можно сказать, что глобализм «+» – это когда всё человечество выходит из «закрытого» общества (развивающееся на основе принуждения воли всех индивидумов к одной цели сохранения целостности и устойчивости социальной культуры), и приходит к «открытому обществу» (объединяющее человечество на любви и взаимной симпатии и возникающее на основе

«духовного порыва»); а глобализм «-» – это тупик социальной эволюции, это и есть «закрытое общество». С позиций А.С. Панарина, глобализм «+» был глобализмом Просвещения, когда формировалось единое мировое пространство; глобализм «-» – это «эзотерический глобализм правящих элит», ведущий к созданию нового мирового порядка и мирового правительства, а также «глобализм одной державы», желающей играть роль монопольного носителя мировой власти. С позиций В.И. Ленина, глобализм «+» – это всемирный коммунистический пролетарский интернационализм, а глобализм «-» – это империализм или финансовый капитализм, как высшая стадия развития капитализма, когда свободу конкуренции заменяет монополия и когда люди окончательно отчуждены от результатов их труда и от способности влиять на свои судьбы. С христианской точки зрения, глобализм «+» – это всемирное братство верующих в Христа, основанное на всеобщей христианской любви, а глобализм «-» – это антихристово всечеловечество, которое появится перед Концом Времён.

Какие силы вели человека к глобализму? Ревность, жажда потребления, законы биоэволюции. От этих сил произошли и другие: конкуренция, жажда наживы, стремление к власти. А это всё подчинено жестоким законам «естественного отбора», когда сильный побеждает слабого. Но когда сильный, победив всех конкурентов, становится сильнейшим (например, государство), то для предотвращения появления возможных конкурентов в будущем сильнейший активно занимается «искусственным отбором». Любопытны критерии такого «искусственного отбора», меняющиеся во времени: «выживание», «свобода» и др. Только свободный может покорять новые миры в пространстве и во времени. Современная экспансия высокообразованных свободных русских людей приводит к покорению научных высот во всём мире: от Берлина и Парижа до Калифорнии и Сиднея (а некоторые наивно думают, что это «утечка мозгов»); современная

экспансия свободных деятельных китайцев приводит их к покорению всех торговых центров мира. Есть и ещё много других критериев «искусственного отбора»: верность правителю, покорность духовному авторитету и пр.

С приходом современного глобализма, государства утратили собственную «сильнейшесть», так как появился «наисильнейший» надгосударственный финансовый капитал. А у него иные критерии «искуственного отбора»: креативность (в изобретении новых товаров и услуг), покорность (политическая и бюрократическая), прибыльность (хоть на жизни, хоть на смерти), дешевизна (жизни работника, продуктов питания, ресурсов). Но если следовать таким критериям, то самым лучшим работником станет киборг или робот, а не человек; самой дешёвой станет жизнь человека на помойке, а не в саду; самым лучшим креативщиком (а не творцом) станет «искусственный интеллект». Нужна ли живому человеку планеты Земля такая «неживая» жизнь? Нет.

Поэтому, мыслящим творческим людям нужно предлагать иные критерии «искуственного отбора» для живой жизни, для создания пока ещё не всемирной счастливой жизни в любви, но хотя бы для того, чтобы отойти от пути глобализма «-» и прийти на путь глобализма «+».

7. Трансформация или ликвидация глобализма?

Нам не нравится современный глобализм, правящий на планете. Мы надеемся, что с этим глобализмом что-нибудь произойдет: вдруг он исчезнет, или трансформируется в другой глобализм, который нам понравится. На кого или на что нам надеяться? На государство? На церковь? На инопланетян? Как управляется или кто управляет политикой глобализма? Кто защитит наши естественные права от глобализма?

Начнём с государства. Сегодня некоторые государства стали защищать «неестественные права человека» – гомосексуализм, право на жизнь в наркотическом опьянении, право на прерывание жизни (эвтаназия). Они

показывают слабость любого современного государства. В России эта слабость вызвана: крушением советской «государственной религии»; недоверием новых бюрократических элит государства к способности своего народа к самоорганизации; страхом перед возможным исчезновением этих «элит» при появлении некоего глобалистского «мирового правительства»; отсутствием интеллектуальных предложений по современному общественному устройству в России и других государствах.

Классическое государство становится помехой для трансгосударственного капитала и либерального глобализма, и, возможно, государство даже погибнет в противостоянии глобализму. Где тот самый гарант сохранения традиционных ценностей, обеспечения права человека на свободу, в том числе на свободу вероисповедания в эпоху побеждающего глобализма? Никакие корпорации, общественные организации и даже герои-одиночки не смогут защитить права человека. Остаётся надеяться только на Бога. И это не случайно. Ведь в истории человечества известны главнейшие гарантии защиты не только прав человека, но и самой его жизни на Земле. Это – священные божественные заветы или заповеди.

Говоря юридическим языком, заветы – это договорные отношения Бога с людьми. Божественная сторона договора дарует человеку, соблюдающему договоренности, статус партнёра, дружбу, защиту, привилегии, но также и ответственность. Много тысячелетий назад эти заветы явились предпосылкой для упорядочения отношений в самом человеческом обществе. Но и сегодня они чрезвычайно актуальны. Как человеку жить и сосуществовать в эпоху глобализма помогут ответить божественные заповеди.

Христос сказал: «… Заповедь «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею, и всем разумом твоим» – сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки…».

Не нужны революции, не нужны войны, так они есть порождение конкурентной борьбы, а более широко – ревности биочеловека. У современного человека есть несколько мирных способов возврата ценностей жизни и ценностей мира.

Первый – возврат к понятию свободы в самом высоком религиозном смысле – свободы выбора и свободы воли идти по пути Бога, свободы на веру в спасение любого человека, а не только избранных, свободы на осуществление добродетели. И никакой предопределённости! Здесь людям поможет сохранившаяся церковная мудрость и жертвенность старших поколений. **Второй** – вернуть людям землю, именно тем, кто захочет работать и кормиться на ней, чтобы навсегда отойти от безумного потребления и от сетей искусственного мира. Здесь людям поможет государство. **Третий** – закрепить за государством функцию защитника людей от ростовщического и транснационального капитала, для защиты государства от глобализма, как могильщика всякого государства. Здесь государству помогут люди. Конечно, можно ещё помечтать об обеспечении человеку равенства во власти без посредников-представителей (депутатов и др.), а также и о введении государственного контролируемого церебрального сортинга, обеспечивающего управление обществом и государством по способностям и добродетелям свободного человека.

Мы можем вернуть свои традиционные ценности живого мира. А что может произойти с глобализмом современного типа? Рассмотрим несколько возможных сценариев.

Первый – сверхгосударственный – сценарий: глобализм укрепится окончательно не только в сфере идей, политики, но и в реальном материальном мире. Движение такого глобализма может привести к созданию некоего одного сверхгосударства на нашей планете. Но это не будет его концом. По предвидению К.Э. Циолковского человечество выйдет за

пределы планеты Земля и покорит иные миры. Тогда глобализм постепенно станет сверхпланетарным глобализмом.

Второй – апокалиптический – сценарий: глобализм рухнет с исчезновением человека, который в технократическом мире станет лишним звеном, которого заменят роботы и киборги. Он исчезнет с лица планеты либо по причине прекращения земных ресурсов для собственного расширенного воспроизводства и по причине «самонасыщения», либо по причине его ликвидации новой цивилизацией киборгов-роботов, у которых будет какая-то иная эволюция и свой собственный робоглобализм.

Третий – преображенный – сценарий: современный глобализм «-» трансформируется в новый глобализм «+», который будет продуктом иной эволюции человека – эволюции человеческого духа. Трасформирующийся новый глобализм может пройти заражение «вирусом антиглобализма» и человечество разделится на подглобальные цивилизационные сообщества. Трансформация может произойти из-за массовой гибели людей или не желанием рождать новых людей в глобалистскую эру, чтобы глобализм перешел с рельс от технократического человечества на рельсы биосферного человечества. Конечно же трансформация глобализма может произойти мгновенно при некоем высшем вмешательстве либо высокоразвитых цивилизаций (пришельцев из внешнего космоса или из внутриземного), либо божественного вмешательства (через пророков или напрямую).

Сегодня мыслящие творческие люди способны сами создать правила трансформационного преображения глобализма и сами же управлять правилами такой трансформации. Требуется от таких людей немного – живая самоорганизация, самодисциплина, энергия Любви и помощь Бога.

ГЛАВА 2. МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

А.И. Субетто,
Петровская академия наук и искусств,
Смольный институт РАО,
РГПУ имени А.И. Герцена,
Северо-Восточный Федеральный университет имени М.К. Аммосова,
НовГУ имени Ярослава Мудрого

2.1. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА КАК ЭПОХА ИМПЕРАТИВА НООСФЕРНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА

Раскрытие проблемы VII Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы», состоявшейся в Финансовом университете 06 марта 2020 г., адекватным образом возможно только тогда, когда мы определимся с ответом на вопросы «А собственно говоря, в какую эпоху мы живём?», «Можно ли её трактовать как эпоху трансформации глобального капитализма?». Я считаю, что эта эпоха по своему содержанию далеко выходит за узкие пределы такого её представления, как «эпохи трансформации глобального капитализма». Последнее представление – только одна из граней переживаемой эпохи. По моей оценке, теоретическая аргументация которой представлена мною в целом комплексе работ по ноосферизму, ноосферному экологическому духовному социализму, теории капиталократии, глобального империализма и экономического колониализма, ноосферной парадигме универсального эволюционизма, **человечество переживает Эпоху Великого**

Эволюционного Перелома, которою оно не знало не только за всё время социальной истории, но и за всё время антропогенеза, и начало которой положено переходом глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы на рубеже 80- 90-х годов XX века. **И эта эпоха есть эпоха действия императива ноосферно-социалистических преобразований основ развития человечества на Земле,** который одновременно выступает императивом выживаемости человечества в XXI веке, т.е. императивом выхода человечества из экологического тупика Истории, который породила рыночно-капиталистическая система мирохозяйственного воздействия человечества на гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов.

Сложившиеся к настоящему времени подходы к построению исторических, геоэкономических и геополитических диагностик, экспертиз и прогнозов в основном можно свести к следующим типам:

доминирование линейных прогнозов на основе принципа сохранения или консервации сложившейся геополитической и геоэкономической структуры мира с доминированием США (с обсуждением факторов, тенденций, появления новых геополитических акторов, угрожающих этому доминированию);

переход от однополярного мира с доминированием США (после демонтажа СССР в 1991 – 1992 гг.) в форме «Pax Americana» к многополярному миру, но с сохранением рыночно-конкурентных отношений, т.е. с сохранением рыночно-капиталистической системы хозяйствования;

доминирование технологических детерминизмов с сохранением либерально-рыночной доктрины развития мировой экономики;

прогноз перерастания «холодной» и затем – гибридной – войны против СССР, потом против России как евразийской цивилизации, с вероятным переходом в фазу «горячей» 3-й мировой войны.

Мой прогноз, не отрицая указанные возможные сценарии, как отдельные частности, состоит в том, что назначение XXI века – это ноосферно-геополитическая и ноосферно-геоэкономическая трансформация мира, в которой России самой историей предуготовлена роль стать лидером Ноосферного (Ноосферно-Социалистического) Прорыва человечества. И в этом «прорыве» – суть Эпохи Великого Эволюционного Перелома.

Почему именно так поставлен императив развития перед человечеством не только «логикой» исторического развития, но и «логикой» эволюции всей Системы Жизни на Земле – Биосферы?

Ответ на этот вопрос замыкается на ответ на другой вопрос «Почему именно в XX-ом веке Стихийная История человечества (в последние столетия – в рыночно-капиталистическом формате) натолкнулась на Экологические пределы в форме глобального экологического кризиса, а к концу этого века – уже в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы?».

Теоретический ответ на этот «второй вопрос» в рамках разработанной мною теоретической системы. Ноосферизма состоит в следующем.

Первое. До начала XX века, начиная с «Неолитической революции», история человечества состоялась как Малоэнергетическая Стихийная История, т.е. она находилась под защитой мощных механизмов Биосферы (законы Э. Бауэра – В.И. Вернадского – А.Л. Чижевского) по производству негэнтропии (организованности, структурированности живого вещества Биосферы).

Второе. В XX-ом веке произошел **скачок в энергетике мирового хозяйства в целом в 10 в 7-й степени раз,** что позволяет квалифицировать

XX-й век как «Большой Энергетический Взрыв» в социальной эволюции человечества или «Энергетическую Революцию» . **Этот скачок проявил несовместимость стихийных регуляторов экономического развития, в том числе рынка и частной капиталистической собственности, и большой энергетики мирохозяйственного воздействия человечества на Природу – Биосферу и планету Земля, как суперорганизмы.**

Действует открытый мною «**закон интеллектно-информационно-энергетического баланса»** , который формулируется так:

> чем больше со стороны хозяйства социальной системы (общества) воздействие по своей энергетической мощи на Природу – Биосферу и планету Земля, как суперорагнизмы, тем больше требуется лаг упреждения негативных экологических последствий от такого воздействия, и соответственно – тем более долгосрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы (общества), и тем более наукоёмкими (и соответственно – интеллектоёмкими и образованиеёмкими) должны быть управление и олицетворяющая его власть.

Капитализм, а вернее глобальный империализм строя мировой финансовой капиталократии, в единстве с мировым рынком и системой экономического колониализма, по своей «природе» этот закон выполнить не могут, и поэтому превратились в механизм экологического самоуничтожения, который, если не будет ликвидирован человечеством, то превратится в механизм экологической гибели человечества на Земле уже в XXI веке.

Третье. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы возвестила о выходе на «арену» истории Большой Логики Социоприродной Эволюции, т.е. «логики» развития системы «Биосфера +

Человечество», как единой системы, основанием которой и является энергетический базис хозяйственного природопотребления человечеством, как единым целым.

Именно эта «логика», во взаимодействии с Внутренней Логикой Социального Развития, которую постоянно и исследовали общественные науки до сих пор (формационный подход К. Маркса; цивилизационный подход Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, А. Дж. Тойнби, О. Шпенглера, Ю.В. Яковца и др.; мирохозяйственные подходы Ф. Броделя, И. Валлерстайна, С.Ю. Глазьева и др.), и поставила перед человечеством тот «внешний императив», с которым оно сталкивается впервые, и который исходит не от Бога, и даже не из внутренней логики истории, а именно от Эволюции Биосферы, от Природы как «субъекта». По этому поводу Н.Н. Моисеев заметил, косвенно подтверждая выдвигаемое мною теоретическое положение: «Природа – не реквизит исторической сцены, как это традиционно считают историки, а её непосредственный участник. Это выражение можно воспринять как некий афоризм, но в действительности оно отражает глубокую реальность, игнорируя которую мы рискуем получить лишь искажённое представление о том, как в современных условиях развивается общество, когда природные факторы грозят кардинальным образом изменить его жизнь».

Наступил Конец, причём Экологический Конец рынку, институту частной собственности, капитализму. Косвенное подтверждение этому выводу мы находим в работах таких западных учёных, как Б. Коммонер, Д.К. и Д.Л. Медоуз, Р. Гудленд, Г. Дейли и С. Эль-Серафи, а также в работах С.Ю. Глазьева, В.Ю. Катасонова, В.А. Ефимова, М. Делягина, С.Г. Кара-Мурзы, Л.Г. Ивашова, В.А. Зубакова и др.

Спасение человечества от экологической гибели связано с его переходом к социальной организации воспроизводства жизни общества

на основе Ноосферного Экологического Духовного Социализма или Ноосферизма, и других альтернатив у человечества нет.

Поэтому Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть одновременно смена парадигм истории – **переход от Стихийной истории на основе доминирования закона конкуренции** и «права сильного» (принцип Гоббса «человек человеку – волк») **к управляемой истории на базе доминирования закона кооперации и общественного интеллекта, но в новом – ноосферном – качестве, как управляемой социоприродной эволюции** (единственной форме устойчивого развития человечества в будущем) .

Данный теоретический вывод подкрепляется **ноосферной парадигмой универсального эволюционизма**, **реализующей синтез дарвиновской** (автор – Ч. Дарвин; доминанта в прогрессивной эволюции закона конкуренции; знаменитая триада – наследственность, изменчивость отбор), **кропоткинской** (автор – П.А. Кропоткин; ключевая роль в прогрессивной эволюции сотрудничества, взаимопомощи, любви; я это положение Кропоткина перевёл в теоретическое положение о ключевой роли в этой парадигме закона кооперации, действие которого сопровождается «механизмом интеллекта», как механизмом опережающей обратной связи или управления будущим с опережением) и **берговской** (автор – Л.С. Берг; концепция номогенеза, утверждающая наличие общих законов, направляющих прогрессивную эволюцию по определённому руслу) **парадигм.**

Этот синтез лежит в основе моего открытия о существовании **2-х метазаконов,** направляющих любую прогрессивную эволюцию, сопровождающуюся ростом сложности эволюционирующих систем: (1) **мета закона сдвига** от доминирования закона конкуренции и механизма естественного отбора **к доминированию закона кооперации и механизма**

интеллекта; (2) **метазакона интеллектуализации или «оразумления» прогрессивной эволюции** (как следствие действия первого метазакона). Из этого положения вытекает, что появление человека (человеческого разума) в процессе прогрессивной эволюции Вселенной, в том числе прогрессивной эволюции живых систем Биосферы на Земле, является не случайным, а закономерным, отражающим действие указанных метазаконов. И переход Биосферы в Ноосферу, на который, как на закон глобальной эволюции, указал В.И. Вернадский, есть не случайность, а отражение проявления действия указанного метазакона «оразумления» прогрессивной эволюции Биосферы.

В свете указанных теоретических положений Ноосферизма, **переживаемая Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть эпоха перехода Биосфера в Ноосферу, переход человечества в состояние (или качество) ноосферного человечества, чей коллективный (общественный) интеллект (Разум) начинает управлять социоприродной эволюцией,** соблюдая законы-ограничения, диктуемые действием обратных связей гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля, как суперорагнизмов. Поэтому Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть **эпоха «Родов Действительного – Ноосферного – Разума» и соответственно становления планетарной кооперации народов-этносов и, как следствия такой кооперации, – становления «Мира без Войн и Насилия».** Это означает, что заканчивается вместе с глобальным империализмом и геополитика, рождаемая «Анти-Разумом» мировой финансовой капиталократии, и происходит рождение Ноосферной геополитики, исходящей из доминирующей роли закона кооперации.

Ноосферная трансформация мира, которая и есть ноосферная социалистическая революция, охватывающая весь XXI век, начнётся из России, а вернее теоретически и идеологически она уже началась в России в форме набирающего силу ноосферного научно-образовательного движения,

создания основ единой ноосферной науки о человеке и обществе и единого ноосферного непрерывного образования.

Россия – евразийская, общинная, с самым холодным климатом (т.е. с высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни общества) и с самым большим пространством-временем (хронотопом) бытия, цивилизация. Из-за высокой энергетической стоимости воспроизводства жизни в ней всегда доминировал закон кооперации в форме «общинности» (доминанты коллективизма, «соборности»), кооперации многих народов и национальностей во главе с русским народом, сопровождающийся ценностями правды, любви, справедливости. Именно это цивилизационное качество России и явилось одним из главных детерминантов Социалистического Прорыва человечества именно с её территории в 1917 году и появления мощной социалистической державы на карте мира в лице СССР, спасшей весь мир в 1941 – 1945 гг. от гитлеровско-фашистского рабства. Россия-СССР первой совершила, на базе социализма, Космический Прорыв 4 октября 1957 года (запуск первого спутника Земли) и 12 апреля 1961 года (облёт вокруг Земли на советском космическом аппарате, в ближнем космосе, Юрия Алексеевича Гагарина). Именно, благодаря теоретическому научному прорыву В.И. Вернадского – через создание учения о переходе Биосферы в Ноосферу – в 20-е – 30-е годы XX века в СССР, а затем его развитию в СССР и России, появлению Ноосферной научной школы и Ноосферизма, как стратегии Ноосферного Прорыва, Россия призвана возглавить Ноосферный Прорыв человечества в XXI веке и спасти человечество от его неминуемой, на рыночно-капиталистических основаниях, экологической гибели.

Итак, в логике геополитических прогнозов на ближайшие десятилетия доминируют: (1) логика геополитической конкуренции; (2) положение о неизбежности 3-й мировой войны в связи с крахом «долларовой империи»;

(3) взгляд на экономическую мощь США и Китая, их конкуренцию как главное основание геополитической и геоэкономической динамики (на базе мирового рынка); (4) взгляд на мировые экологические процессы как «периферийные» по отношению к логике геоэкономической конкуренции; (5) ставка на глобальную манипуляцию противоречиями крупных религий мира, лежащих в основе крупных цивилизаций (пример – концепция С. Хантингтона). «Смешение карт» в этих прогнозах произойдёт в 2025±5 году! И уже начало 2020-го года, когда появление «коронавируса» в Китае и начало его эпидемии, а также обвал многих рынков под воздействием «информационной паники в мире», вполне возможно – искусственно разжигаемой, может быть и есть начало процесса такого «смешения карт».

Грядет ноосферная социалистическая революция, которая, по моему прогнозу, начнется с ноосферного прорыва России и охватит весь XXI век! Эта революция и определит содержание уже разворачивающейся Эпохи Великого Эволюционного Перелома.

Поэтому стратегия развития России в XXI веке – становление Ноосферной России, и соответственно – ноосферной управляемой (планово-рыночной – на первом этапе) экономики и ноосферного научно-образовательного общества.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междун. отношения, 2020. 256 с.

2. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

3. Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2016. 512 с.

4. Делягин М. Путь России: Новая опричнина, или Почему не нужно «валить из Рашки». – М.: Эксмо, 2011. 416 с.

5. Ефимов В.А. Россия – альтернатива апокалипсису. – М.: Изд-во АСТ, 2015. 352 с.

6. Зубаков В.А. Эндоэкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания. – М.: ФГУП «Щербинская репография», 2002. 86 с.

7. Ивашов Л.Г. Мир на изломе истории. Хроника геополитических сражений. – М.: Книжный мир, 2018. 608 с.

8. Ивашов Л.Г. Опрокинутый мир. – М.: АО «Издат. Дом» «Аргументы недели», 2020. 384 с.

9. Кара-Мурза С.Г. Спасти Россию, как нам выйти из кризиса. – М.: Алгоритм, 2013. 272 с.

10. Катасонов В.Ю. Закат эпохи либерализма. Хроника финансового Апокалипсиса (Серия «Финансовые хроники профессора Катасонова») (Выпуск VIII). – М.: Книжный мир, 2019. 512 с.

11. Коммонер Б. Замыкающийся круг – Л.: Гидрометеоиздат, 1974. 280 с.

12. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. – М.: «Альпина», 2001. 335 с.

13. Медоуз Д.К., Медоуз Д.Л., Рандерс Й. За пределами роста. – М.: Пангея, 1994. 364 с.

14. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: «Аграф», 1998. 480 с.

15. Платонов О., Райзеггер Г. Мировая гегемония Америки Летопись кровавых преступлений. – М.: Алгоритм, 2012. 368 с.

16. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: КГУ им. Н.А.Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. 537 с.

17. Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм. – СПб.: Астерион, 2009. 572 с.

18. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. В.Г. Егоркина. – СПб.: Астерион, 2011. 108 с.

19. Субетто А.И. Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибели человечества? – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 44 с.

20. Субетто А.И. Экономический колониализм и крах рыночных реформ в России. Наступление эпохи великих ноосферно-социалистических преобразований: научно-философский очерк/ Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств д.ф.н., проф. А.В. Воронцова. – СПб.: Астерион, 2019. 52 с.

21. Субетто А.И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россиеведения)/ Под науч. ред. проф., д.т.н., д.пс.н., д.п.н. В.В.Лукоянова. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2018. 340 с.

22. Субетто А.И. 200-летие Маркса и грядущее 150-летие В.И. Ленина: ноосферизм или ноосферный социализм – «повестка дня» на XXI век/ Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2018. 108 с.

23. Субетто А.И. Ноосферная миссия России в XXI веке (философско-социально-экономические очерки) / Вступ. ст. Л.А. Зеленова; под науч. ред. президента Академии гуманитарных наук д.э.н., проф. В.Т. Пуляева. – СПб.: Астерион, 2020. 152 с.

24. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. 635 с.

25. Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.). Environmental Building on Brandtland. Washington DC. World Bank. 1991

Ю.В. Крупнов,
Институт демографии, миграции и регионального развития,
Торгово-промышленная палата Российской Федерации

2.2. ТРАНСФИГУРАЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И РОЛЬ РОССИИ

На наших глазах капитализм последних 40 лет, бодро начинавший с рейгономики и тэтчеризма, зашёл в абсолютный тупик. Как будто что-то выключилось в нём, сломалась какая-то машинка внутри и все очевидные противоречия колоссального социально-имущественного неравенства внутри государств (Стиглиц, Пикетти), космической дистанции между ядром и периферией капиталистической мир-системы (Валлерстайн, Арриги), чудовищное несоответствие между реальным сектором экономики и сектором денег и денежных суррогатов и, наконец, очевидный закат эры доллара и Ямайской финансовой системы теперь стремительно взрывают весь мировой порядок.

Всё уже начало сыпаться, однако, полагаем, трансформация глобального капитализма при этом абсолютно не предопределена и может идти тремя прямо противоположными путями: 1) катастрофа со скатыванием человечества в примитивные силовые блоки и гоббсовской войны всех против всех, 2) мобилизационный вариант стандартного капитализма, имеющего квазисоциалистические черты (какая-нибудь адаптированная «шведская модель» с безусловным базовым доходом), и 3) преображение или, в латинском залоге, трансфигурация в принципиально новый общественный строй, преодолевающий родовые противоречия капитализма.

Представляется, что России, попавшей после развала Советского Союза в положение капиталистической периферии, в первых двух вариантах попросту не выжить – особенно, с учётом огромности территории и деиндустриализированного состояния. «Вписаться» и интегрироваться в какой-либо зарубежный «рай» не получится. Единственный реалистичный

путь, как это ни парадоксально, – ещё раз повторить то, что было сделано в XX веке, когда было осуществлена доктрина «строительства социализма в отдельной стране», то есть, выбрав путь трансфигурации, приступить к строительству нового общественного строя, имеющего всемирное значение.

Это крайне тяжёлый путь, но другого, повторим, попросту нет.

И ключевым моментом при этом станет оперативное, буквально в один-два года создание в стране новой экономики, которая будет способна произвести трансфигурацию всего мирового хозяйства.

Россия может и должна предложить миру другую экономическую философию, которая является предметом поиска и старательного нащупывания во всём мире – здесь показательна редакционная статья в февральском номере американского журнала Foreign Policy: «Америка нуждается в новой экономической философии. США не смогут правильно определить большую стратегию, если неправильно определят свою экономическую политику» («America Needs a New Economic Philosophy. The United States cannot get grand strategy right if it gets economic policy wrong»).

Такой новой экономической философией для России может и должна стать философия суверенного хозяйства, которую настоятельно требуется добавить к реализуемой в течение последних 10 лет политической философии суверенной демократии (как бы ни относиться к В.Ю. Суркову и термину).

В случае построения суверенного хозяйства, что потребует, прежде всего, выхода за пределы долларовой системы, Россия могла бы отработать модель, которую могли бы перенимать и осваивать у себя ведущие национальные государства мира, восстанавливая свои суверенитеты и перспективы независимого развития.

В отличие от экономики хозяйственная жизнь и деятельность строится на категории способа жизни, а не способа производства. Именно в этой логике хозяйства, а не экономики, строятся фундаментальные традиции

германской (Фихте, Лист) и русской (Булгаков, Фёдоров, Вернадский) мысли, опирающиеся на христианские ценности и традицию, в частности, на представление об икономии.

В способе производства (Produktionsweise) определяющей является продуктивность товарных массивов, организуемая единством производительных сил и производственных отношений. А способ жизни характеризуется преобразованием базовых условий жизни общества с достижением максимально высокого качества жизни через личностное проектное действие и формирование сообществ развития.

Способ производства в своей основе детерминирован и предопределён, а принцип смены способов производства и формаций не ясен. Способ же жизни формирует хозяйство, соразмерное уникальной цивилизации и её экспансии.

В рамках философии суверенного хозяйства очевидно, что главная зависимость России в экономике не от нефти, а от глобальной финансово-экономической системы, где гегемоном является доллар США. В связи с этим недопустимо далее рассматривать практически стопроцентную встроенность российской экономики в глобальную, в том числе через опору на мировую цену на нефть, как «естественную», «нормальную». Главное сегодня – вывести наше хозяйство из открытого глобального контура, в котором нас будут продолжать уже не просто «доить» (РУСАЛ, Роснефть и т.п.), но и экономически убивать и добивать.

Однако при этом мы ни в коем случае не должны примитивно выходить из глобальной экономики в некую автаркию. В мировом хозяйстве обязательно следует оставаться – но только одним из трёх контуров хозяйствования.

В этом плане новое видение состоит в том, чтобы понять необходимость перевода нашей экономики на хозяйственную трёхконтурность:

Первый контур – глобальная экономика, в т.ч. транснациональные цепочки добавленной стоимости российских индустрий и фирм.

Второй контур – внутренняя потребительская экономика, быт, или «товары группы Б» (по аналогии с советской классификацией, в рамках которой производство товаров делилось на две группы: Группа А: Производство средств производства (товары промышленного назначения) и Группа Б: Производство товаров народного потребления (потребительские товары).

Третий контур – внутренней закрытой экономики проектирования и организации спектра из порядка 70- 100 новых национальных индустрий, получающих долгосрочное кредитование напрямую из госбюджета и Банка России под ничтожный процент (т.н. «процент дисциплины»).

Вся совокупность глобальных и национальных факторов с неизбежностью требует создания третьего контура – нового большого сектора реальной экономики, дающего в ближайший год занятость и базовые доходы не менее 10 миллионам российских граждан. Одновременно ключевым вопросом становится проблема правильного использования золотовалютных резервов, «кубышки», которая, если не будет правильно потрачена, в любом случае «спалится» в течение года-двух.

В связи с этим предлагается организовать стратегический маневр по диверсификации экономики и уходу от нефтегазовой зависимости с развёртыванием в стране системы нескольких десятков новых индустрий, образующих для населения перспективные сферы занятости: станкостроение, лазеростроение, авиатизацию, новую индустрию льна, производство биокомпозитов, экологическое машиностроение, нефтегазопереработка,

гидротехническое строительство и др. Примерный список новых национальных индустрий разработан Рабочей группой Совета ТПП РФ по промышленному развитию и повышению конкурентоспособности экономики России «Приоритетные проекты развития промышленности и агропромышленного комплекса».

Специально отбираемые высокорентабельные новые национальные индустрии характеризуются способностью создавать суверенные глобальные цепочки добавленной стоимости и потенциальным ростом в форме новых национальных компаний («чемпионов», «газелей» и «единорогов» по модным международным неформальным классификациям, отражающим феномен так называемых экспоненциальных организаций).

Финансово-ресурсное обеспечение диверсификационного маневра через спектр новых национальных индустрий может быть произведено за счёт введения цифрового долгосрочного планирования и промышленных облигаций – специальных ценных бумаг, под которые государство предоставляет отобранным предприятиям долгосрочные целевые займы и которые связаны с обязательствами восстановления паралича производственных системы и создания значительного количества новых рабочих мест.

Для инициирования и сопровождения каждой новой национальной индустрии промышленные облигации могут выступать в функции своего рода специального инвестиционного рубля, обладающего собственной подкрепляемой стоимостью и включающего полную цифровизацию процесса реализации новых национальных индустрий как стратегических инвестиционных проектов, в том числе, мониторинг в реальном времени денежных потоков, видеонаблюдение контрольных точек реализации проекта в соответствии с утверждённым планом производства продукции гарантированного качества и гарантированного спроса на внешнем и

внутреннем рынках, цифровизацию исполнения плана наращивания мощности новых производств по годам, цифровизацию согласования интересов стейкхолдеров новой индустрии, в том числе страховщиками рисков несоздания новых производств заявленной эффективности и др.

Подобный посаженный на блокчейн цифровой «бизнес-план» позволит достоверно отслеживать соотношение планируемого к фактически получающемуся производству и по сути является технологической основой специального инвестиционного рубля (фиатрубля), а также обеспечивает гарантированную секьюритизацию инвестируемых денежно-валютных средств на основе современного цифрового контроля.

Формирование национального рынка промышленных облигаций по указанной схема позволит также вводить другие новые финансовые продукты для привлечения в новые национальные индустрии денежных ресурсов населения (краудфандинг, краудинвестинг, финансовая кооперация и др.) и создания блокчейн-инвест-акций и инвест-коинов под конкретные индустрии (например, льнокоинов).

Таким образом, через повторение депозитной схемы 2008 года появляется возможность оперативно организовать в 2019 году в Российской Федерации инвестиционно-промышленный маневр, направленный на перевод национальной финансово-кредитной системы с тотально кредитно-депозитной на акцентированный инвестиционный формат.

В.В. Кашицын,

ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

2.3. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ ДОРЕФОРМЕННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПОСТРЕФОРМЕННОЙ РЕГУЛЯТИВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОИСКАНИЯ АЛГОРИТМА РАЗВИТИЯ

Когда во главе угла переплетения сложнейшего узла противоречий в обществе настойчиво появляется термин «развитие», тогда объектом трансформации прежде всего становятся не страна, общество или экономика, а методология трансформации. В свою очередь методология трансформации является в известном смысле функцией закономерностей, логики и цели развития, аксиоматичное первородство которых объективно.

Поэтому если мы выбрасываем из мотивации трансформации закономерности, логику и цели развития ни о какой эффективности трансформации и уж тем более её вариативности не может быть и речи.

Вот почему без курса и ветрил мы непрерывно болтаемся в историческом океане уже не очень добрых более 60-ти лет. Представления о том, что комбинаторика текущего факторно-ресурсного потенциала страны может вывести нас на траекторию развития, особенно сегодня на переломе смены эпох, – исключительно ложные и чрезвычайно опасные, так как накопившийся хвост проблем не только заблокирует возможность вылезания из ямы развитийного исторического провала, но и окончательно приведёт к гибели. И самым главным в сонме аргументов по этому поводу является аргумент качества поведения общества в стране в 1980-1990-х годах прошлого века, когда условия потенциально продуктивной трансформации были на несколько порядков более благоприятными и предпочтительными чем сегодня. Если тогда уровень трансформации был гротескно примитивным и вульгарным, то сегодня он не может быть никаким другим

кроме как пещерным, так как общество во всех своих проявлениях деградировало по наклонной плоскости с нарастающим итогом. И в этом смысле эпицентр проблемы корреспонденции страны с развитием находится за скобками смысловой связи социализма-капитализма при всей её значимости. То есть пребывает в концептуализации механизма управления (государства), в качество их кадровой репродуктивности и сопряженности последней с комбинаторикой факторов развития.

Или, другими словами, тип общественной системы в стране при всей его вроде бы первостепенной значимости в обществе, упорно делегирующем в систему управления всех тех, кто внизу ни на что не способен и всё время мешает, является второстепенным вопросом, в виду того, что если это происходит исторически долго, то система трансформируется таким образом, что внизу будет ещё хуже, так как профессионалы как класс окончательно исчезнут. Чего, собственно, мы в результате 65-летней деградации системы управления сегодня наконец почти добились. Именно поэтому с такой легкостью «пал социализм» в 80-е годы, так как даже его остатков было достаточно для кадровой революции на излете советского периода. И эти остатки были катастрофически опасны для сложившейся кадровой иерархии в управлении и её репродукции, что хорошо показал Примаковский эксперимент. Дилемма властного выживания заставила их обвалить систему, что они и сделали, обвинив систему в том, в чем сами были виноваты. Так как для этой публики не важно, что строить, социализм или капитализм, а важно как это делать и с каким для себя результатом. И в этом смысле с точки зрения качества управления никакого перелома на границе 1980-х -1990-х гг. не произошло. Просто кривая деградации и её последствий резко усилила наклон, так как были приватизированы горизонты эффективности управления, ставшие к тому же ситуационными. Разумеется, банально-примитивный информационный мотивационной мост, перекинутый через

головы профессионалов сверху вниз, позволил расплодившемуся люмпен-потенциалу окончательно просочиться во все критически значимые для принятия решений точки управления и их монетизировать, где слова и термины окончательно исчезли, а над методологией даже не сохранилось памятников.

А в результате изъятия из сложившейся системы управления стержневой мотивационно-контрольной системы КПСС, её место энергично заняла мощная теневая коррупционная сеть, для которой законодательство с Конституцией, как и вся правовая система стали внутренней функцией-инструментом и редко более того.

Поэтому с точки зрения методологии развития, предполагающей в любом случае господство в системе управления, да и в обществе в целом, профессионализма, дореформенная регулятивная трансформация и современная постреформенная имеют общие в системах управления причинно-следственные корни иррациональности, которые в критически значимом формате объективно являются предопределенными. Но если в советский период оставались пусть деградирующие сдержки и противовесы, то сегодня в управлении сложилась дурно пахнущая гнетущая однородность, фактически блокирующая любой проблеск системного развития, и тенденции энтропии стали линейными.

Таким образом получается, что у предреформенного (условно советского) тренда нарастания факторов деградации, формализовавшихся в темпах экономического роста, ухудшении качества продукции, отторжении инноваций и в конечном итоге снижении темпов роста производительности труда, с современным постреформенным периодом, условно состоящим из трех фаз (1990-е, нулевые, 2010-е годы) общей тенденцией является нарастающее падение эффективности общественного производства, да и

экономики в целом, что прямо противоречит логике и показателям любого инварианта развития.

Одним словом, эти два гипертренда, сформировавшиеся в течение шести десятилетий только формально разнонаправленны. Если разрулить эту тенденцию 30 лет назад ещё можно было, то сегодня, когда к нерешенным проблемам 30-летней давности добавились колоссальные на порядок отличающиеся проблемы последних тридцати лет, развязать этот узел на основе в том числе ситуационных сегодняшних решений невозможно даже теоретически.

Вместо минимального инерционного удвоения ВВП и других показателей общественного богатства, мы не можем добраться даже до уровня тридцатилетней давности, показателей 1990 года. Китай, подхватив и оптимизировав посредством синтеза лучших эффектов трансформации советской модели с НЭПом в основе и выйдя тем самым на траекторию развития увеличил свое национальное богатство на порядок за сопоставимые 40 лет и вышел фактически в лидеры мирового хозяйства. Этот гигантский, эпохальный, развитийный противоход с нами настолько очевиден, что любые пигмейские микролокальные мотивации и противопоставления в попытках смикшировать его в любом дискурсе кроме смеха сквозь слезы вызвать ничего не могут. Разве только что убогую либеральную российскую компаративистику последних наших 30 лет внутри данного периода.

Поэтому, глубоко убеждены, что какое-либо приближение к развитийному старту в стране не может не быть предпосланным аналитическим просеиванием на предмет выявления фундаментальных факторов и причин складывания органически единого процесса деградации советско-российской экономики последних 65 лет.

Конечно же этот процесс при всей своей генетической экономической однородности имел свои этапы превращения количества в качество,

асимптоты, противоходы, каузальные разрывы (когда одни причины имеют несопоставимые следствия и наоборот) и так далее. Но вне этого пути приблизиться к стартовой планке развития стратегически не удастся. А тактическое маневрирование, учитывая масштабы и инерционность последствий неадекватного отбора пути развития страна себе позволить уже точно не может. Здесь уже в отличие от революций действительно все лимиты истории по-крупному исчерпаны.

Итак, если мы исходим с точки зрения деградации системы управления двух рассматриваемых периодов, конституирующих 65-летний период бытия страны из их однородности, то мы не можем не задуматься и о том, какие же заметные структурные диспропорции и противоречия движения производительных сил и производственных отношений этих периодов питали данную реактивную регулятивную деградацию.

То есть в модельном проектировании развитийной экономики в любом случае целью является формирование национально-страновой модели смешанной экономики, базирующейся на инвариантности синтеза планомерных и товарно-денежных отношений. Или как писал Дж.К. Гелбрейт в своей работе «Новое индустриальное общество», «мы имеем в виду конвергенцию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации» [37], современного крупного масштабного производства. То в постепенной деградации управления причины надо искать в накоплении тех рациональных и иррациональных свойств, которые несут в себе иррациональные «чистые» варианты централизовано-планируемых экономик и максимально либеральных чисто рыночных децентрализованных конкурентных экономик.

Радикальные крайние и слева и справа конструкты как правило тождественны с точки зрения их влияния на снижение эффективности и

[37] Гэлбрейт: возвращение (монография). Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. С. 414.

движение к катастрофе. И в этом смысле получается, что в первом приближении общим знаменателем наших двух периодов касательно моделирования хозяйственных механизмов явилась в советском периоде серьёзная недооценка роли товарно-денежных отношений. Во втором, современном, случае, крайняя недооценка централизованно-планомерного регулятивного начала. В первом случае недооценка гибкого сочетания различных форм собственности и их эффективности реализации, особенно государственной и коллективной. Во втором случае, – радикальная гипертрофия рудиментарной частной собственности, особенно в крупном и среднем бизнесе. В первом случае, в отсутствии гибкости и адаптивности в государственном регулировании. Во втором случае, – в абсолютном самоустранении государства из экономики.

Между тем, в системе сложившегося хозяйственного механизма и в первом дореформенном случае и во втором, постреформенном, не просто много общего, а общего воспроизводящего системную инерционность, отторгающую непрерывную оценку качества эффективности управления экономикой и адекватную её коррекцию.

А именно и в первом, и во втором варианте формально в организационно-правовом плане имело место быть многообразие форм собственности, разумеется, с гипертрофированными акцентами. Но экономически они не могли реализоваться эффективно в виду организационно-правового жёсткого ограничения их превращения одной в другую, подавляя тем самым даже в потенции механизм гибкой самоорганизации хозяйствующих субъектов с выходом в конечном счете на создание собственно среды рыночной самоорганизации как поля, маякующего координаты эффективности. В результате живое объективное динамическое самоорганизующее внутренний рынок начало

мгновенно вырождаться в закостенелую ассиметричную инерционную среду, воспроизводящую неэффективность.

И там, и здесь основу экономики составляют крупные корпорации, которые априори, в любом ином варианте не могут не быть монополиями. Поэтому регулирование их экономических отношений между собой, со средним и малым бизнесом, в целом со спросом и обществом, и уж тем более с мировым хозяйством – первостепенная, ёмкая инерционно масштабная задача, и задача исключительно государства. Но государства, регулирующего и управляющего прежде всего экономически, опосредованно, косвенно, через экономическую среду, генерирующую мотивацию и кристаллизующую адекватные интересы. То есть речь идёт о просвещенном государстве, генерирующим максимально профессиональное начало как в обществе и экономике в целом, так и во всех областях конкретно, в том числе и даже в первую очередь в роли хозяйствующих субъектов.

Нет и не может быть более эффективных субъектов на рынке чем государственные хозяйствующие субъекты в виду реализации ими двойственной экономической роли в механизме самоорганизации внутреннего рынка. Вне этого условия самое эффективное экономическое косвенное индикативное государственное регулирование недееспособно и не сможет адаптировать и реализовать свой собственный суверенный потенциал смешанной экономики.

«Это означает, что стратегия развития на собственной основе должна быть нацелена на превращение наших традиций и особенностей в наши конкурентные преимущества»[38]. Или, другими словами, под такие задачи, которые в любом раскладе придется стране решать, необходима своя новая модель государства, выстроенная для решения перспективных задач и на

[38] Рязанов В.Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России – М.: Экономика, 2016. С. 446.

основе собственных традиций. Ну, и разумеется, модель, попутно разрешающая в креативном синтезе основные ограничители и капитализма, и социализма, так-то «если при капитализме есть серьёзные проблемы с социальной справедливостью... то при социализме находится в сильном загоне личная активность граждан». Советская модель в первое 30-летие потому и выстрелила при всех своих издержках, что вариант такого креативного синтеза нашла, за неизбежным исключением абсорбции традиций вообще и системообразующей духовной роли православия в частности. А стало возможным это благодаря синхронизации решения проблем нового типа государства и управления, активации процесса гармонизации воспроизводственного контура посредством индустриализации и аграрной реформы с помощью энергичного запуска работы внутреннего рынка и особого внимания к дилемме размещения производительных сил. В результате раскрытия спектра неограниченных возможностей и гибкого сочетания личного, коллективного и общественного интересов, личная инициатива была эффективно канализирована заглавным в экономике процессом массовой профессионализации, остатки которой до сих пор паразитарно используются в стране для поддержания на плаву. А скоропостижное схлопывание в 1953-1955 гг. процесса выхода страны на новые рубежи массовой профессионализации нового качества кристаллизовало в конце 1950-х годов основной развитийный ступор грядущей эволюции – систему управления, неумолимо генерирующую в обществе массовой люмпен-заточенной на внепрофессиональный успех. Отсюда закономерно и проистекает логика и формат последующих дореформенных и постреформенных трансформаций в стране, имеющих общий знаменатель в виде неумолимого закольцовывания процесса «гармонизации» люмпен-власти с люмпен-социумом.

Окончательно укрепив свою власть путем ползучего переворота с конца 1980-х – начала 1990-х годов с помощью приватизации общественного достояния, наш властный социум посредством трансформации системы образования, здравоохранения и в целом управления, имея в виду устранение самой возможности воспроизводства профессионалов, занялся окончательной утилизацией общественного богатства.

Если иметь в виду, что в тридцатые годы прошлого века нам несмотря ни на что удалось вернуться к развитию, преодолев за 10 лет гигантский разрыв в экономике по отношению к развитым странам, то в последние 30 лет преодолеть их уровень в обратном направлении в полной мере, слава Богу, пока не удалось. Но постольку поскольку мир находится в завершающей фазе эпохального кризиса 2008-2020 гг., двигаясь к его нижней точке, опасность синхронизации страны с миром в падении очень велика, хотя и не безальтернативна.

В любом случае «экономический мир, будучи сейчас неопределённо, круто и споро переменным, на грани какой-то действительно великой трансформации, а то и повторяем, на пороге трансгрессивной революции!»[39], предполагает определенное дистанцирование России от него. Тем более спасаться развитые страны по обыкновению будут по отдельности, хорошо осознавая их традицию спасаться за счёт других.

Поэтому в этот исторический момент Россия получает дополнительный шанс, вернувшись к себе, сосредоточиться на проблеме вылезания из 60-летней двудонной ямы (снижения качества и эффективности развития и броска в деградацию) и возвращения на траекторию развития. Но в виду неизбежности падения Запада догонять и опережать теперь придётся Китай, что существенно сложнее чем дышать в спину Западу, так как исторически и

[39] Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма) – М.: ТЕИС, 2017. С. 279.

логически в своей модели Китай воспроизводит наш опыт, наши лучшие практики и наши многие конкурентные преимущества.

Ну, например, «чтобы догнать по темпам роста китайскую экономику норму накопления необходимо, довести до 35%, для чего ежегодный прирост инвестиций в основной капитал должен быть не менее 20%»[40].

И деньги в стране есть. Так, например, резервы Фонда национального благосостояния уже превысили 7% ВВП. Приблизительно столько же на счетах у граждан, юридических лиц плюс неиспользуемые бюджетные средства, ежегодно возвращаемые в конце года государству. Определенные возможности имеет теневой сектор, и об офшорных счетах тоже нельзя забывать. Существенными возможностями обладает и Центральный банк, национализировать который давно пора и т.д. А от статуса ЦБ и его политики зависит и вся банковская система в целом, которую сравнительно не очень трудно вернуть из спекулятивного биржевого процесса к финансированию реального сектора.

Нельзя забывать и налоговую систему, которая фактически у нас работает с точки зрения стимулирования экономического роста, как условия развития в холостую. Более того, «налог – это вопрос не технологический, а прежде всего политический и философский, при том самый важный из всех. Без налогов не может быть общности, судьбы и коллективной способности действовать» [41] . Традиционно в налоговых анклавах в мире «обычно выделяют подоходные налоги, налоги на капитал и налоги на потребление»[42] плюс социальные взносы. И вот уже почти 30 лет налоговые дебаты и в целом иррациональность налоговых трансформаций в стране являются притчей во языцех. Более того, российская плоская шкала на доходы и имущество

[40] Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. С. 709
[41] Пикетти Т. Капитал в XXI веке – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 534.
[42] Там же, С. 535.

физических лиц стала в мировом хозяйстве чуть ли не уникальной. «В налоговой сфере снижение налогообложения предпринимательской деятельности может быть компенсировано введением прогрессивного налога на доходы и имущество физических лиц, уровень которых превышает средний по стране более чем вдвое»[43]. И здесь нельзя не согласиться С.Ю. Глазьевым, так как действительно во всех развитых странах большая часть налоговой массы поступает от нетрудовых доходов посредством прогрессивной шкалы. У нас же на юридических лиц приходится 70%. Это при том, что они находятся фактически из-за недоступности кредита в режиме самофинансирования.

Одним словом, давно назрело и перезрело время, когда необходимо было обозначить Новую Экономическую Политику Опережающего Развития, её кристаллизовать и реализовать. Профессионалы в стране ещё остались, в том числе и в экономической области. Конечно же проблем здесь много, хотя они и решаемы. Но «главная проблема в инертности и в ученической позиции российских реформаторов с их ориентацией на заимствование уже готовых форм организации хозяйственной жизни. Ещё более значимо наличие в бизнес-сообществе соответствующих групп интересов, представляющих достаточно могущественный клан финансократии и её защитников, заинтересованных в сохранении своего привилегированного положения в экономике и в возможности получать сверхвысокие доходы»[44]. То есть речь идёт здесь об уже обозначенной выше части люмпенизированного населения, агрессивно реализующего принцип примата частного интереса в ущерб общественному и ни по каким параметрам несовместимой с профессионалами, у которых по сути занятости и уровня интеллекта априори

[43] Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. С. 732.
[44] Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. С. 404.

в целеуказании общественный интерес. Ну и у этой части населения по отношению к стране и населению выбора уже нет. Либо они теряют всё, включая жизнь на Западе, либо, включая свой частный интерес в консолидацию развития, могут занять более чем достойное место в жизни, которое может быть связано и с деньгами, но опосредованными общественным интересом в созидании, а не перераспределении.

В заключении можно констатировать, что «именно стратегия развития на собственной основе, не отвергающая зарубежный опыт, должна ориентировать на проведение необходимых самостоятельных и опережающих реформ, адекватно реагирующих на важнейшие ограничения и политические вызовы» [45]. Что же касается экономической науки и современного её состояния, то лучше С.Ю. Глазьева не скажешь: «Именно процесс развития хозяйственной деятельности, а не обмена её результатами должен стать главным предметом экономической науки. Соответственно, должна поменяться и методология»[46]. То есть от целого путь к части, но не наоборот, а целое – это прежде всего предмет и метод.

Литература.

1. Гэлбрейт: возвращение (монография). Под ред. С.Д. Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017.

2. Рязанов В.Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России – М.: Экономика, 2016.

3. Хазин М. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. – М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Сфера», 2019.

4. Осипов Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма) – М.: ТЕИС, 2017.

[45] Там же. С. 424.

[46] Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018. С. 547.

5. Глазьев С. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2018.

6. Пикетти Т. Капитал в XXI веке – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

7. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза – СПб.: Алетейя, 2019.

Д.Е. Сорокин,

Финансовый университет

2.4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (ТРАНСФОРМИРУЕТСЯ ЛИ РОССИЯ?)

Для политической экономии трансформация экономики – это трансформация системы экономических отношений: изменение их содержания, форм проявления и структуры системы. Сама трансформация происходит под воздействием качественных сдвигов в производительных силах общества, перехода от одного технологического уклада к другому. При этом под производительными силами традиционно понимаются средства производства (орудия и предметы труда) и люди, приводящие их в движение. Однако нельзя не заметить, что существенное влияние на характер системы экономических отношений, складывающейся в том или ином социуме, оказывают и иные факторы.

К ним можно отнести:

1) природно-географические (климат, возможности выхода к морским путям, наличие и расположение природных ресурсов и т. п.);

2) демографические (численность и плотность населения и т. д.);

3) цивилизационные, формирующие национальную психологию, мышление и соответственно поведение, в т. ч. экономическое;

4) геополитические.

Этот список, видимо, можно продолжить. Но уже перечисленные факторы позволяют объяснить, почему даже однотипные в своей основе экономические отношения в различных социумах организуются по-разному, порождают весьма существенные отличия их экономических систем и, соответственно закономерностей их функционирования и эволюции.

Обращая внимание на эту сторону дела, нельзя не отметить, что названные факторы (в первую очередь природно-географические, демографические и цивилизационные) остаются устойчивыми на протяжении достаточно длительных исторических периодов, формируя тем самым устойчивые черты системы экономических отношений конкретного обществ и, следовательно, закономерности его социально-экономического развития (трансформации). На необходимость учёта данного обстоятельства неоднократно указывали видные представители российской и зарубежной политико-экономической мысли[47].

Что касается России, то можно отметить, что сформировавшееся в первой половине XVI в. (Иван Грозный) единое российское государство изначально складывалось как государство с сильно централизованной

---

[47] Автор первого российского учебника по политической экономии, изданного на русском языке А. Н. Бутовский, писал, что попытка объяснить экономическую жизнь различных социумов (Англии, Франции, России, Египта, Китая), оставаясь на уровне абстрактного формулирования экономических законов, будет теоретически и практически бесплодна (Бутовский А. Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии. Т. 1. Спб., 1847 г. С. XXX-XXXI). Того же методологического подхода придерживался А. К. Шторх, считавший, что в предмет политэкономии необходимо включить и «теорию цивилизации» (Шторх Г. «Курс политической экономии или изложение начал, обусловливающих народное благоденствие». – СПб., 1881). Эту же методологическую позицию отстаивал С. Ю. Витте, критиковавший методологический подход, присущий англо-саксонской политико-экономической мысли, который – как он считал – упускает из виду такой фактор, как исторически порожденные под влиянием в том числе природных условий особые нации (Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист. СПб. 1912. С. 65). Продолжая эту традицию, Л. Абалкин отмечал различия в отношениях собственности в странах, имеющих различную цивилизационную принадлежность (Абалкин Л.И. Поиск пути в меняющемся мире // Избр. труды: В 4-х тт. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. С. 214).
Эти подходы можно отметить и у таких зарубежных исследователей как К. Маркс, выделявший азиатский способ производства и отмечавший в письме к В. Засулич, что его теория отражает закономерности экономической эволюции исключительно в отношении стран Западной Европы (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 130-136); А. Дж. Тойнби и Г. Мюрдаль, считавших методологически неверным абстрагирование в политико-экономических исследованиях от культурных (цивилизационных) различий социумов (Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996. С. 69; Мюрдаль Г. Современные проблемы «Третьего мира» (Драма Азии. Исследование нищеты народов). Сокр. пер. с англ. – М.: «Прогресс». 1972. С. 95).

вертикалью абсолютной власти с доминирующей государственной собственностью на главные производственные ресурсы. Глава государства обладал неограниченной властью в вопросах наделения тех или иных субъектов объектами собственности, либо изъятия их без всякой компенсации. Правило «вассал моего вассала – не мой вассал», распространенное в западноевропейских странах (за исключением Англии), в России не применялось. Причины такого социально-политического и экономического характера российского государства как раз объясняются как природно-географическими, так и геополитическими условиями его существования. Свою роль сыграл и демографический фактор: чрезвычайно низкая плотность населения по отношению к территории государства. Сохранение государственного единства требовало мобилизационной экономики, что и предопределяло огосударствление всех экономических отношений в режиме строгой государственной вертикали. Подтверждением объективной потребности такого существования государства подтверждается всем последующим ходом российской истории. Так при ослаблении вертикали государственной власти после смерти Ивана Грозного, после которой началась клановая борьба за абсолютную власть, обозначились тенденции распада государства, переросшие в «Смутное время».

Выход из этого состояния (при Алексее Михайловиче «Тишайшем»: 1645 – 1776 гг.) шёл по пути восстановления абсолютной монархии и окончательного закрепления крепостничества.

Однако стоило вновь ослабнуть абсолютной власти монарха (после смерти «Тишайшего») в результате новой клановой борьбы за место на престоле, как вновь началось ослабление государства, и только приход Петра I (1689 г.), восстановившего единовластие, предотвратил худший сценарий.

Новое ослабление централизованной власти, начавшееся с рубежа XIX – XX вв. к концу второго десятилетия поставило под угрозу само

существование государства (отпали Польша, Финляндия, Бессарабия, земли западной Украины, Белоруссии, Дальнего Востока, под угрозой отторжения оказались Кавказ и Средняя Азия). И только восстановление абсолютной центральной власти позволило сохранить Россию, обеспечив мобилизацию ресурсов для восстановления ситуации начала века, победу во второй мировой войне, быстрого послевоенного восстановления и обеспечения военного паритета с иными геополитическим центрами силы.

Однако начавшаяся с середины 1960-х гг. деградация централизованного управления, к концу века привело к распаду исторически сложившегося российского государства и возникновению угрозы ликвидации России, как субъекта геополитических отношений. И только новое укрепление с начала 2000-х гг. абсолютной центральной власти остановило центробежные тенденции.

Приведенная историческая последовательность позволяет утверждать, что объективно необходимым условием сохранения российского государства в существующих границах является наличие сильной централизованной государственной власти, распространяющееся на все сферы жизни общества. Отсюда проистекала необходимость принятия «пропрезидентской» Конституции Российской Федерации в 1993 г. Этот тезис прозвучал при обосновании поправок к Конституции в Послании Президента России Федеральному собранию (2020 г.) [48] и был повторен в выступлении Президента в Государственной Думе (06.03.2020)[49].

Вместе с тем сильная централизованная государственная власть не может реализовываться без адекватной ей структуры экономических отношений, сердцевиной которой неизбежно будет огосударствление

[48] «Наша страна с её огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может нормально развиваться, я скажу больше, просто существовать стабильно в форме парламентской республики. Россия должна оставаться сильной президентской республикой».

[49] «Считаю и глубоко убеждён в том, что сильная президентская вертикаль для нашей страны, для России, абсолютно необходима».

отношений собственности на всех фазах воспроизводственного цикла. Так развитие российской промышленности, объективно требующей господства системы рыночных отношений, в России в отличии от западноевропейский стран шло по пути казенных мануфактур. Аналогичная ситуация воспроизводилась и в период индустриализации российской экономики при Петре I. При этом важно отметить, что в данном случае речь идёт не о юридической форме отношений собственности на средства и результаты производства, а об их политико-экономической сущности. Так, к 2014 г. доля частной собственности в экономике составляла чуть более половины (56 %), что само по себе явно недостаточно с точки зрения полноценного развития рыночных отношений. Однако, в политико-экономическом смысле эту собственность определить в качестве частной невозможно без существенных оговорок. Достаточно вспомнить записку Министра финансов С. Витте (1893 г.): «Правительство… должно было энергично войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении». [50] При этом следует иметь в виду, что «желательное направление» предпринимательской деятельности определялось представителем государственной власти, а не самим предпринимателем. Соответственно, хотя юридически данное предприятия находилось в частной собственности, но в политико-экономическом смысле это была огосударствленная система отношений.

В период существования СССР 100-процентное огосударствление отношений собственности трудно подвергнуть сомнению, хотя юридически констатировался факт существования наряду с государственной и кооперативной формы собственности.

[50] Цит. по: Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 160.

В нынешней ситуации также вряд ли можно подвергнуть сомнению факт доминирования государства в организации системы экономических отношений и соответственно политико-экономического содержания тех юридических отношений частной собственности, которые фиксируются статистикой.

Таким образом в ходе всей российской истории при всех изменениях (трансформациях) форм политической, социальной и экономической жизни оставалась неизменной её суть: доминирование государства.

Важно ещё раз подчеркнуть, что этот факт есть обязательное условие сохранения российского государства, как субъекта геополитико-экономических отношений, порожденного теми объективными внутренними и внешними условиями, в которых оно сложилось и существует. Устранение (ослабление) такого доминирования неизбежно поставит под угрозу сохранения России, как единого целого в её нынешних границах. Таковы объективные пределы трансформации политической, социальной и экономической систем России.

Конечно, экономическая система, где не существует вмешательства государства, может существовать лишь в абстракции. Ещё А. Смит, теоретически обосновывая свободу рыночных отношений от всякого внешнего (государственного) регулирующего воздействия как обязательного условие экономического развития, тем не менее, счёл необходимым выделить случаи, когда такое воздействие абсолютно необходимо, в том числе с точки зрения национальной безопасности и необходимости выравнивания условий конкуренции с внешними партнерами, делая вывод, что полная свобода рыночных отношений есть утопия[51].

---

[51] Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Издательство социально-экономической литературы. 1962. С. 337-338, 343.

Ни одна из реально существующих экономических систем не функционирует без механизмов, реализующих регулирующую роль государства. Другой вопрос, что степень, формы и механизмы (инструменты) этого вмешательства различны. При этом где-то роль государства более активна, где-то менее. Различия эти складывались исторически под влиянием вышеописанных объективных обстоятельств и потому, как можно наблюдать, носят устойчивый характер.

Что же касается России, то речь идёт не просто о регулирующей роли государства, а о его доминировании в системе экономических отношений. Конечно, такое доминирование возникало и возникает и в иных экономических системах в качестве средства преодоления кризисных ситуациях. Однако для российской экономики это не временная, а постоянная составляющая, являющаяся обязательным условием сохранения её целостности, как в прошлом, так и в обозримом будущем. Оно может усиливаться в кризисных ситуациях и приобретать более «мягкие» формы в иных условиях, однако всегда сохраняя свою «избыточную» – с точки зрения классической экономической теории – роль.

Однако доминирующая роль государства в организации системы экономических отношения, будучи обязательным условием сохранения её целостности, в то же время не может быть определена, как достаточная. Те же внутренние и внешние условия, обуславливающие такое доминирование, одновременно предопределяют, что Россия может сохранить свою целостность лишь будучи одним из мировых центров геополитической силы. Понятно, что таковым она может быть лишь в том случае, если её экономика будет сопоставима с иными (конкурирующими) геополитическими центрами силы.

Однако, такая постановка несёт в себе внутреннее противоречие.

Экономического развитие является результатом использования предпринимателями в качестве инструментов конкуренции организационного и технологического лидерства (инноваций), позволяющего либо снижать издержки на производство и реализацию производимых товаров, либо создавать товары с улучшенными потребительскими свойствами, либо предлагать рынку новые, никем ранее не производимые товары. Государство же, хотя и выступает как заказчик создания значимых для него (государства) тех или иных благ, однако в силу системной природы экономики не может быть таковым для всей постоянно изменяющейся гаммы потребностей, существующих в данном социуме и тем более развивать эту гамму. Попытка подобного рода, предпринятая в советской экономической системе, во-первых, продемонстрировала эту неспособность, во-вторых, повела к разбалансировке экономики, закончившейся всеобъемлющим кризисом.

Вместе с тем доминирование роли государства в экономике осуществляется, через конкретных представителей власти на всех её уровнях (центральной, региональной, местной), которые неизбежно наделяются некоторым объёмом прав по отношению к действующим предпринимательским структурам. В этой ситуации у предпринимателя потенциально возникает возможность использования в качестве инструмента конкуренции «близость» к соответствующим представителям власти, а у последних – возможность получения властной ренты. В этих условия использование предпринимателями таких инструментов, как организационно-технологические новшества, создание принципиально новых благ, которые к тому же, как правило, дороги и несут в себе известные риски, отнюдь не является необходимым условием экономического успеха. В результате национальная экономика начинает отставать – и технологически и экономически – от тех стран, где подобная избыточная роль государства по

отношению к предпринимательской деятельности не является необходимым условием поддержания её (экономики) функционирования как целостности.

Экономическая история России служит подтверждением данного тезиса.

Понятно, что российское государство, сформировавшееся существенно позже западноевропейских, в технологическом и экономическом смыслах отставало от последних. Предпринятая Петром I попытка преодолеть технологическое отставание обеспечила сокращение этого разрыва, прежде всего, в военной области. Однако в целом экономика продолжала технологически отставать.

На протяжении XX в., несмотря на все усилия, экономическое отставание России от других полюсов геополитической силы продолжал сохраняться (см. Таблицу 5).

Из приведённых данных видно, что несмотря на экономический рост начала XX в. к 2013 г. соотношение экономических потенциалов России с основными геополитическими конкурентами практически не изменилось.

Индустриализация экономики, предпринятая в 1930-х гг. также, как и в случае петровской индустриализации, осуществлялась во многом на технологических заимствованиях. Само же соотношение экономических потенциалов к началу Второй мировой войны воспроизвело ситуацию начала века при наращивании отставания от Японии.

Таблица 5. ВВП России по ППС на душу населения в % к странам

ГОДЫ	**1900***	**1913***	**1938****	**1960****	**1970****	**1980****	**2000****
Развитые страны	***38.6***	***38,2***	***36,6***	*43,1*	***38,5***	***37,0***	***24,0***
США	**26,8**	**23,8**	**25,8**	28,8	46,1	48,2	***19,7***
Япония	**100**	**105,0**	**72,2**	90,4	48,1	41,1	***26,1***

Западная Европа	***40,5***	***42,0***	***39,4***	*50,5*	*44,6*	***42,5***	***27,7***
Великобритания	**25,3**	**28,4**	**29,9**	43,9	45,9	45,7	***27,7***
Германия	**36,2**	**36,8**	**30,6**	48,4	42,8	40,0	***26,1***

* Территория Российской империи без Польши и Финляндии.

** В границах СССР.

Источник: рассчитано по данным: Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003. С. 511–512, 516).

Хотя к 1960 г. отставание удалось существенно сократить, но уже к 1970 г. наметились тенденции нарастания разрыва. Главной причиной было огосударствление экономики, преодолеть которое должна была радикальная экономическая реформа, прежде всего, через приватизацию государственной и муниципальной собственности. Тем не менее, масштабная приватизация и фактическое устранение государства из экономической жизни общества в реальности повели к тому, что к началу XXI в. вновь воспроизвели ситуацию начала XX в.

К концу первого десятилетия XXI в., в т. ч. благодаря постепенному возвращению государством его регулирующей функции, удалось в основном восстановить потерянные в 1990-х гг. объёмы производства. Однако российская экономика в целом отставала от своих геополитических конкурентов на технологический уклад[52]. Тем не менее, провозглашённой тогда же цели экономической политики – обеспечить технологическое перевооружение экономики путем доведения доли предприятий, осуществляющих технологические инновации к 2020 г. до 50 % – достичь не удалось. Согласно данным Росстата эта доля остается на уровне начала 2000 г. – порядка 9-10%. Эта ситуация предопределило определение в Указе

[52] См. материалы Научной сессии Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России (Вестник РАН. – Т. 79. – № 3. – март 2009).

Президента России № 204 от 7 мая 2018 г. в качестве первоочередной цели экономической политики до 2024 г. технологическое перевооружение экономики.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что отставание России не есть следствие отставания национальной научно-технологической мысли. Можно вспомнить, что первый универсальный паровой двигатель, положивший начало первой промышленной революции, был создан и применен именно в России. Однако промышленный переворот, начавшийся с создания 20 годами позже аналогичного двигателя в Англии, начался именно там. Уже в XX в. в России были предложены изобретения в вертолетостроении и телевидении. Тем не менее в инновации они превратились в других государствах. Причины лежали в том самом огосударствлении экономики, которое, с другой стороны, было порождено необходимостью сохранения доминирующей роли государства, как условия его целостности.

Соответственно задачей российской экономической мысли является нахождение ответа на вопрос: при помощи каких инструментов (механизмов) можно обеспечить объективно необходимое сохранение доминирующей роли государства, не позволяя ей перерасти в то огосударствление, которое выступает тормозом экономического развития? Возможно следует более внимательно изучить опыт Китая, где также исторически сложилась доминирующая роль государства в организации экономической жизни, Однако, судя по динамике его развития с конца прошлого века, сохраняя эту доминирующую роль, Китай нашел способы, предотвращающие порождаемые ею тенденции огосударствления экономической жизни.

Литература

1. Абалкин Л.И. Поиск пути в меняющемся мире // Избр. труды: В 4-х тт. Т. IV. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000.
2. Бутовский А. Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии. Т. 1. Спб., 1847 г.
3. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист. СПб. 1912.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
5. Материалы Научной сессии Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. – Т. 79. – № 3. – март 2009.
6. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003.
7. Мюрдаль Г. Современные проблемы «Третьего мира» (Драма Азии. Исследование нищеты народов). Сокр. пер. с англ. – М.: «Прогресс». 1972.
8. Смит. А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Издательство социально-экономической литературы. 1962.
9. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996.
10. Шторх Г. «Курс политической экономии или изложение начал, обусловливающих народное благоденствие». – СПб., 1881
11. Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016.

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МИР-СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В.А. Лепехин,

Институт изучения проблем развития

Евразийского экономического союза

3.1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА КАК МОДЕРНИЗАЦИЯ СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Следует начать с констатации некоторых банальностей, которые следует считать точками отсчета при разговоре о том, каким может быть новый способ производства [53] в современной трансформирующейся глобальной экономике.

Большинство аксиом, которыми мы сегодня продолжаем пользоваться, рассуждая о способах производства, были сформулированы, по сути, ещё в эпоху Адама Смита и Карла Маркса. Это и теория общественно-экономических формаций, и определение капитала как двигателя прогресса, и теория прибавочной стоимости, и основания плановой экономики, и прочие положения.

Существует мнение, что догматика названных постулатов, законов, определений и теорий во многом устарела, однако вряд ли кто будет спорить с тем, что современный монетаризм также не дает ответов на самые актуальные вопросы современности. К сожалению, при всей актуальности смены известных политэкономических парадигм сегодня в наших общественных науках принято обсуждать исключительно частности, притом что на обсуждение такой фундаментальной темы как посткапиталистический

[53] Новый способ производства: новый тип владельца и управленца - новые мотиваторы - новые драйверы роста, новые производственные отношения (новый тип собственности).

способ производства и некапиталистический тип жизнедеятельности как таковой, судя по всему, наложено негласное табу.

Между тем, главная политэкономическая проблема – как бы мы от неё не прятались – состоит сегодня в том, чем заменить неолиберальную спекулятивную экономику, погружающуюся во всё более глубокие и разрушительные кризисы, угрожающие сегодня уже не отдельным государствам, но планете в целом. Что может стать новым и долгосрочным драйвером роста, помимо фиатных методов стимулирования экономической деятельности?

К сожалению, большинство зарубежных экономистов мыслят в категориях трансформации, а не модернизации западной экономики, понимая при этом под трансформацией движение в сторону нового качества производительных сил и полагая, что развитие технологий (цифровизация, роботизация, развитие искусственного интеллекта и биотехнологий, переход к VI технологическому укладу и т.п.) автоматически приведёт общество к принципиально новым производственным отношениям.

Другие представители современных течений экономикс делают ставку на инновации, прежде всего, в сфере управленческих решений: на государственный протекционизм, дирижизм, институционализм, менеджеризм, Management by Values, etc.

Третьи полагают, что позитивной альтернативой современному кредитному капитализму, погружающемуся сегодня в несколько кризисов сразу (кризис перепроизводства, потребительский и финансовый кризисы и др.), является так называемый «социализм», полагая, в частности, что советская экономика была социалистической и таковой является, к примеру, китайская экономика. И эти третьи призывают двигаться в сторону «социализма 2.0» и разного рода радикальных социальных версий общественного устройства.

Наконец, четвёртые (вроде нобелевских лауреатов Джозефа Стиглица, Пола Крунгмана и многих других) предлагают «аккуратно» трансформировать нынешний капитализм путем его перманентного усовершенствования. На данном этапе – методами ограничения сверхдоходов отдельных лиц и реализации мер по демонополизации, деолигархизации и социализации экономик развитых стран.

Я не собираюсь оценивать сейчас, кто более прав, и выносить на этом основании какой-то приговор. Моя задача – обратить ваше внимание, прежде всего, на тот факт, что практически **никто из ведущих экономистов сегодня не говорит о том, каким должен быть способ производства, который бы преодолевал и нынешний капитализм, и постсоветизм.** Но прежде, чем предложить свой взгляд на то, куда должны двигаться наша страна и мировая экономика в целом, отмечу коротко, что представляла собой, в сущности – а не в официальных определениях – советская экономика, и какой способ производства мы имеем сегодня в новой России.

Итак, первое. **Полагаю, что советскую экономику было бы неправильно называть социалистической.** Главные её качества состояли в том, что она была суверенной и не такой, как западная. И сегодня недруги Российской Федерации, дабы не допустить суверенизации нашей страны, всячески поддерживают миф советского режима о «социалистическом» характере советской экономики и всячески культивируют отказ России от социалистического пути, чтобы на самом деле не дать ей вновь стать суверенной.

(Помните известное выражение российского философа Александра Зиновьева – «Целились в коммунизм, а попали в Россию?» Оно как раз об этом).

Главный показатель отсутствия в СССР социализма состоит в том, что в нём не было общенародной собственности на средства

производства. Была государственная собственность. А «общенародное» и «государственное» это, согласитесь, разные вещи… Попросту говоря: в позднем СССР не было частных и групповых владельцев, но в нём были частные и групповые распорядители и управленцы, назначаемые бюрократией, то есть, по сути, административной олигархией.

Советская власть, провозгласившая в 1918 году передачу фабрик и земли в руки рабочих и крестьян, не смогла решить эту задачу и, лишив права на собственность дореволюционный «эксплуататорский» класс, вопреки своим заявлениях не наделило (не смогло наделить) этим правом класс «эксплуатируемых», возведя отношения собственности в некое промежуточное между двумя способами производства (капиталистическим и социалистическим) состояние. Основные активы Российской империи после Октябрьской революции были обобществлены, но не переведены в народные и коммунитарные формы собственности.

Таким образом, тот общественный строй, который мы имели в СССР, был административным квазикапитализмом или НЕДОСОЦИАЛИЗМОМ (кому как нравится), при котором единственным квазикапиталистом было государство, а точнее – так называемая номенклатура.

Если же как-то квалифицировать сформировавшийся в Советском Союзе СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, то это был **специфический симбиоз административно-планового управления экономической деятельностью, рыночной внешней торговли и натурального хозяйства** – уж поскольку до четверти ВВП (по разным данным) в СССР производилось в личных подсобных хозяйствах.

Второе. Напомню, что после смерти И.В. Сталина, **в 1960-70-е годы в Советском Союзе сформировались мощные торговые кланы, усилившиеся на марже от экспорта нефти, газа, леса, зерна, алмазов, золота, других металлов и проч.** И именно эти кланы в 1980-е гг.

осуществили перестройку, которая подразумевала тотальное разграбление, в формате клановой приватизации, всей формально государственной а де-факто ничьей собственности СССР.

Что мы имеем сегодня в России? Почти то же самое – сырьевую и периферийную экономику, которая строится, в основном, на экспорте за рубеж всё тех же нефти, газа, леса, зерна, алмазов, золота и других металлов, ядерных технологий и прочих товаров. Но, как минимум, с двумя существенными отличиями: во-первых, у большей части некогда государственных активов появились конкретные частные владельцы, а во-вторых, российская экономика утратила свой суверенитет и обросла многочисленными зависимостями. Сегодня это экономика, сверхзависимая от мировых цен на сырье, от потребителей и транзитных государств, а главное – от политики ТНК и мировых финансовых центров. И как сегодня реализуется внешнее фиатное управление Россией, в Финансовом университете, конечно же, хорошо знают.

Таким образом, сегодня в России мы имеем периферийный и при этом сверхмонополистический, олигархический и криминальный капитализм колониального типа. (Определений ему масса – и я не буду на них останавливаться). Ну а если говорить о способе производства, то сегодня в нашей стране мы опять-таки имеем специфический симбиоз, но уже не административно-планового, **а административно-финансового управления экономикой (при уже частном характере распределения и присвоения производимого продукта), со всё той же рыночной внешней торговлей и стремящимся к минимуму натуральным хозяйством.**

Не буду раскрывать содержание высказанного тезиса. По-моему, он аксиоматичен. Перейду к главному: к тому, что сегодня наша страна объективно нуждается в выборе для себя новой экономической модели, **основанной на эксклюзивных – цивилизационного типа – драйверах роста.**

Сегодня, в преддверии серьезной трансформации Бреттон-Вудской финансовой системы, с одной стороны, и нарастающей неопределённости российского будущего – с другой, всё более очевидным становится тот факт, что позитивная для России интеграция российской экономики в западную невозможна. Это невозможно уже потому, что на модернизацию и реальное экономическое развитие нашей страны мировыми финансовыми центрами наложен негласный запрет. России, судя по всему, позволено «развиваться» (пребывать) только в периферийной, сырьевой и зависимой от Запада модели.

Всё более очевидно и то, что масштаб инвестиций в Россию обратно пропорционален степени её суверенности, сколько бы Правительство Российской Федерации не тратило денег на проведение инвестиционных форумов. (Вчера, к примеру, было принято решение отказаться от проведения в июне 2020 г. Санкт-Петербургского Международного экономического форума – как было заявлено, из-за угрозы распространения коронавируса; на самом деле, я полагаю, – в том числе и по той причине, что в руководстве страны начинают понимать нерентабельность инвестиционных форумов). То есть, как в 1998-ом, в 2008-ом и в 2015-ом годах, МВФ и другие глобальные финансовые структуры будут и дальше стремиться решать проблемы западной экономики за счёт таких стран, как наша. Россия ещё не раз столкнется с занижением курса рубля и насильственной стерилизацией денежной массы, с санкционными мерами, несправедливыми решениями международных судов и недобросовестной конкуренцией.

Вопрос в том, куда двигаться российской экономике после того, как глава Российской Федерации решился на поправки к Конституции, подразумевающие суверенизацию страны? Идти на те условия, которые ставит перед Россией мировая финансовая олигархия, или всё же мы должны двигаться по пути создания суверенного и самодостаточного экономического уклада?

По-моему, ответ однозначен: Россия просто обязана включить свои собственные мозги и проявить волю к жизни. Но где искать источники роста, если такой драйвер экономического развития, как внешние и внутренние инвестиции (то есть капитал) в производство, весьма и весьма ограничен; приватизация же остатков государственных активов не дает ни прироста производительности труда, ни новых рабочих мест?

Напомню, в связи с этим вопросом, что в любой экономике до сих пор существовало три основных источника активности производителей:

– капитализм полагается исключительно на капитал, на частную инициативу и «руку рынка»;

– советский недосоциализм полагался исключительно на преобразующую роль государства и «руку административного плана»;

– а вот в тех странах, где удалось осуществить экономическую модернизацию (включая ранний СССР), последняя состоялась по той причине, что руководству модернизируемых стран удалось включить ещё один драйвер развития – созидательную энергию масс.

Можно ли задействовать такой источник развития в современной России с её грабительской приватизацией, антинародной пенсионной политикой, сворачиванием социального государства, а также откровенным и безнаказанным воровством правящих кланов и их снобизмом по отношению к народной массе? Разумеется, нет. Не та сегодня в России идеология, не та общественная атмосфера, не те культивируются ценности. Вот почему все разговоры о возможном развитии российской экономики бесплодны до тех пор, пока руководство страны не возьмет курс на запуск реальной модернизации национальной экономики, которая должна быть осуществлена в интересах большинства населения и с его непосредственным участием. Ну и понятно, что решение этой задачи возможно только при смене установленных в Российской Федерации производственных отношений.

Таким образом, ключ к развитию России – это новый способ производства. Та модель экономики, которая, как это ни банально звучит, в наибольшей степени подходит нашей стране.

Переход на такую модель не подразумевает ни совершенствования периферийного капитализма, ни возвращения к недосоциализму. Повторю: ни совершенствование навязанной нам модели колониально-кланового квазикапитализма, ни возвращение к «социализму» советского образца, ни даже взятие на вооружение модели смешанной экономики китайского типа[54] России не подходят.

В чем суть того способа производства, который, с одной стороны, может дать России реальные и конкурентные драйверы роста (а значит и реальную модернизацию экономики), а с другой – абсолютно органичен для России, как страны-цивилизации?

Секрет формулы будущего успеха России кроется в формировании принципиально новых отношений собственности – таких, которые способны стать реальными мотиваторами экономических и иных активностей.

Без обладания реальным правом на владение, распоряжение и управление национальными, региональными, муниципальными и иными активами и возможностью реализовать данное право у любого индивида нет и не может быть мотивации проявлять экономическую активность сверх того уровня, который предписан ему потенциальным вознаграждением от работодателя[55]. (Ну а человек без права на владение и распоряжение

[54] Некоторые экономисты и философы нередко называют тот экономический уклад, который сложился в СССР, «азиатским» способом производства, имея в виду, в первую очередь, некий «деспотизм» государства при принятии экономических решений и управлении производительными силами. С моей точки зрения, данное определение («азиатский» способ производства) в большей степени подходит некоторым восточным и южным странам традиционалистского типа, включая в том числе и Китай, но не СССР-России. В том же Советском Союзе имели место административная экономика и, стало быть, административное управление народным хозяйством – и это не основание считать советскую экономику «деспотической».

[55] Единственной альтернативой этому праву может быть идеология, однако этот мотиватор, увы, не может быть всеобщим, долговременным, устойчивым и квалифицированным.

собственностью может быть либо «фрилансером», то есть зависеть от эпизодических заработков, либо работником по найму, каких бы размеров зарплату он не получал). И когда государство приватизировано частными собственниками (а именно это мы наблюдаем сегодня в России и в большинстве стран Запада), оно по определению не может быть благом для большинства людей и мотиватором их общественно полезной активности. *(И это, кстати, ключевое производственное отношение современного капитализма, всячески замалчиваемое монетаристами и зависимыми от них СМИ)*[56].

С другой стороны, когда экономика «национализирована» государством (то есть, на самом деле, приватизирована безответственной номенклатурой), как это было в СССР, – это другая крайность, и подобное производственное отношение тоже стало демотиватором развития, как только народное большинство осознало формальность и фиктивность «социалистической» идеологии.

При этом следует понимать (и в этом главный тезис данной главы), что приватизированное финансовыми олигархами государство и, напротив, национализированная бюрократией (то есть административными олигархами) экономика – <u>это крайности, но не альтернативы</u>. Это всего лишь разновидности и два крайних состояния одного и того же капиталистического способа производства.

Таким образом, советский режим по глупости одних и злому умыслу других своих представителей обманул и самого себя, и население страны, объявив сложившийся в СССР государственный, административный и монополистический квазикапитализм с его отчужденной от народа собственностью и высокой долей натурального хозяйства социализмом.

---

[56] Благотворительные акции со стороны отдельных частных собственников и разного рода общественно значимые проекты бизнеса не меняют ситуации в целом.

Тотальный обман и самообман российских элит и рядовых граждан в вопросах собственности, а значит непонимание ими сути и механизмов формирования мотиваций экономических активностей – вот основная причина ситуации, о которой говорил в начале VI МНПК «Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы» А.В. Бузгалин, при которой в последние 30 лет наша страна (как государство, а не просто территория) не развивается, а деградирует.

Возникает вопрос: а что же тогда считать социалистическим способом производства? Строго говоря, **социалистическим можно называть только такой способ производства, при котором каждый гражданин является реальным совладельцем национальных активов НЕПОСРЕДСТВЕННО, без посредничества бюрократии и разного рода фондов и организаций.**

Согласно этому критерию, модернизация способа производства сегодня в России и в любой стране мира (если мы говорим о возможности и необходимости трансформации монетаристской экономики) предполагает наделение граждан правом на прямое участие не только в распределении доходов и ренты, на чем настаивает сегодня в России, к примеру, «левая» оппозиция (что отчетливо проявилось в последние месяцы на волне обсуждения предложений в Конституцию Российской Федерации, но по сути, является фантомом советского недосоциализма), но, повторю, – в СОВЛАДЕНИИ активами, а также в реальном распоряжении и управлении ими.

Что такое национальные активы Российской Федерации и чем они отличаются от государственной собственности? Чем национализация производительных сил отличается от их солидаризации? Что такое смешанная собственность и что следует считать солидарными активами?

Какова формула оптимального сосуществования государственной, частной, акционерной и коммунитарной форм собственности? Каким образом каждый гражданин России может стать совладельцем федеральных, региональных и муниципальных предприятий? Что такое солидарное акционирование предприятий с государственным участием? Каковы критерии обретения гражданином права на солидарную собственность? Как работает целеполагание в солидарной экономике и какого рода мотивационные механизмы включаются в активностях людей в случае их вовлечения в солидарное акционирование активами и солидарное управление ими?.. Ответы на эти и многие другие вопросы являются предметом таких новых направлений в современной (альтернативной монетаристским экономикс) политэкономии, которые я условно называю **теориями «суверенной экономики» и «солидарной экономики».**

В завершение хочу сказать, что основные положения «солидарной экономики» и сам механизм солидаризации собственности в Российской Федерации были описаны в ряде работ Института ЕврАзЭС, первые из которых были изданы ещё в 2011 году[57]. Разумеется, всё это десятилетие наш коллектив не продвигал особо данную теорию публично в виду её, мягко скажем, преждевременности. Тем не менее, занимаясь конкретными проектами в различных отраслях и сферах российской экономики мы убедились, что предлагаемый нами СОЛИДАРНЫЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА, во-первых, становится чрезвычайно востребованным в новую постглобальную эпоху и, во-вторых, он позволяет довольно быстро и эффективно решить любую системную проблему современной России - от обеспечения роста производительности труда и экономики в целом до минимизации коррупции и декриминализации системы ЖКХ…

[57] См. Лепехин В.А., Бельский В.Ю., Беляков С.А. и др. Солидарное акционирование как способ преодоления издержек нечестной приватизации и фактор интеграции стран - членов ЕврАзЭС. - М: Наука, 2012, 56 С.

Сегодня концепция «солидарной экономики» по-прежнему не ко двору (если говорить о дворах чиновниках и либеральных экономистах), однако принципиально новый взгляд на экономику и организацию всей хозяйственной жизни государства становится всё более насущным с точки зрения интересов страны как таковых, так что в ближайшее время под маркой Института выйдет специальная монография, посвященная солидарной экономике.

И последнее. Я намеренно не называю экономическую модель, основанную на солидарном акционировании части государственных и муниципальных активов и внедрении других инноваций «солидарного» типа социалистической в виду почти полной дискредитации термина «социализм» в российских общественных науках и тех негативных ассоциаций, которые возникают в связи с обращением некоторых экономистов к опыту советского псевдо- или квазисоциализма, одной из основных родовых черт которого является постулат классовой борьбы.

Тот концепт, в рамках которого Институтом ЕАЭС предлагается модель «солидарной экономики», напротив, предполагает органическую взаимосвязь субъектов и механизмов социального сотрудничества и социальной конкуренции, осуществляемых в рамках специального «солидарного» законодательства, преследующего реализацию **сбалансированных интересов всех социальных групп и, в первую очередь, народного большинства.**

Именно такая – сбалансированная, гармоничная, планово-рыночная, производящая и национально (точнее – цивилизационно) ориентированная модель экономики, функционирующая на принципиально новой базе надэкономического целеполагания, нужна сегодня России. Солидарный способ производства, а точнее – <u>солидарный способ жизнедеятельности</u> – помимо его многочисленных плюсов, – может, с одной стороны,

минимизировать (а в перспективе – исключить) в нашей стране кланово-криминальный характер принятия экономических решений, а с другой – способен не допустить дальнейшей социальной и иной деградации общества и возможного социального взрыва.

Только такая модель, в случае её внедрения не только в России, но и в некоторых экономически развитых странах [58] сможет обеспечить безконфликтный и управляемый вариант трансформации нынешнего олигархического Мегакапитализма в социально-ориентированный и антропоцентрический (не потребительский) Посткапитализм, что чрезвычайно важно в ситуации нарастающего системного кризиса мироустройства.

Литература

1. Лепехин В.А., Бельский В.Ю., Беляков С.А. и др. Солидарное акционирование как способ преодоления издержек нечестной приватизации и фактор интеграции стран - членов ЕврАзЭС. - М: Наука, 2012, 56 с.

С.Н. Сильвестров,

Финансовый университет

3.2. ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К КРИЗИСОГЕННОМУ РАЗВИТИЮ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Вызовы мировой экономики и трансформации глобального регулирования

Основные выводы относительно состояния и перспектив мирового развития на последнем форуме в Давосе были очень разноречивыми, но при

[58] Самой подходящей на сегодня страной для успешного внедрения в ней модели «солидарной экономики» это Беларусь.

этом и вновь тревожными. Много неясного в том, как будет развиваться мировая экономическая ситуация и мировое сообщество в целом. Множатся оценки различных экспертов о возможности, истоках и непосредственных поводах срыва мировой экономики в очередной кризис. Мнения различаются, но все соглашаются с неизбежностью кризиса, продиктованной цикличностью развития. Весь послевоенный период средний срок бизнес-циклов составлял 6-7 лет, наиболее продолжительным, длившемся десятилетие, стал период с 1998 по 2008 год.

Наступивший вслед за ним период относительной стабилизации продолжался более десяти лет. Не исключено, что новый кризис приобретет системный характер.

Все оценки сходятся в одном – в том, что мир переживает трудный и длительный период противоречивого и конфликтного переустройства. Либерализация мирового экономического пространства привела к перераспределению политического и экономического потенциала и влияния между старыми и новыми участниками международного взаимодействия.

Подвергся сознательно направляемой эрозии экономический суверенитет большинства государств. Открылись экономические границы, и средством разрушения этих границ служила либеральная идеология, которая уже сейчас в финансовой сфере привела к снятию большей части ограничений (очередь за налогами и бюджетными системами, как показывает опыт Евросоюза).

Созданы и направленно работают международные институты трансформации, перераспределяя различные элементы государственного суверенитета в пользу наднациональных и глобальных регуляторов.

Постепенно возникли контуры новой субъектности мироустройства. В этих условиях происходит переход от неолиберальной идеологии к идеологии устойчивого развития, которая заявлена и подробно изложена в

почти забытой Всемирной хартии устойчивого развития (Хартия Земли, 1987 г.) и Всемирной хартии природы (1982 г.).

В практике глобального регулирования идёт переход от либерализма к дирижизму при сохранении базовых либерально-демократических норм организации мировой экономики.

Вместе с тем, процессы либерализации мирового экономического пространства с неизбежностью породили новые риски и конфликты. Заметно возросла глобальная концентрация капитала, усилилась социальная и региональная дифференциация. Согласно исследованию, проведенному в 2007 году специалистами Технологического института в Цюрихе (ETH Zurich), крупнейшими субъектами мировой экономики, которым подчинены де-юро и де-факто миллионы компаний в мире, является 1300 ТНК и ТНБ, контролирующие 60% мировой экономики. Ядром мировой экономики является 147 компаний и банков, владеющих 40% богатств планеты. При этом доля банков, страховых и финансовых компаний в этой группе составила 75%[59].

Глобализация столкнулась с процессами глокализации, в основе которых лежит стремление к защите суверенитета в развития национальных юрисдикций. Это явление выражается в таких последствиях, как регионализация экономических процессов, усиление протекционистских мер в торговых отношениях, пересмотр достигнутых договоренностей, установление новых правил взаимодействия между национальными юрисдикциями и корпорациями.

ТНК с помощью и при поддержке государственных структур стран собственного происхождения стремятся взять под контроль цепочки

[59] Исследование концентрация экономической власти в мировой экономики, в т. ч через контроль над финансовыми потоками опирается па анализ маркетинговой базы данных Orbis 2007 (около 37 миллионов экономических субъектов, физических лиц и фирм из 194 стран и примерно 13 миллионов направленных и взвешенных связей собственности (участие в капиталах).

[59]Global Risks Report 2020 / [Электронный ресурс]: Worls Economic Forum. URL: https://ww

добавленной стоимости и движение объектов интеллектуальной собственности, пересмотреть условия и функции деятельности международных организаций, действующих на основе межгосударственных договоренностей (пример – преференциальные всесторонние торгово-инвестиционные соглашения, выходящие за пределы ВТО), ввести широкую практику судебного разбирательства инвестиционных споров корпораций с национальными юрисдикциями на основе корпоративного арбитража (ISDS).

Глобализация не закончилась, она изменяется по содержанию. Возникают новые формы корпоративистской организации мировой экономики. Можно утверждать, что неокорпоративизм, утверждается как форма организации нового мирового порядка.

Несостоявшиеся в предусмотренном формате трансокеанические партнерства («кольца Обамы») – Тихоокеанское и Трансатлантическое – это не просто многосторонние торговые и инвестиционные соглашения. Это – масштабная и всеохватывающая попытка сформировать условия для глобального корпоративного пространства, функционирующего на условиях, диктуемых космополитическим капиталом. Она призвана укрепить лидерство развитого мира, сделать необратимым движение к новому мировому экономическому и политическому порядку, основанному на либеральном корпоративизме: открытости рынков и поддержании правил игры (open rules-based international order). При этом подразумевается безусловное укрепление западных норм и стандартов (ценностей т.н. либеральных демократических экономик) и подключение к ним всего остального мира (недопущение китаецентристского, евразийского или какого-либо иного порядка).

Проекты заморожены, но не отменены. Тихоокеанское партнерство состоялось в формате одиннадцати стран и при фундаментально измененных

основаниях вероятно возобновиться. Соглашение CETA между ЕС и Канадой, как часть Трансатлантического партнерства, уже реализуется.

Переговоры по трансокеаническим зонам свободной торговли дополняет закрытый проект Соглашения о торговле услугами (TISA – Trade in Servce Agreement), направленный на полную либерализацию 51 страной торговли услугами в сфере финансово-банковских услуг, здравоохранения и транспорта. Реализация всех проектов в перспективе приведет к радикальной перестройке системы мирохозяйственных связей, нормативно-правовых основ их функционирования и пересмотру функционала затронутых международных экономических организаций.

Гипотетически можно предположить, что в обозримом времени получит развитие экономическое и политическое взаимодействие сетевых сообществ (государств, корпораций, гражданских организаций) в зависимости от комбинации интересов и преимущественно в конфликтогенных формах. Похоже, что часть глобальной элиты проявит склонность к форме перманентной войны, поскольку абсолютная власть требует абсолютного подчинения.

Факторы, усиливающие нарастание склонности к применению методов силового воздействия, проявляют себя в полной мере. Экономическое противоборство стало неотъемлемой составной частью современных гибридных войн.

О таких тенденциях свидетельствуют многочисленные торговые и валютные войны и расширение сфер экономической агрессии. Жесткие формы открытой экономической борьбы государств и различных организаций (фирм, корпораций, банков, объединений, союзов и т.д.), ориентированы на подчинение или разрушение хозяйства противостоящей страны, на устранение конкурирующих организаций, на ослабление их влияния в мировой экономике (как минимум) или исключение из неё (программа-максимум), на снижение международного статуса государства-конкурента.

Официально объявленную экономическую блокаду, открыто введенные финансовые и экономические санкции, таможенные барьеры правомерно называть экономической войной. А осуществляемые тайно манипуляции с ценами, курсами валют, кулуарные убеждения союзников и закулисное принуждение сателлитов не покупать и (или) не продавать товары соперничающей державе – агрессией. Это свидетельствует о том, что произошел переход от традиционных средств конкуренции к активному использованию экономических и финансовых технологий принуждения.

Состояние и развитие российской экономики нельзя рассматривать вне глобального контекста. Радикальная глобальная трансформация влечёт за собой внешние известные и ещё не проявленные изменения, которые, которые, как показала практика, могут представлять вызовы и угрозы для стабильности российской экономики. Прежде всего, потому, что её открытость в сложившейся ситуации представляется весьма опасной, превышая в полтора-два раза пороговые значения.

При таких обстоятельствах главный кризисный сценарий связан с резким усилением торговых, финансовых, политических, правовых, информационных, идеологических и иных видов и аспектов экономических войн. Для России это может проявиться в угрозах повышения дефицита высокотехнологичной продукции, продукции машиностроения, потребления домашних хозяйств, падения уровня и качества жизни, развития всепроникающей социальной аномии, снижения степени экономического суверенитета.

На различных форумах представители ведущих стран пришли к важному выводу: главное, на что сейчас надо сделать упор в институциональном развитии, – это создать новую регулятивную парадигму. К этому подталкивает рост числа общих для всех глобальных угроз. Подобная парадигма, как предполагают её инициаторы, позволит вписать в систему

взаимоотношений различных игроков разного уровня, ориентаций, интересов и мотиваций на основе определенных стандартов, правил, регулирующих норм и технологий, которые будут одобряться на основе консенсуса или по принуждению.

Но при этом возник *глобальный риск монополизации правил и норм регулирования мировой экономики с одновременной их унификацией и универсализацией в интересах узкого круга глобальных организаций и стран-инициаторов.*

В данном направлении ведет работу «большая двадцатка» (G20). Группа, возникшая в 2008 году в качестве неформального совещательного органа, приняла на себя полномочия, отчасти сопоставимые с полномочиями ООН. Она пытается упорядочить процесс трансформации глобального регулирования, установить рамки и придать некоторые направления развитию мировой экономики и институциализации глобального регулирования. По инициативе Группы создаются организации, без заключения межгосударственных соглашений, например, такие как Совет финансовой стабильности, на первый взгляд слабо легитимные. Однако при этом они принимают на себя прерогативы выработки правил поведения в различных сферах экономики для всё ещё суверенных национальных юрисдикций.

Тем не менее, прокризисное развитие последних десятилетий настоятельно требует выработки общих кодексов, принципов и правил поведения для всех государственных и негосударственных субъектов мировой политики и экономики в интересах обеспечения устойчивого и безопасного развития. В повестку реформ глобального регулирования поставлено укрепление позиций действующих универсальных международных и региональных организаций, формирование новых глобальных институтов с расширенным числом участников, полномочиями и ресурсами.

Опыт участия России в «Группе 20» подтвердил, что применительно к российским условиям решение общих задач стабилизации мировой экономики предполагает соблюдение ряда условий. Во-первых, мониторинг и учёт институциональных реформ глобального регулирования мировых рынков, оценку и предвидение возможного влияния предлагаемых международных норм (т.н. soft law) на национальные нормы и механизмы экономического и правового регулирования. Во-вторых, проведение корректной оценки причин совпадения и взаимосвязей различных кризисов в разных областях экономики, а также сценариев выхода из прокризисного развития. В-третьих, постоянной корректировки российской позиции на основе, предложенной российской стороной ещё в 2013 году во время председательства России в двадцатке, «аутрич-стратегии», учитывающей последствия трансформации системы глобального регулирования не только для экономики, но и российского общества в целом.

Если оставить в стороне новые формы проявления и последствия, которые повлёк за собой предшествующий мировой экономический кризис, многочисленные идентифицированные риски глобального развития очертили вероятность множественного и одновременного возникновения новых кризисных ситуаций.

По отношению к ним также необходимо вырабатывать соответствующие стратегии и методы предупреждения и преодоления. Развитие мировой экономики может стать ещё более хаотичным и непредсказуемым, если на неё окажут влияние непредвиденные события, связанные с реализацией рисков. Заявленный ещё в начале двухтысячных годов риск пандемии в ходе своей реализации явственно демонстрирует угрозу остановки и хаотизации мировой экономики. Отметим ещё некоторые из масштабных рисков, каждый из которых может создать массу критических событий для мировой экономики.

Риски, связанные с климатическими изменениями и нерациональным природопользованием. Последствия выражаются в нарастании экстремальных погодных явлениях, сокращении биоразнообрация, неспособности живой природы приспособиться к антропогенному и техногенному влиянию, в росте техногенных катастроф, которые ежегодно обходятся в сумму более 250 млрд. долларов.

Помимо области экономики нельзя исключить постепенное развитие мирового экологического кризиса. Эксперты Всемирного экономического форума (ВЭФ) и консалтинговой компании PricewaterhouseCoopers (PwC) в начале 2020 года пришли к выводу, что текущее производство и структура потребления, землепользования и урбанизации, динамика населения, торговля требуют радикальной перезагрузки взаимоотношений человечества с природой. По оценкам экспертов, пять наиболее вероятных угроз ближайших десяти лет и три из пяти наиболее опасных по масштабу рисков для человечества оказались связаны именно с изменениями климата и природными бедствиями. Более половины мирового ВВП уязвимо к негативному влиянию изменения климата и других экологических проблем. Создание ВВП на 44 трлн долл. (то есть более половины мирового ВВП) умеренно или сильно зависит от природы и того, что она дает, в целом же проблемы с природой могут оказать влияние на большинство сфер — через воздействие на деятельность, цепочки поставок и рынки.

Среди сфер, наиболее зависящих от природы, можно отметить строительство (вклад в ВВП на 4 трлн долл.), сельское хозяйство (2,5 трлн долл.) и производство продуктов питания (1,4 трлн долл.), так как эти отрасли либо прямо используют природные ресурсы, либо сильно зависят от экосистемы, нуждаясь в здоровой почве, чистой воде, опылении, стабильном климате и т.д. Ущерб природе от экономической деятельности больше не может рассматриваться как «внешний фактор», природные потери

одновременно оказывают существенное влияние на все сферы бизнеса и являются безотлагательным и нелинейным риском для нашей будущей коллективной экономической безопасности.

Климатологи утверждают, что уровень моря будет повышаться в ближайшие десятилетия. Хотя это будет происходить постепенно, более высокий уровень моря будет способствовать более частым и жестоким природным бедствиям, таким как штормовые волны, наводнения и циклоны. Все это будет приводить к упущенной прибыли, повреждению активов, гибели людей, проблемам со здоровьем и вынужденной миграции. Помимо прочего повышение уровня моря негативно скажется на инвестициях и повысит так называемые событийные риски, препятствуя возможности правительств брать займы для восстановления, повышая финансовые риски, увеличивая внешнее давление и/или усиливая политические риски. Все это, в свою очередь, может негативно повлиять на суверенные кредитные рейтинги стран. Самыми сильными станут последствия для азиатских стран — только в Китае могут быть затоплены места проживания 100 млн человек, также затопление грозит местам проживания многих жителей Индии, Бангладеш, Индонезии и других стран. И таким образом, убытки от повышения уровня моря по всему миру могут достигнуть 14 млрд долл. в год к 2100 году.

Изменение климата оказалось более сильным и быстрым, чем многие ожидали: природные бедствия становятся более мощными и частыми. Вместо того, чтобы, к примеру, удвоить усилия по борьбе с таянием арктических льдов, государства используют регион для геополитического превосходства. В мире нарастает холодная война за Арктику, в которой участвуют Россия, США, Китай и Норвегия: страны борются за ресурсы, рыбу, торговые пути и стратегическое присутствие. Глобальное потепление же грозит ростом смертности, недостатком еды и воды, социальной и геополитической напряженностью, усилением миграции и негативным влиянием на экономику.

Риск, связанный с дефицитом собственных средств у предприятий реального сектора. Собственных средств не хватает для инвестиционной деятельности и поддержания развития не только у банков, но и у предпринимательских структур реального сектора экономики. Многие предприятия обременены высокой задолженностью. Однако все в равной степени испытывают затруднения в привлечении финансовых средств. Банки же предпочитают работать на финансовых рынках. Извлекая большие прибыли из финансовых операций, они менее склонны инвестировать в предприятия реальной экономики.

Риск снижения темпов роста китайской экономики до 6% ВВП в год и ниже. Суверенный долг КНР один из самых высоких в мире. Под тяжестью перекредитования со стороны Народного банка многие активы переоценены, и этот пузырь может также лопнуть. Произойти это может, когда рынки приведут в соответствие рыночные котировки с растущим перепроизводством многих видов продукции и накоплением сверхзапасов продукции. Последнее касается металлургии, химической промышленности и многих иных отраслей промышленности. Обесценивание китайских активов может привести к спаду на мировых финансовых рынках и ещё большим ограничениям кредитования со стороны финансово-банковских институтов.

Угроза сохранения и усиления протекционизма. Сокращение оборотов мировой торговли, вызванной длительной рецессией толкает различные страны к защите собственных рабочих мест, вынуждает компании и предприятия и субсидируемые налогоплательщиками банки сосредоточиться на деятельности в рамках национальной территории. В этом направлении предприняты конкретные действия различными государствами. Среди них пересмотр международных торговых соглашений, анализ и перерасчет долевого участия в цепочках добавленной собственности компаний

различной национальной юрисдикции, решения Конгресса США и Бундестага ФРГ в отношении собственных банков, американский торговый закон (BuyAmericanAct – предоставление преимущественных прав национальным производителям при государственных заказах и закупках), китайский закон, повышение в два раза пошлин на импорт зерна, муки, природного газа, решения Индонезии и Бразилии и стран ОПЕК зарезервировать за национальными компаниями доступ к будущим нефтяным месторождениям, застой в переговорах в рамках Доха-раунда.

Риск гиперинфляции. Триллионы долларов ликвидных средств, созданных центральными банками, продолжающееся количественное смягчение, рост бюджетных дефицитов и долгов, наряду с повышением цен на сырьевые товары может привести в условиях длительной рецессии к инфляции. Признаки таких явлений наблюдаются на рынках продовольственных товаров, производство которых в мире остается на стабильном уровне.

Вместе с тем глобализация препятствует распространению инфляции, в этом же направлении действует невысокая скорость денежного обращения. Кроме того, центральные банки обладают достаточно широким набором инструментов для контроля за движением денежной массы и размерами банковских активов, если банки начнут проводить политику кредитной экспансии.

Риски глобальной финансовой системы. Есть ещё несколько сопутствующих рисков в глобальной финансовой системе, которые считаются маловероятными, но принуждающими к внимательному наблюдению за состоянием ведущей мировой валюты – долларом – и устойчивостью Федеральной резервной системы. Один из определившихся рисков – неизбежная переоценка роли золота в мировой финансовой системе. Порядок ценообразования на золото уже сейчас изменился (отменен золотой

фиксинг, обеспечивающий спотовую торговлю золотом; введено ценообразование на базе золотого фьючерса, цена на который может быть определена не объёмом золота к предъявлению, а фиатными деньгами. Формирование цены на золото становится управляемым процессом. В марте 2019 года согласно введенному «Базелю-III» переведено из актива третьей категории в первую, что делает его высоколиквидным средством, подлежащим неизбежной переоценке в активах центробанков с 1 января 2022 года.

Риски замедления темпов роста мировой экономики, переход к стагнации. В 2019 г. произошло замедление темпов роста мировой экономики с 3,8% до 3% в 2019 г. Негативным для роста мировой экономики стали 2015-2016 гг. Появившиеся в марте прогнозы на 2020 год предполагают отрицательные темпы экономического развития.

В этот период возросла макроэкономическая неопределённость, сложились устойчиво низкие цены на сырьевые товары, произошло сокращение торговых потоков, усилилась волатильность валютных курсов и потоков капитала, возник застой в инвестициях и росте производительности труда. Разрыв между финансовым и реальным секторами экономики не только сохранился, но и продолжает расти. Объём внебиржевого рынка деривативов по итогам 2019 года достиг почти 700 трлн. долл., что более, чем в 7 раз выше мирового ВВП.

Можно предположить, что кризисная ситуация и антикризисные меры будут также направлены на сокращение необеспеченных и токсичных активов.

Глобальная экономическая ситуация остается достаточно хрупкой, о чем свидетельствуют многочисленные риски и дисбалансы глобальной экономики. Практически все страны «Группы 20» находятся в зоне их воздействия. И они являются серьезным препятствием для роста мировой экономики. МВФ прогнозирует, что сохранятся невысокие темпы

экономического роста развитых стран[60]. В комбинации с ограничением фискальных возможностей это создает серьезную напряженность в бюджетах стран «Группы 20» и не позволит снизить уровни государственного долга и бюджетного дефицита в большинстве стран. На снижение этих показателей до приемлемых уровней в Еврозоне, Японии и США понадобятся годы. Существенно замедлятся темпы роста в развивающихся странах.

Нестабильность в Еврозоне, главном потребителе российской экспортной продукции, будет долгое время определять перспективы глобального развития. Таким образом, нет оснований списывать со счетов возможность риска крупных провалов в мировой финансовой системе. Ошибки в глобальном регулировании, несогласованность экономических политик может дестабилизировать финансовую систему, доверие к которой и так подорвано. Продолжающаяся неустойчивость экономики и финансовой системы в особенности отвлекают внимание и ресурсы от стратегических инвестиционных проектов и других очерченных задач противодействия болезненному состоянию экономики.

Остается не очень ясным, обеспечат ли в долгосрочной перспективе структурные реформы достаточную занятость населения в развитых странах и приведут ли возобновившиеся в 2020 году денежные облегчения в США и Европе к гиперинфляции или её удастся избежать.

Риски, связанные с созданием кибернетической (цифровой) мировой экономики и валютно-финансовой системы.

Формирование цифровой экономики (ЦЭ) – вызов с одной стороны предоставляющий «окно возможностей» для встраивания национальной экономики в формирующийся мирохозяйственный порядок, с другой стороны – несущий значительные риски её конкурентоспособности и устойчивости.

---

[60] Global Risks Report 2020 / [Электронный ресурс]: Worls Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020 (дата обращения: 20.04.2020)

Примечательно, что странами-лидерами цифровизации в рамках ОЭСР и G-20 развивающимся странам, в том числе Российской Федерации, предлагается концепция развития ЦЭ, подразумевающая в основном лишь ускоренное развитие ИКТ-инфраструктуры и реформирование законодательной базы, которые обеспечат устранение барьеров для международной интеграции в сфере развития новых форм организации бизнеса на основе ИКТ.

Реализация такого подхода к развитию ЦЭ в «ограниченном варианте» одновременно подразумевает создание странами с развивающимися рынками и развивающимися странами за счёт собственных средств благоприятной среды для проникновения и широкого распространения правил и передовых ИКТ-технологий, поставщиками которых будут ведущие западные ТНК.

Реализация такого подхода к развитию ЦЭ несет для России стратегически значимую угрозу утраты технологического суверенитета и закрепления долгосрочного статуса «технологической периферии», исключив тем самым какие-либо перспективы развития секторов, связанных с ЦЭ.

Последний системный кризис свидетельствует о том, каких разрушительных и глобальных масштабов могут достичь следующие за ним волны кризисов складывающейся новой экономики, какого длительного выхода и какую высокую цену приходится за них платить.

Процессы развития различных трансграничных кризисов в последнее десятилетие показал, что реакция государства и институтов национального регулирования оказалась более острой и быстрой, чем это было в 1980-е и начале 1990-х годов.

Предполагалось, что проведённые преобразования с 2010 года в направлении формирования Глобальной системы обеспечения финансовой устойчивости будут способствовать поддержанию эффективных финансовых

рынков, установлению действительной рыночной дисциплины, ликвидации зависимости банков от государственных финансов, защите потребителей финансовых продуктов, выработке общих принципов и подходов к регулированию деятельности финансовых посредников; совершенствованию макро- и микро пруденциального регулирования и надзора.

Тем не менее, источники и причины кризисов, в первую очередь финансовых, не изжиты и не преодолены. Главное – не выстроены системы предупреждения и алгоритмы действий по отношению к проявлению системных рисков и последствий различных глобальных дисбалансов. Сохраняется и становится ещё более разветвленной система дисбалансов, как глобальных, так и связанных с ними внутристрановых.

Опыт кризиса 2008-2009 гг. поучителен. Финансовые проблемы, возникшие в Соединенных Штатах в 2007 году, широко распространились на развитые и развивающиеся страны и быстро переросли в самый серьёзный глобальный финансовый кризис со времен Великой депрессии. Это привело к интенсивным дискуссиям о последствиях и глубине воздействия финансового кризиса на различные экономические системы.

Вскоре подтвердилось, что последствия для реальной экономики оказались далеко не умеренными. Не только в США, но и во всех остальных экономиках буквально за считанные месяцы произошло резкое сокращение масштабов экономической деятельности.

Эти события выдвинули на первый план многие вопросы о взаимосвязях между реальной экономикой и финансовым сектором во время рецессий и кризисов, об их последствиях для экономических и социальных систем в целом.

В этой связи наиболее часто поднимались следующие два вопроса: каким образом, и в какой зависимости изменяются макроэкономические и финансовые показатели в целом и особенно во время рецессий, кредитных

ограничений и кризисов, а также во время падения цен на активы (жилье и ценные бумаги)? И действительно ли рецессии, связанные с кредитными ограничениями и ценовыми спадами, обладают особенностями, отличающими их от других рецессий?

Для ответа на эти вопросы было проведены многочисленные эмпирические исследование связей между ключевыми макроэкономическими и финансовыми показателями и динамикой их изменений в процессе экономических и финансовых циклов во многих странах на протяжении почти сорока лет[61].

Первоначально были идентифицированы поворотные моменты в поведении этих переменных показателях на основе использования стандартных методов датировки деловых циклов. Документированы 122 рецессии, 112 кредитных кризисов, 114 снижений цен на жилье, и 234 падений курсов акций для избранных стран за указанный период. При поиске ответа на первый вопрос определено, что типичная рецессия длится почти 4 квартала и связана со снижением выпуска продукции (снижение пикового показателя) примерно на 2%. Серьёзный спад, по своей структуре намного сложнее, обходится дороже, характеризуется, в среднем, снижением приблизительно на 5%, и длится на один квартал дольше.

В то время как типичный спад имеет тенденцию приводить к совокупной потере (выпуска продукции) приблизительно в 3%, жёсткая рецессия обходится в три раза дороже.

Большинство макроэкономических и финансовых переменных проявляют проциклическое (усиливают падение) поведение во время спада. При этом, спад характеризуется резким снижением (со стороны резидентов) инвестиций, промышленного производства, импорта, цен на жилье и курсов акций, сравнительно умеренным снижением потребления и экспорта, и

[61] Stijn Claessens, M. Ayhan Kose, Marco E. Terrones. IMF Papers. №274. December 2008. IMF

некоторым сокращением объёма занятости. Два ключевых для политики регулирования показателя – краткосрочные процентные ставки, и финансовые расходы часто ведут себя противоциклически во время спада.

Для некоторых наблюдателей глобальный масштаб прошедшего кризиса кажется беспрецедентным, поскольку несколько развитых экономик одновременно стали испытывать трудности на кредитных рынках, а также в равной мере падение цен на жилье и на ценные бумаги, прежде всего акции.

Однако эти недавние явления весьма обычны, потому что исторически спады, кризисы и банкротства зачастую происходят в одно и то же самое время в различных странах. Действительно, рецессии во многих развитых странах за последние 40 лет концентрированно произошли в определенное время в течение каждого из четырех последовательных периодов: в середине 70-ых, в первой половине 80-ых, в начале 90-ых и в первом десятилетии 2000-х гг.

При этом рецессии связаны, в ряде случаев, с глобальными шоками для экономик этих стран. Как показал опыт многих стран, наряду с рецессиями в равной мере происходит и одновременное сокращение кредитования. Более того, в одно и тоже время проявляются тенденции к снижению цен на жилье и акции.

Данные свидетельствуют, что кредитные кризисы, провалы цен на жилье и акционерный капитал, продолжаются намного дольше, чем рецессии, продолжаясь 4-5 лет.

Спад темпов инвестиционной деятельности значительно больше, чем в темпах потребления. Это явление в равной мере свойственно как рецессиям, так и кредитным кризисам и ценовым спадам в отношении активов. В частности, кредитные ограничения и снижения цен на дома сопровождаются серьезными сокращениями объёмов инвестиций в жилищной сфере. Есть также свидетельства подтверждающие, что сокращения кредитования и

ценовые спады в жилищной сфере обходятся дороже, сопряжены с большими издержками, чем спады цен на акционерный капитал. К тому же последние в меньшей степени увязаны с результатами деятельности реального сектора экономики.

Что касается второго вопроса, то подтверждается точное совпадение рецессий с кредитными кризисами или падением цен на активы.

С позиций поведения ключевых макроэкономических и финансовых показателей выясняется, что жилищные инвестиции имеют тенденцию падать более резко в случае рецессий совпадающих с падением цен на жилье и кредитными кризисами. Показатели безработицы увеличиваются заметно больше в ходе рецессии и депрессии на рынке жилищного жилья.

«Постоянное непостоянство» – характеристика многочисленных вызовов, трудной предсказуемости трансформации многочисленных политических, экономических, социальных, технологических или экологических рисков в кризисы. По многим обоснованным оценкам последних десятилетий выход из нередко совпадающих, различающихся по сферам проявления, кризисов становится все более сложным и дорогостоящим. Они приобретают всеохватывающий и разрушительный характер.

Выводы для российской экономики

Обозначились контуры мира, которые требуют от каждого государства, от каждой компании, финансовой или нефинансовой международной организации большей эластичности поведения и адаптивности. Предвидение рисков и предупреждение кризисов становятся приоритетом не менее важным, чем стремление к наращиванию прибыли. А умение демпфировать угрозы с наименьшими затратами является признаком эффективного государственного и корпоративного управления. Вместе с тем краткосрочные действия необходимо сочетать со стратегическим планированием,

определяющее выходы из рисковых и кризисных состояний и приводящим к структурной адаптации, качественным изменениям и к укреплению конкурентоспособности в стратегически приоритетных видах экономической деятельности.

Для обеспечения устойчивости российской экономики, смягчения возможных последствий от предстоящего кризиса мировой экономики, независимо от сценариев его развития основным условием до 2020 года являлся вывод российской экономики из затянувшейся стагнации.

С началом пандемии сочетание внешних экономических угроз для обеспечения роста и экономической стабильности с сохраняющимся с 2013 года низким уровнем и недофинансированием инвестиционной деятельности может нанести по результатам кризиса трудновосполнимый ущерб. Национальные и федеральные проекты, рассчитанные на период до 2024 года, не успели переломить ситуацию, и их реализация может совпасть с мировым экономическим кризисом.

Экономическая динамика 2018-2019 гг. позволяет говорить о том, что в российской экономике сохраняется низкий уровень экономической активности в условиях постепенного нарастания рисков финансовой нестабильности. Предпринимательская активность по итогам 2017-2018 годов отражает общее сокращение численности предприятий во всех секторах экономики и несущественно различается в разрезе видов экономической деятельности. Предпринимательская активность в новых и быстрорастущих в мире секторах (в первую очередь, услуги в сфере информации и связи, образования, финансовой деятельности) не демонстрирует значимых отличий от традиционных секторов экономики. По последним прогнозам Института ВЭБа и Института народнохозяйственного прогнозирования спад в отечественной экономике в зависимости от комбинации разных факторов может составить от 2,3% до 4,1%.

Экономическая политика сохраняет ряд очевидных рисков в ходе реализации сценария мирового экономического кризиса. Первый: при всей масштабности задач, решаемых в рамках нацпроектов, они лишь частично направлены на модернизацию базовых секторов российской экономики в кратко- и среднесрочной перспективе. Неясно за счёт чего будет разгоняться экономика при жёстких ограничениях на потребительский спрос и чистый экспорт. Возможно избыточное ускорение спроса на импортируемую продукцию инвестиционного и промежуточного потребления в условиях недостаточного роста эффективности внутреннего производства.

Второй риск состоит в относительно слабой интеграции задач различных национальных проектов, что может привести к распылению финансовых ресурсов и неэффективности их использования.

Третий риск состоит в недостаточных стимулах для частного бизнеса в решении задач национального развития. Здесь нужен диалог государства и ряда крупнейших сырьевых компаний в рамках дискуссии об использовании сверхдоходов от экспорта.

Для устойчивого развития экономики необходимо наличие надежного механизма воспроизводства её производственной базы. Нужно сформировать и поддерживать эффективную систему сохранения, поддержания и развития одного из существенных факторов экономического роста – основных производственных средств.

Для противодействия угрозам мирового кризиса следует предусмотреть построение второго финансового контура российской экономики (наряду с эмиссионным контуром Банка России), обеспечивающего экономический суверенитет, снижающего риски открытой экономики и обеспечивающего инвестиционный контур для российских производителей и возможности пополнения товарных резервов государства. Противопоставить можно защиту в виде создания дополнительного

резервного контура финансовой системы, обеспеченного не только ЗВР, но и товарно-валютными резервами (ТВР). При этом основной контур, базирующийся на ЗВР (эмиссионный), останется функционировать по правилам и регламентам, закреплённым национальными и наднациональными валютными финансовыми регуляторами и соглашениями. Противопоставить можно защиту в виде создания дополнительного резервного контура обеспеченного, но и товарно-валютными резервами (ТВР). Второй контур – инвестиционный (резервный) – базируется на ТВР и регулируется государством.

Создание подобного контура позволит обеспечить безопасное и устойчивое пополнение государственных резервов, станет основой для устойчивого функционирования российских товаропроизводителей. Кризисное управление предполагает создание системы мониторинга и анализа рисков и угроз на основе построения Федеральной системы управления рисками (далее – ФСУР) для суверенного развития страны.

Создание системы управления рисками, прежде всего, в сфере экономической безопасности предусмотрено положениями Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, далее – Стратегия экономической безопасности).

Основные предпосылки создания ФСУР определяются практической необходимостью оперативно выявлять новые, динамично меняющиеся организационные, технологические, логистические, правовые и иные факторы и условия экономической деятельности, внезапно возникающие вызовы и угрозы экономической безопасности на международном и национальном уровне.

Литература

1. Global Risks Report 2020 / [Электронный ресурс]: Worls Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020 (дата обращения: 20.04.2020)
2. Stijn Claessens, M. Ayhan Kose, и Marco E. Terrones. IMF Papers. №274. December 2008. IMF

А.В. Кузнецов,

Финансовый университет

3.3. ГЛОБАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ МОНОПОЛИЗМ И ПОЗИЦИИ РОССИИ[62]

Современная мировая финансовая архитектура в значительной степени сформировалась под влиянием неолиберальной парадигмы, в разработке и практической реализации которой ключевую роль сыграло совпадение интересов англо-американских политических, финансово-экономических и высокотехнологических элит, которые после разрушения биполярной системы международных отношений посредством довольно успешной реализации политтехнологических, финансовых и информационных инноваций задали невероятно высокий темп глобализации, вовлекая в неё всё большее число участников на макро-, мезо- и даже микроуровне. В результате полномасштабной либерализации глобальных финансовых потоков последние оторвались не только от воспроизводственных процессов в реальном секторе экономике, но и от сердца рыночной экономики – фондовой биржи. Достаточно привести следующий факт: объём торгов на мировом внебиржевом межбанковском валютном рынке составляет свыше 6 трлн

[62] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

долл. в день, что в 25 раз превышает объём торгов на организованном мировом рынке акций. В результате формирования системы финансового капитализма реальный сектор экономики оказался в едва преодолимой зависимости от непредсказуемой стихии функционирования глобального финансового рынка вследствие создания последним искусственного дефицита денежной ликвидности на постоянной основе.

Центр финансового капитализма сформировался в США и Великобритании, которые на протяжении нескольких столетий последовательно переносили экологически вредные и ресурсозатратные производства на подмандатные и политически зависимые территории, сохраняя при этом контроль над технологическими циклами и финансовыми потоками. В настоящее время на финансовых рынках этих двух стран ежедневно обращаются финансовые продукты, стоимость которых в десятки раз превосходит размер производимой в мире валовой добавленной стоимости. Возрастание асимметрий между финансовым и реальным секторами глобальной экономики имеет следствием перманентные финансовые кризисы, увеличение социальной поляризации и обострение дисбалансов развития на национальном и международном уровнях.

Монетарной осью финансового капитализма является доллар США – основное средство расчетов в мировой торговле и обслуживания международных долговых обязательств. Для доступа к долларовой ликвидности остальные страны должны производить больше, чем могут потребить их национальные экономики. Значительная доля этих избыточных товаров и услуг поставляется на внутренний рынок США в обмен на американские доллары. В рамках функционирования этой модели в настоящее время более 100 стран мира имеют с США положительное сальдо торгового баланса[63].

[63] Роуч С. Несбалансированные Созависимость Америки и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 253.

По требованию МВФ страны-экспортеры для сдерживания внутренних инфляционных процессов и страхования от внешних финансовых шоков направляют вырученную в результате внешнеэкономической деятельности долларовую ликвидность обратно в США в форме резервов или портфельных инвестиций в американские ценные бумаги. Когда сбережения других стран оседают в виде депозитов в американских банках, они служат основой для создания новых долларов, которые возвращаются в другие страны уже в форме кредитов и других долговых обязательств [64]. Таким образом, источником создания новых мировых денег выступает не только ФРС США, но и другие страны, хранящие в США свои сбережения.

Масштабы неконтролируемого создания глобальной денежной ликвидности в полной мере проявились во время мирового финансового кризиса 2008–2009 годов, когда была уничтожена стоимость непроизводительных финансовых активов в размере 50 трлн долл.[65]. Кризис привёл к резкому падению производства, девальвациям валют, росту стоимости и объёмов внешнего долга. Однако уже в период 2007–2010 гг. для компенсации потерь частным кредитным учреждениям были созданы монетарные каналы на сумму свыше 26 трлн долл. посредством кредитов и своп-линий, предоставленных напрямую крупным коммерческим и центральным банкам со стороны ФРС США[66]. Помимо ФРС США потери частного финансового сектора компенсировались центральными банками других ведущих экономик мира через организацию программ выкупа проблемных активов[67].

---

[64] Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton University Press, 2013. С. 132.

[65] Гринспен А. Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина Паблишер, 2015. С. 44.

[66] United States Government Accountability Office. Federal Reserve System. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance. URL: https://www.gao.gov/new.items/d11696.pdf (дата обращения: 20.04.2020) С.131, 205

[67] Large central bank balance sheets and market functioning. Report prepared by a Study Group chaired by Lorie Logan (Federal Reserve Bank of New York) and Ulrich Bindseil (European Central Bank). BIS, October 2019. URL: https://www.bis.org/publ/mktc11.htm (дата обращения: 20.04.2020)

В то же время средства в распоряжении МВФ для предоставления антикризисной поддержки 189 государствам-членам были увеличены всего до 1 трлн долл.[68]. Таким образом, размеры международной ликвидности, созданные при помощи ФРС США и других крупных Центробанков с целью поддержания инфраструктуры финансового капитализма в посткризисный период, в десятки раз превысили объёмы антикризисного финансирования по линии МВФ для восстановления реального сектора экономики суверенных государств. Такое положение вещей свидетельствует о глубоких институциональных провалах в архитектуре действующей системы регулирования мировой экономики и мировых финансов.

Следует отметить тот факт, что мировая валютно-финансовая система, как законодательно закрепленная форма организации и регулирования международных валютных отношений, действует в квазибреттонвудском формате с ключевой ролью МВФ, как институциональной основы этой системы и её главного макроэкономического регулятора. При этом финансовые ресурсы, находящиеся в распоряжении МВФ, юридически являются собственностью государств-членов Фонда. Иными словами, *формально* суверенные государства продолжают оставаться основными субъектами международных валютно-финансовых отношений. Однако *фактически* установление «правил игры» в мировой экономике давно перешло на микроуровень – в «компетенцию» различных частных институтов финансового посредничества, которые находятся в англо-американской юрисдикции. Речь идёт о так называемых институциональных монополиях, устанавливающих правила и стандарты взаимодействия субъектов мировой экономики на глобальном рынке в обход организаций системы ООН и других

[68] Bolstering the IMF lending capacity. IMF, 12 October, 2010. URL: http://www.imf.org/external/np/exr/faq/contribution.htm (дата обращения: 20.04.2020)

межправительственных органов и соглашений[69]. Рассмотрим сущность и охват действия этих неформальных институтов.

Во-первых, необходимо отметить продвижение доллара США как неофициального мирового валютного стандарта, в котором номинируется большинство финансовых инструментов, торгуемых на мировом финансовом рынке. Ведение учёта всех международных макроэкономических показателей в долларах фактически наделяет американскую валюту статусом международного эталона стоимости. В настоящее время, на доллар США приходится свыше 60% международных валютных резервов и международных облигаций, более 50% международных кредитов и депозитов[70]. В долларах США осуществляется свыше 40% расчетов в международной торговле[71] и операций на международном валютном рынке. Таким образом, фактической институциональной основой мировой валютно-финансовой системы является не МВФ, а ФРС США, реализующая в глобальном масштабе валютную монополию.

Во-вторых, немаловажным фактором монополизации мирового рынка является выполнение долларом роли эталона цен на товарных биржах. На современном этапе из 92 товаров, учитываемых международной финансовой статистикой, 87 имеют цены, номинированные в долларах[72]. Монополия биржевого долларового ценообразования фактически дискриминирует производителей реального сектора экономики, которые не могут устанавливать цены на свою продукцию и продавать её за собственную валюту.

---

[69] Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 90-108; Кузнецов А.В. Институциональные барьеры конкуренции валют в мировой валютной системе // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 10. С. 2341–2358; Кузнецов А.В. Институциональные монополии в международном разделении труда // США-Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 9. С. 37–46.

[70] European Central Bank. The International Role of the Euro, June 2019. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/ire/ecb.ire201906_annex.en.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

[71] RMB Tracker. SWIFT, January 2019. URL: https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmbtracker/document-centre (дата обращения: 20.04.2020)

[72] Международные валютно-кредитные отношения: учебник и практикум. Под ред. Е.А. Звоновой. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 16.

В-третьих, ценообразование на международном товарном рынке непосредственно связано с международной валютной торговлей. Производители реального сектора, стремясь защититься от непредсказуемой стихии доминирующего в мировой экономике режима плавающих валютных курсов, заключают срочные контракты с целью страхования рисков изменения курсов валют. Почти две трети всех сделок на международном валютном рынке заключаются на условиях своп-соглашений, представляющих собой обмен одной валюты на другую в настоящем времени с правом совершения обратного обмена в будущем по заранее зафиксированному курсу. Ежедневный объём сделок на этом рынке в период 2001–2019 годов увеличился в четыре раза – с 1,6 трлн долл. до 6,6 трлн долл.[73]. Международный валютный рынок – самый объёмный, ликвидный и спекулятивный рынок в мире. При этом более 50% от общего объёма торгов на этом рынке приходится на Лондон и Нью-Йорк и осуществляется при помощи всего восьми англо-американских банков[74], что свидетельствует о высокой степени монополизации крупнейшего сегмента мирового финансового рынка.

В-четвёртых, операции на международном рынке финансовых продуктов привязаны к плавающей ставке ЛИБОР – Лондонской ставке предложения межбанковских депозитов. В предкризисный период на эту ставку были ориентированы финансовые продукты общей стоимостью около 800 трлн долл.[75]. До недавнего времени ставка ЛИБОР рассчитывалась узким кругом банков-членов Британской банковской ассоциации. Однако, после того как в 2012 году американские регуляторы предъявили британскому казначейству обвинения в манипуляциях данной ставкой, её

[73] Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-counter (OTC) Derivatives Markets in 2019. Bank for International Settlements. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm (дата обращения: 20.04.2020)
[74] Euromoney FX Survey 2019 – results released. June 11, 2019. URL: https://www.euromoney.com/article/b1fpv028mthbmy/euromoney-fx-survey-2019-results-released (дата обращения: 20.04.2020)
[75] Хунбин С. Война валют. М.: РОО «Русский выбор», 2015. С. 242.

администрирование перешло к Межконтинентальной бирже (США)[76]. В настоящее время под эгидой Совета по финансовой стабильности проходит реформа, в рамках которой участникам рынка рекомендуется отказаться от ориентации финансовых продуктов на ЛИБОР как эталонную ставку и к 2021 году перейти на альтернативные безрисковые процентные ставки. Однако реформа продвигается медленно. По данным МВФ, в мире в обращении всё ещё находятся продукты на сумму свыше 260 трлн долл., использующие ставку ЛИБОР в качестве базы[77].

В-пятых, международные финансовые сделки не только в большинстве случаев номинированы в американской валюте, но и заключается в англо-американском праве, в котором, например, практически полностью регулируются сделки международного синдицированного кредитования, операции слияний и поглощений, выпуска международных облигаций и другое. С использованием английского права ведётся 40% международных арбитражных дел, в том числе с участием суверенных государств как ответчиков, что подтверждает его исключительное проникновение в сферу международного бизнеса и публичных отношений[78].

В-шестых, привлечение финансовых ресурсов на международном рынке капитала зависит от кредитных рейтингов. Три ведущие американские агентства кредитных рейтингов – Standard & Poor's, Moody's и Fitch – присваивают 96% всех кредитных рейтингов в мире[79]. Чем выше рейтинг, тем ниже стоимость заимствования финансовых ресурсов, тем сильнее финансовое превосходство, тем больше возможности поглощения

---

[76] Schrimpf A., Sushko V. Beyond LIBOR: a primer on the new benchmark rates. BIS Quarterly Review. March 2009. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1903e.htm (дата обращения: 20.04.2020)

[77] Global Financial Stability Report: Lower for Longer. IMF, October 2019. URL: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2019/10/01/global-financial-stability-report-october-2019 (дата обращения: 20.04.2020) С. 19.

[78] Legal excellence, internationally renowned: UK legal services 2019. TheCityUK, 2019. URL: https://www.thecityuk.com/research/legal-excellence-internationally-renowned-uk-legal-services-2019/ (дата обращения: 20.04.2020)

[79] The financial crisis: unresolved. The Economist, September 8, 2018. URL: https://www.economist.com/printedition/2018-09-08 (дата обращения: 20.04.2020)

конкурентов за счёт заёмных ресурсов. Все три рейтинговых агентства являются частными, но имеют особый статус статистических агентств, признанных на уровне страны, что даёт им право рассчитывать на поддержку со стороны правительства США[80]. На протяжении многих лет через данные агентства США удерживают кредитный рейтинг России в околоспекулятивной категории. Это означает, что заимодавцы рассматривают Россию в потенциально рисковой группе стран, что увеличивает стоимость получения и обслуживания займов российскими заёмщиками.

В-седьмых, в англо-американской юрисдикции находится подавляющее число офшорных налоговых гаваней, через которые осуществляется вывод капиталов из национальных экономик других стран мира. Например, к крупнейшим офшорам, контролируемых Великобританией, относятся острова Джерси и Гернси, остров Мэн, Каймановы острова, Британские Виргинские острова, Багамские острова, Гибралтар, Гонконг, Сингапур, Дубай, Ирландия и др. В свою очередь под непосредственным влиянием США находятся такие офшорные юрисдикции, как Маршалловы острова, Либерия, Панама, а также некоторые штаты США (такие как Вайоминг, Дэлавэр, Невада, Флорида) [81] По данным неправительственной организации Tax Justice Network, в офшорах находятся необлагаемые налогами непроизводительные финансовые ресурсы на сумму до 32 трлн долл., которые в большинстве своём служат для обеспечения проведения различных операций с фиктивным капиталом[82].

В-восьмых, помимо офшорных юрисдикций всё в большей степени под англо-американский контроль попадают также офшорные юрисдикции

---

[80] Фридман Д., Краус В. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012. С. 174-175.

[81] Канашевский В.А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирования. М.: Международные отношения, 2018. С. 14-15.

[82] Financial Secrecy Index 2018. Tax Justice Network. URL: http://www.financialsecrecyindex.com/PDF/FSI–Methodology.pdf/ (дата обращения: 20.04.2020)

вследствие распространения на них англо-американских стандартов финансовой отчетности, что позволяет, в случае необходимости накладывать на эти страны штрафные санкции. В настоящее время 138 стран уже перешли на «английский» стандарт МСФО [83] и ещё 109 стран приняли единый бухгалтерский стандарт – Common Reporting Standard (CRS) – построенный по образцу американского закона FATCA[84].

В-девятых, англо-американские финансово-инвестиционные холдинги осуществляют значительный контроль над крупнейшими корпорациями мира через участие в их капиталах. Так, по данным авторитетного исследования, проведенного в 2011 году в Швейцарии, 24 американских и 7 британских финансовых компаний вошли в топ-50 компаний мира с наивысшим уровнем глобального корпоративного контроля[85]. В 2017 году свыше 60% глобальных активов под управлением находилось под контролем англо-американских финансовых холдингов[86].

В-десятых, на американские компании приходится две трети цифровых технологических разработок и пользователей социальных сетей. Кроме того, в Калифорнии располагается Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами, которая фактически регулирует глобальный интернет[87]. Помимо этого американские компании удерживают мировую монополию в международных платёжных системах, таких как Visa, Mastercard и American Express. В дополнение практически весь рынок криптовалют ориентирован на доллар США, как меру стоимости, а американская компания Facebook даже планирует запуск наднациональной цифровой валюты Libra[88].

---

[83] Narunnabi M. Brexit and the Trump era: the future of IFRS // Business Horizons. 2019. Vol. 62. No. 3. P. 319-326.

[84] CRS by jurisdiction. OECD. URL: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/crs-implementation-and-assistance/crs-by-jurisdiction/ (дата обращения: 20.04.2020)

[85] Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. Vol. 6, No. 10. P. 1-6.

[86] The world's largest 500 asset managers at the end 2017.Willis Towers Watson, 2018. URL: https://willistowerswatson.pl/aktualnosci/pdf/2018.10.29-TAI-PI-500_2018.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

[87] Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014. С. 218.

[88] Щукин О. Либрация доллара //Завтра. 26 июня 2019. URL: http://zavtra.ru/blogs/libratciya_dollara (дата обращения: 20.04.2020)

Следует отметить, что квинтэссенцией функционирования модели финансового капитализма стало создание параллельной экономической реальности – глобальной офшорной финансовой системы, в которой финансовые потоки оторвались не только от сферы производства, но и вышли из сферы функционирования классических финансовых рынков. Доля офшорных финансовых центров в мировом финансовом посредничестве многократно превышает их долю в мировом производстве. Например, удельный вес 4 городов (Нью-Йорка, Лондона, Гонконга и Сингапура) в экспорте мировых финансовых услуг составляет 48,4% против 3,8% их совокупной доли в мировом ВВП [89]. Согласно рейтингу глобальных финансовых центров (ГФЦ), опубликованному в марте 2019 г., на девять островных государств (Каймановы острова, Бермудские острова, Джерси, Маврикий, Британские Виргинские острова, Гернси, Гибралтар, Остров Мэн, Багамские острова) приходилось почти 6% в экспорте финансовых услуг при том, что их доля в мировом ВВП составляла менее 0,01%. Причём место каждой из этих юрисдикций в рейтинге ГФЦ было выше, чем место Москвы (88 место) [90]. Такие значимые позиции этих островных государств в международном финансовом посредничестве обусловлены тем, что они находятся в прямой или косвенной британской юрисдикции, регулируются англо-американским правом, которое можно условно отнести к пятому «фактору производства» наряду с землей, трудовыми ресурсами, капиталом и технологиями.

Сегодня многие государства мира, включая Россию, стремятся создать у себя значимый международный финансовый центр, зачастую не просчитывая суверенные риски, связанные с неизбежностью перевода этого

[89] Financial Secrecy Index 2018. Tax Justice Network. URL: http://www.financialsecrecyindex.com/PDF/FSI–Methodology.pdf/ (дата обращения: 20.04.2020)
[90] The Global Financial Centres Index 25. URL: https://www.longfinance.net/publications/longfinance-reports/the-global-financial-centres-index 25/ (дата обращения: 20.04.2020)

центра в англо-американскую систему права. Рассмотрим пример казахской Астаны. После того, как в июле 2018 года регулирование финансового центра Астаны перешло в систему английского права, в марте 2019 года его место в рейтинге ГФЦ повысилось с 88 на 51 позицию. Напомним, однако, что Астана (в марте 2019 года переименованная в Нур-Султан) является столицей богатого ресурсами суверенного государства Республики Казахстан. Перевод финансового центра в английскую систему права может иметь серьёзные суверенные риски, поскольку она защищает интересы частных кредиторов, и позволяет им оспаривать в английских судах решения, принятые суверенными правительствами. По своей эффективности навязывания внешнего контроля англо-американское право может быть вполне сопоставимо с такими инструментами, как дипломатия канонерок или экспорт капитала, когда речь идёт о подчинении стран интересам новых глобальных метрополий. Достаточно вспомнить прецедент покорения Индии Британской Ост-Индской компанией, которая от своего имени осуществляла судопроизводство, выпускала собственные деньги и содержала армию. При этом 250 миллионами индийцев управляли всего 900 английских чиновников и семьдесят тысяч военных [91]. Напомним, что в период британской колонизации доля Индии в мировой экономике сократилась с 24,4% в 1700 г. до 4,2% в 1950 г. [92]. Характерно, что после Брексита Британия устами министра иностранных дел Б. Джонсона недвусмысленно оповестила мир о своем возвращении в глобальную политику [93]. Следовательно, в связи с текущим встраиванием стран в систему англо-американского правового поля на евразийском пространстве возникают серьёзные суверенные риски.

---

[91] Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ: CORPUS, 2013. С. 237.
[92] Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2012. С. 575.
[93] Johnson B. Beyond Brexit: a Global Britain. Foreign & Commonwealth Office. 2 December 2016. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/beyond-brexita-global-britain. (дата обращения: 20.04.2020)

Таким образом, система финансового капитализма представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых институтов, которые поддерживая и взаимодополняя друг друга, формируют основы наднационального англо-американского контроля международных экономических и финансовых отношений, что несёт в себе угрозы сохранения национальных суверенитетов остальных стран мира и, в первую очередь, России.

Следует отметить, что во время существования биполярной системы советская Россия претендовала на паритетное участие в процессах стагнирующей после второй мировой войны глобализации мировой экономики. Предпосылкой для равноправного участия СССР в международном разделении труда была вторая по значимости экономика мира, независимая от доллара США система международных расчетов, функционирующая на базе переводного рубля, наличие в странах социалистической ориентации рынков для сбыта российского несырьевого экспорта. Безусловно, в условиях «холодной» войны говорить о полноценном влиянии СССР на мировую капиталистическую экономику, возглавляемую США, можно было лишь с большой долей условности. Тем не менее именно экономическая и валютно-финансовая самодостаточность обеспечивали СССР независимые позиции в мировой экономике и мировых финансах.

Ситуация советского государства на мировой экономической арене стала ухудшаться после того, как СССР перешел на расчеты за экспорт нефти в долларах США. Вслед за ростом мировых цен на углеводороды рост доли нефти в структуре советского экспорта постепенно привел советскую экономику к хронической зависимости от этого сырьевого товара. Если в 1950 году доля топливно-энергетических ресурсов в структуре экспорта СССР составляла 3,9%, то к 1985 году она увеличилась до 46,5%[94]. Резкое

[94] Катасонов В.Ю. Дивный новый мир финансов. М.: Книжный мир, 2019. С. 224.

снижение цен на нефть во второй половине 1980-х годов оказало мощное негативное воздействие на развитие советской экономики и стало одним из ключевых факторов глубокого экономического кризиса. С крахом СССР доллар стал играть ключевую роль в обслуживании внешнеэкономической деятельности России. В настоящее время, спустя три десятилетия после распада СССР, Россия предпринимает попытки освобождения национальной экономики от сырьевой зависимости и возвращения на траекторию независимого экономического развития.

Следует отметить уникальность положения России в современной мировой экономике. После разрушения советского планового хозяйства Российская Федерация была встроена в систему финансового капитализма без обеспечения стабилизирующих механизмов по нейтрализации внешних шоковых воздействий. Таким механизмом, в первую очередь, является наличие у страны собственной резервной валюты, позволяющей перекладывать издержки внутреннего развития и последствия финансово-экономических кризисов на другие страны и зарабатывать сеньораж (разницу между себестоимостью производства резервной валюты и её номинальной стоимостью).

Однако даже при отсутствии возможности эмиссии собственной резервной валюты и обладая всего 0,3% от объёма мировой денежной массы, Россия создает 2% мирового ВВП, обеспечивает 2,7% капитала МВФ и 4,6% международной ликвидности в форме золотовалютных резервов. При этом кумулятивная доля России в различных сегментах мирового финансового рынка составляет менее 1%. Выступая на протяжении последних двух десятилетий чистым международном кредитором, Россия имеет хронический отрицательный баланс инвестиционных доходов, что связано с существованием дискриминационного дифференциала процентных ставок между российскими зарубежными активами и российскими внешними

обязательствами. Кроме того, при совершении внешнеэкономических операций значительная доля создаваемой в России добавленной стоимости по каналу валютного курса перераспределяется в пользу владельцев долларовой ликвидности. Это обусловлено тем, что покупательная способность рубля является чрезвычайно заниженной по отношению к ключевой мировой валюте – доллару США. По данным британского издания The Economist, в июле 2019 года Россия занимала первое место среди стран с наиболее заниженным курсом национальной валюты[95].

Таким образом отношения России с внешним миром в современной парадигме финансового капитализма имеют следствием уменьшение национального российского богатства по трем основным каналам: через систему международного резервирования, через международный рынок капиталов и через заниженный курс рубля.

Несмотря на действующие в отношении России принципы неэквивалентного обмена с сфере международных финансов, в реальном секторе экономики Россия демонстрирует паритет с пятеркой стран-лидеров мировой экономики по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности. Так, результаты сопоставления международных позиций России по таким показателям устойчивого развития, как макроэкономическая зрелость, финансовая стабильность, глобальная значимость и технологическая готовность, выявили, что Россия (по половине выбранных для сравнения индикаторов) демонстрирует более устойчивые позиции развития, чем такие страны как США, Китай, Япония, Индия и Германия. Полученный сравнительный результат явно противоречит данным международных сопоставлений, проводимых западными

[95] The Big Mac Index. The Economist, July 10, 2019. URL: https://github.com/TheEconomist/big-mac-data/tree/master/output-data(дата обращения: 20.04.2020) (дата обращения: 20.04.2020)

международными организациями, в рейтингах которых Россия, как правило, не поднимается выше четвёртого десятка стран[96].

В настоящее время в различных межправительственных и академических кругах ведутся дискуссии относительно необходимости смены мирового экономического порядка, основанного на долларе США, как монетарной оси мировой валютно-финансовой системы. В данной связи представляется целесообразным обратиться к опыту функционирования двухконтурных денежных систем, особенностью которых является разделение финансовых потоков для решения целевых задач. На базе двухконтурной денежной системы предлагается рассмотреть возможность создания Евразийского финансового кластера с отделением внешней стоимости денег (валютного курса) от внутренней стоимости денег (покупательной способности). В данной системе внутреннее национальное производство и потребление продолжает обслуживаться в национальных денежных единицах, в то время как в сфере международной торговли и инвестиций вводятся коллективные расчетные денежные единицы. Такая конфигурация предотвращает вывод денег из экономики и их размещение в непроизводительные международные резервы. При этом страны не только сохраняют свой денежный суверенитет, но и не подвергаются дискриминации со стороны эмитента резервной валюты. В свою очередь доходы от внешней торговли через специально уполномоченные институты, такие, например, как Евразийский банк развития, направляются на финансирование значимых инфраструктурных проектов Евразийского экономического пространства.

Основная идея двухконтурной денежной системы заключается в выравнивании региональной производительности, которая не произойдет при

[96] Кузнецов А.В. Устойчивое развитие России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 10. С. 68-82.

обеспечении конвертируемости национальных валют в коллективно созданные, поскольку в данном случае сохранится возможность перераспределения через финансовый рынок благосостояния менее развитых стран в пользу более развитых, как это имеет место в действующей системе финансового капитализма.

Таким образом, для полноценного участия России в процессах глобализации необходима гармонизация национальной финансовой и экономической систем. Создание региональной автономной двухконтурной расчётно-платёжной системы может стать важным фактором проведения новой индустриализации российской экономики и выхода страны на траекторию опережающего развития.

Литература

1. Гринспен А. Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. М.: Альпина Паблишер, 2015.

2. Звонова Е.А., Кузнецов А.В. Институциональные подходы к монополизации мировой экономики и мировых финансов // Философия хозяйства. 2017. № 6. С. 90-108.

3. Канашевский В.А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирования. М.: Международные отношения, 2018.

4. Катасонов В.Ю. Дивный новый мир финансов. М.: Книжный мир, 2019.

5. Кузнецов А.В. Институциональные барьеры конкуренции валют в мировой валютной системе // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 10. С. 2341-2358.

6. Кузнецов А.В. Институциональные монополии в международном разделении труда // США-Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 9. С. 37-46.

7. Кузнецов А.В. Устойчивое развитие России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 10. С. 68-82.

8. Международные валютно-кредитные отношения: учебник и практикум. Под ред. Е.А. Звоновой. М.: Издательство Юрайт, 2014.

9. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Институт Гайдара, 2012.

10. Роговский Е.А. Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014.

11. Роуч С. Несбалансированные Созависимость Америки и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

12. Фергюсон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ: CORPUS, 2013.

13. Фридман Д., Краус В. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2012.

14. Хунбин С. Война валют. М.: РОО «Русский выбор», 2015.

15. Щукин О. Либрация доллара //Завтра. 26 июня 2019. URL: http://zavtra.ru/blogs/libratciya_dollara (дата обращения: 20.04.2020)

16. Bolstering the IMF lending capacity. IMF, 12 October, 2010. URL: http://www.imf.org/external/np/exr/faq/contribution.htm (дата обращения: 20.04.2020)

17. CRS by jurisdiction. OECD. URL: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/crs-implementation-and-assistance/crs-by-jurisdiction/ (дата обращения: 20.04.2020)

18. Euromoney FX Survey 2019 – results released. June 11, 2019. URL: https://www.euromoney.com/article/b1fpv028mthbmy/euromoney-fx-survey-2019-results-released (дата обращения: 20.04.2020)

19. European Central Bank. The International Role of the Euro, June 2019. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/ire/ecb.ire201906_annex.en.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

20. Financial Secrecy Index 2018. Tax Justice Network. URL: http://www.financialsecrecyindex.com/PDF/FSI–Methodology.pdf/ (дата обращения: 20.04.2020)

21. Global Financial Stability Report: Lower for Longer. IMF, October 2019. URL: https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2019/10/01/global-financial-stability-report-october-2019 (дата обращения: 20.04.2020)

22. Johnson B. Beyond Brexit: a Global Britain. Foreign & Commonwealth Office. 2 December 2016. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/beyond-brexita-global-britain. (дата обращения: 20.04.2020)

23. Large central bank balance sheets and market functioning. Report prepared by a Study Group chaired by Lorie Logan (Federal Reserve Bank of New York) and Ulrich Bindseil (European Central Bank). BIS, October 2019. URL: https://www.bis.org/publ/mktc11.htm (дата обращения: 20.04.2020)

24. Legal excellence, internationally renowned: UK legal services 2019. TheCityUK, 2019. URL: https://www.thecityuk.com/research/legal-excellence-internationally-renowned-uk-legal-services-2019/ (дата обращения: 20.04.2020)

25. Narunnabi M. Brexit and the Trump era: the future of IFRS // Business Horizons. 2019. Vol. 62. No. 3. P. 319-326.

26. RMB Tracker. SWIFT, January 2019. URL: https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmbtracker/document-centre (дата обращения: 20.04.2020)

27. Schrimpf A., Sushko V. Beyond LIBOR: a primer on the new benchmark rates. BIS Quarterly Review. March 2009. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1903e.htm (дата обращения: 20.04.2020)

28. Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton University Press, 2013.

29. The Big Mac Index. The Economist, July 10, 2019. URL: https://github.com/TheEconomist/big-mac-data/tree/master/output-data(дата обращения: 20.04.2020) (дата обращения: 20.04.2020)

30. The financial crisis: unresolved. The Economist, September 8, 2018. URL: https://www.economist.com/printedition/2018-09-08 (дата обращения: 20.04.2020)

31. The Global Financial Centres Index 25. URL: https://www.longfinance.net/publications/longfinance-reports/the-global-financial-centres-index 25/ (дата обращения: 20.04.2020)

32. The world's largest 500 asset managers at the end 2017.Willis Towers Watson, 2018. URL: https://willistowerswatson.pl/aktualnosci/pdf/2018.10.29-TAI-PI-500_2018.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

33. Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-counter (OTC) Derivatives Markets in 2019. Bank for International Settlements. URL: https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm (дата обращения: 20.04.2020)

34. United States Government Accountability Office. Federal Reserve System. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance. URL: https://www.gao.gov/new.items/d11696.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

35. Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. Vol. 6, No. 10. P. 1-6.

С.В. Казанцев,

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук

3.4. КАНАЛЫ ВНЕШНИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ЭКОНОМИКУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Внешние воздействия

Экономика любой современной страны встроена в мировую хозяйственную и международную социально-политическую систему, является её элементом. Она, как элемент общей системы, прямо и косвенно, непосредственно и опосредованно связана с частью или со всеми другими

элементами этой мировой системы. Поэтому состояние и развитие (социально-экономическое, демографическое, культурное, научно-технологическое, политическое, информационное) конкретной страны в той либо иной степени зависят от происходящих в мире процессов, от положение других стран и их поведения.

К числу наиболее важных внешних факторов непосредственного и опосредованного влияния на социально-экономическое развитие страны относятся следующие:

1. Международное законодательство, нормы и правила.

2. Геополитическая ситуация.

3. Введённые в отношении страны и установленные этой страной ограничительные и запретительные меры.

4. Природные катаклизмы.

5. «Чёрные лебеди», т.е. редкие, неожидаемые события, закономерности возникновения которых неизвестны. Они плохо поддаются прогнозированию и могут иметь значительные последствия. Одним из таких «черных лебедей» стал COVID-19.

6. Значимость страны в мире (экономическая, финансовая, политическая, военная, научная, культурная, образовательная, участие в международном разделении труда).

Связь между названными факторами и силой их воздействия положительная: чем больше мощь этих факторов, тем сильнее их влияние на социально-экономическое развитие страны. Для первых пяти факторов оно может быть как положительным, так и отрицательным, а для шестого – строго положительное.

Названные факторы воздействуют на:

I. Объёмы, видовую и географическую структуру внешней торговли, иностранных инвестиций, внешних заимствований, производства.

II. Характер, масштабы, виды, формы, географическую структуру производственных, деловых, научных, культурных, образовательных связей и обменов, туризма, информационных потоков.

III. Характер и силу военного, идеологического и политического противостояния, а также на конкурентную борьбу.

На геополитическое положение страны, её социальное- экономическое развитие влияет множество факторов и обстоятельств. В этом множестве можно выделять общие для некоторых групп стран подмножества, определять пути воздействия на страну таких подмножеств факторов и обстоятельств. Рассмотрим основные каналы передачи внешних негативных воздействий в экономике. В качестве факторов внешнего негативного воздействия на социально-экономическое развитие Российской Федерации возьмём выборку из введённых в отношении РФ в 2014 г. так называемых санкций США, ЕС и группы присоединившихся к ним государств.

Изоляция Российской Федерации от мировой финансовой системы

Меры, ограничивающие и запрещающие доступ российских хозяйствующих субъектов к внешним источникам финансовых ресурсов, включают разные виды ограничений и запретов[97] на:

- предоставление иностранными хозяйствующими субъектами кредитов российским физическим и юридическим лицам, а также иностранным физическим и юридическим лицам, имеющих бизнес в определённых государствами-санкционерами сферах экономической деятельности на территории России;

[97] По данным Министерства финансов США, при президенте Д. Трампе оно ввело порядка 2800 санкции в отношении физических и юридических лиц, судов и самолётов (James Politi. Trump administration leans on sanctions to shape foreign policy // URL: https://www.ft.com/content/a85a4246-169a-11ea-b869-0971bffac109 (дата обращения: 31.01.2020)

- инвестирование в экономику Российской Федерации и в предпринимательскую деятельность установленного круга её физических и юридических лиц;

- блокирование находящейся за пределами России собственности установленного круга российских физических и юридических лиц, замораживание их счетов в иностранных банках;

- запрет на приобретение акций ряда российских компаний и банков, а также государственных ценных бумаг;

- запретительные, ограничительные и санкционные меры в отношении третьих стран, физических и юридических лиц, не соблюдающих наложенные РФ санкции, распространение на них, так называемых, вторичных санкций.

Вот, например, требования к правительству Соединённых Штатов Америки, записанные в Дополнительных санкциях в отношении России в соответствии с Законом о контроле над химическим и биологическим оружием и ликвидации боевых действий 1991 г. (26 августа 2019 г.).

«Правительство Соединённых Штатов должно противодействовать … расширению предоставления любых кредитов или финансовой, или технической помощи России международными финансовыми институтами. … Правительство Соединённых Штатов должно запретить всем банкам Соединённых Штатов предоставлять любые займы и давать любые кредиты правительству России, за исключение займов и кредитов на покупку продовольствия и других сельскохозяйственных товаров и продуктов»[98].

Применение подобных «дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа

[98] Bureau of International Security and Nonproliferation; Imposition of Additional Sanctions on Russia Under the Chemical and Biological Weapons Control and Warfare Elimination Act of 1991 // URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/08/26/2019-18050/bureau-of-international-security-and-nonproliferation-imposition-of-additional-sanctions-on-russia (дата обращения: 26.08.2019)

к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям» отнесено в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к числу основных вызовов и угроз экономической безопасности России[99].

Ограничение и лишение доступа страны к ресурсам международной финансовой системы отрицательно сказывается на состоянии и развитии экономики этой страны. Опасаясь экстерриториальных санкций, иностранные инвесторы закономерно сокращают объёмы своих вложений в страны, компании, организации и другие попавшие под санкции объекты. Прежде всего, это относится к средним и мелким инвесторам, нуждающимся в банковских кредитах, и тем, кто ранее не вкладывал в изолируемые от мирового рынка объекты. Поэтому вполне закономерно, что после введения антироссийских санкций импорт Российской Федерацией финансовых услуг за 2014-2015 гг. сократился на 1390 млн долл. И в 2018 г. составил 54,1% от уровня 2013 г[100]. Международные фонды, державшие в 2013 г. акции российских компаний на сумму в 85,6 млрд долл., в 2015 г. после введения антироссийских санкций сократили их объём до 50,2 млрд долл.[101]

Антироссийские санкции осложняют жизнь не только отечественным, но и иностранным компаниям и банкам, давно работающим в Российской Федерации, продолжающих там своё дело и реинвестирующих получаемые прибыли. Официальные лица третьих стран, порой, выражают своё недовольство таким санкционным диктатом США, но пока ничего не могут ему противопоставить.

---

[99] Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ (дата обращения: 26.01.2020)

[100] Рассчитано по данным обзоров ВТО «Trade Statistical Review» за 2015-2019 гг. (https://www.wto.org/)

[101] Ткачев И. Иностранные инвесторы снова признали Россию «тихой гаванью» // URL: https://www.rbc.ru/economics/04/10/2019/5d966e859a79474605cae82b (дата обращения 5.12.2019)

Входящие в страну иностранные инвестиции

Одним из показателей включённости страны в мировую финансовую систему выступают объёмы и динамика прямых иностранных инвестиций. Они входят в набор индикаторов, используемых для составления индекса глобализации. После введения в марте 2014 г. антироссийских санкций объём чистого поступления прямых инвестиций в Россию сократился с 69,2 млрд долл. в 2013 г. до 22,0 в 2014 г. 6,9 млрд долл. – в 2015 г. В 2018 г. он составил 8,8 млрд долл.[102]

Из стран-санкционеров больше всего в 2014-2015 гг. чистые притоки прямых инвестиций в Российскую Федерацию уменьшили Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Великое Герцогство Люксембург (по 25% общего объёма сокращения) и Кипр (22%). На США пришлось лишь 0,4% общего объёма уменьшения рассматриваемых инвестиций из установивших антироссийские санкции стран, на Францию – 0,6%. После введения санкций доля чистых исходящих из Франции потоков прямых инвестиций в РФ в общем объёме её чистых исходящих потоков прямых инвестиций последовательно снижалась. В 2013 г. она составляла 12,04%, в 2014 г. – 4,19%, в 2015 г. – 3,29%, в 2018 г. оно равнялась 0,9%. В 2014-2015 гг. объёмы инвестиций в Российскую Федерацию увеличили Германия (32,9% от общего увеличения инвестиций в РФ), Швеция (37,9%), Австрия (21,0%)[103].

Анализируя объёмы и динамику поступающих в страну иностранных инвестиций, следует иметь ввиду, что в качестве иностранных в страну-реципиент могут приходить инвестиции, которые ранее были по разным причинам (например, с целью уклонения от налогов, отмывания денег,

---

[102] Рассчитано по данным ЦБ РФ // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 15.02.2020)

[103] Рассчитано на основе данных Центрального банка России // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 15.02.2020) и Мирового банка // URL: https://www.tatneft.ru/aktsioneram-i-investoram/struktura-aktsionernogo-kapitala?lang=ru (дата обращения: 15.02.2020)

сокрытия доходов, из-за неблагоприятных условий хозяйствования и т.д.) из неё выведены, и через некоторое время возвращаются уже как инвестиции иностранных резидентов. Это, так называемые, «круговые инвестиции». По оценке датского экономиста Нильса Йоханессена из Копенгагенского университета, от 50 до 60% входящих в Российскую Федерацию и исходящих из неё прямых иностранных инвестиций приходится на компании специального назначения (Special Purpose Entities) [104]. Это компании-пустышки, скрывающие страну-источник инвестиций. Они специально созданы только для транзита инвестиций на территории какой-либо страны, в которой они не ведут никакой хозяйственной деятельности.

Трудности с получением более дешёвых, чем внутри страны иностранных кредитов (отказ в предоставлении, запреты и ограничения), блокирование и замораживание счетов в зарубежных банках заставили российских физических и юридических субъектов обратиться к российским финансово-кредитным учреждениям. Измеренные в российских рублях объёмы кредитов, депозитов и прочих размещенных средства в иностранной валюте, предоставленные организациям, физическим лицам и кредитным организациям в РФ резко пошли вверх сразу после введения антироссийских санкций. Объём кредитов, депозитов и прочих размещённых средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям в иностранной валюте в 2014 г. вырос на 2,1 трлн руб., в 2015 г. – ещё на 3,3 трлн руб.[105]

Статистический анализ показал значимую (с двусторонним уровнем существенности $\alpha = 0{,}01$) в 2007-2018 гг. отрицательную линейную корреляционную связь объёма кредитов, депозитов и прочих размещённых средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным

[104] Neils Johannessen // URL: https://nielsjohannesen.net/FDIdatabase/ (дата обращения: 9.01.2020)
[105] Рассчитано по данным Росстата // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 29.12.2019)

организациям с объёмами поступивших в РФ прямых иностранных инвестиции: коэффициент линейной корреляции составил - 0,7374 для кредитов в рублях и - 0,7521 – в долларах. Коэффициент ранговой корреляции для кредитов из стран-санкционеров равен - 0,92 и - 0,715 соответственно[106].

Работающие в России банки также столкнулись с санкционными мерами и тоже имели трудности с получением иностранной валюты в зарубежных банках. Это, в частности, способствовало росту обменного курса рубля к американскому доллару. И если выраженную в рублях динамику изменения кредитов, депозитов и прочих размещённых средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям пересчитать на доллары США, в 2015 гг. получим не рост, а падение на уровне 600 млн долл.

Уменьшение объёмов внешнего и внутреннего финансирования отрицательно сказывается на размерах и динамике производственных инвестиций, их видовой и географической структуре. Поэтому в российской экономике объёмы инвестиций в основной капитал закономерно сократились после введения антироссийских санкций. Их среднегодовой темп прироста в 2014-2014 гг. составил -16%[107].

Известно, что инвестиции в основные производственные фонды направляются на замену выбытия основных производственных фондов, прирост фондов и прирост незавершённых капитальных вложения. Поэтому падение объёмов инвестиций в основные фонды в 2014-2015 гг. не могло не привести к уменьшению размеров последних. Среднегодовой темп из роста понизился на 0,8 процентных пункта[108].

[106] Рассчитано по данным ЦБ РФ // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 15.02.2020)
[107] Рассчитано по данным Росстата // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 29.12.2019)
[108] Рассчитано по данным Росстата // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 29.12.2019)

Объём создаваемой продукции

Сокращение объёмов инвестиций в основные фонды ведёт к моральному и физическому устареванию последних и, возможно, уменьшению их объёма в результате невозмещения (или неполного возмещения) выбывающих в связи с физическим износом основных фондов. В любом случае в общем объёме фондов уменьшится доля новых фондов, фондоотдача которых выше, чем старых. Средняя фондоотдача снижается, что, при прочих равных условиях ведёт к уменьшению объёмов выпуска продукции.

Далее, качество и структура основных фондов во многом определяют уровень материалоёмкости, производимой на них продукции. От неё зависят размеры затрат сырья и материалов, объёмы выпускаемой продукции. Рост материалоёмкости при прочих равных условиях ведёт к снижению объёмов выпуска отраслей, потребляющих сырьё, материалы и полуфабрикаты. При этом спрос на сырьё, материалы и полуфабрикаты стимулирует расширение размеров производства в создающих их сферах экономической деятельности.

К росту фондо- , материало- и трудоёмкости продукции также ведут запреты на поставки в страну передовых технологий, современных материалов, новой техники и научно-технической информации. Разные виды этих запретов входят в число антироссийских санкций.

По нашим расчетам, в 2014-2015 гг. фондоотдача в Росси снизилась на 4,2%, производительность труда – на 1,3%, ВВП в сопоставимых ценах - на 1,8%. Объём промышленного производства вырос на 0,9%[109].

Цены и доходы населения

Рост фондо- трудо- и материалоёмкости продукции увеличивает издержки производства, что в общем случае вызывает повышение цен.

[109] Рассчитано по данным Росстата // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 15.02.2019)

Антироссийские санкции, повлияв на увеличение издержек производства и сокращение производства выпуска группы видов продукции, способствовали повышению внутренних цен на потребительские товары. В результате в 2014-2015 гг. потребительские цены повысились на 24,5%. Это меньше, чем в 2008-2009 гг. - годы наибольшего влияния мирового финансово-экономического кризиса на экономику России, когда цены выросли на 27,5%[110]. Противодействие росту цен оказывает снижение платёжеспособного спроса населения и бизнеса.

Свой вклад в повышение внутренних цен вносят и запретительные меры со стороны Российской Федерации. Традиционно это меры защиты рынка (антидемпинговые, компенсационные и специальные и защитные пошлины); и прочие нетарифные меры (лицензирование, квоты, технические барьеры, санитарные и фитосанитарные меры). С 2014 г. к ним добавились российские контрсанкции[111], введённые «в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и в соответствии с федеральными законами от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» и от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»»[112]. По данным Росстата, продовольственная инфляция в 2014 г. составила 15,4%, в 2015 г. – 14%[113].

Росту цен на товары способствовала и девальвация рубля. Изоляция страны от мировых финансовых рынков, ограничения её внешнеэкономической деятельности рождают в этой стране дефицит иностранной валюты и вместе с рядом внешних и внутренних факторов ведёт

---

[110] Рассчитано по данным Росстата // [URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 15.02.2020)

[111] Оценку последствий введённых в 2014 г. и скорректированных в последующие годы контрсанкций см., например, в работе: Волчкова Н.А., Кузнецова П.О. Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния // Журнал НЭА. – 2019. – № 3 (43). – С. 173–183.

[112] Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: https://base.garant.ru/70711352/ (дата обращения: 17.01.2020)

[113] Росстат: инфляция в 2015 г составила 12,9% // ТАСС. URL: https://ria.ru/20150112/1042216490.html (дата обращения 20.04.2020)

к падению курса валюты страны по отношению к основным валютам международных расчётов. Поэтому закономерно, что курс рубля по отношению к доллару США снизился в 2014-2015 гг.: среднегодовой рост курса доллара по отношению к рублю был равен 149,2%[114].

Известно, что как снижение объёма валового внутреннего продукта, так и рост материалоёмкости продукции вызывает уменьшении конечного продукта. А инфляция ослабляет рост реальных доходов населения. Именно эти негативные процессы наблюдались в Российской Федерации сразу после введения антироссийских санкций и ответных мер со стороны руководства России. Среднегодовые темпы прироста реальных денежных доходов населения упали с 4,3% в 2012-2013 гг. до - 2,3% в 2014-2015 гг. и - 1,2% – в 2016-2018 гг. Среднегодовые темпы прироста конечного потребления составляли: 5,0% – в 2012-2013 гг., - 3,4% – в 2014-2015 гг. 1,0% – в 2016-2018 гг.[115]

2015 и 2018 гг. – годы наибольшего ущерба от санкций

Судя по имеющимся статистическим данным, после введения антироссийских санкций наиболее трудным для России был 2015 г. Следующий всплеск негативных для финансовой сферы России последствий произошёл в 2018 г. 6 апреля 2018 г. Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) министерства финансов США добавило в свой санкционный список «Specially Designated Nationals List» 24 человека из так называемого «кремлевского списка» и 14 крупных компаний. Зарубежные банки прекратили финансовые операции с российскими физическими и юридическими лицами, нерезиденты избавлялись от российских активов. Всё это усилила возникшая в конце лета 2018 г. угроза запрета на покупку нового госдолга и ограничения долларовых операций госбанков РФ. Чистый отток

[114] Рассчитано по данным Росстата // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 15.02.2020)
[115] Рассчитано по данным Росстата URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 15.02.2020)

капитала частного сектора из РФ в 2018 г. составил 63,0 млрд долл. против 24,3 млрд в 2017г. В 2019 г. он оценивается в 26,7 млрд долл.

Ресурсы развития Российской Федерации ограничивают не только антироссийские санкции. Кроме них в отношении России, как и многих других стран, действуют меры защиты рынка (антидемпинговые, компенсационные и специальные и защитные пошлины). На конец 2018 г. было 68 таких мер. Есть также нетарифные меры – лицензирование, квоты, технические барьеры, санитарные и фитосанитарные меры (91 мера).

Известно, что меры защиты рынка и санкции – это не единственные внешние ограничители ресурсов развития стран. Мировые экономические кризисы лишают страну не только необходимых для развития внешних ресурсов, но и внешних рынков сбыта товаров и услуг. Поэтому во многом их негативное воздействие на развитие страны схоже последствиями запретительных мер и санкций. Аналогия последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008-2010 гг. и антироссийских санкций наблюдается на динамике иностранных и отечественных инвестиций в Российской Федерации, экономических макропоказателях, индексах потребительских цен, динамике конечного потребления и реальных доходов населения, на состоянии консолидированного бюджета Российской Федерации.

Ограничения, санкции и другие меры давления на экономику и общество с целью их ослабления и уничтожения наша страна испытывает не впервые[116]. Это: «кредитная» и «золотая» блокады молодой Советской Республики, «технологическая блокада» СССР и многое другое. Во всех таких «блокадах» (на новоязе политкорректности – санкциях) действует одно право – право сильного. Попавших под санкции, блокадников заставляют умереть или сдаться на милость победителя. Они же стремятся выстоять и одолеть противников. Россиянам всегда это удавалось. Удастся и с антироссийскими санкциями.

[116] См. Казанцев С. В. Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2019. – 100 с.

Литература

1. Волчкова Н.А., Кузнецова П.О. Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния // Журнал НЭА. – 2019. – № 3 (43). – С. 173–183.

2. Всемирная торговая организация. Официальный сайт // https://www.wto.org/ (дата обращения: 21.12.2019)

3. Казанцев С.В. Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2019. – 100 с.

41. Мировой банк. Официальный сайт // URL: https://www.tatneft.ru/aktsioneram-i-investoram/struktura-aktsionernogo-kapitala?lang=ru (дата обращения: 15.02.2020).

5. Росстат: инфляция в 2015 г составила 12,9% // ТАСС. URL: https://ria.ru/20150112/1042216490.html (дата обращения 20.04.2020)

6. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/ (дата обращения: 26.01.2020)

7. Ткачев И. Иностранные инвесторы снова признали Россию «тихой гаванью» // URL: https://www.rbc.ru/economics/04/10/2019/5d966e859a79474605cae82b (дата обращения 20.04.2020)

8. Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: https://base.garant.ru/70711352/ (дата обращения: 17.01.2020)

9. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт // URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 29.12.2019).

10. Центральный банк Российской Федерации. Официальный сайт // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 15.02.2020)

11. Bureau of International Security and Nonproliferation; Imposition of Additional Sanctions on Russia Under the Chemical and Biological Weapons Control and Warfare Elimination Act of 1991 // URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/08/26/2019-18050/bureau-of-international-security-and-nonproliferation-imposition-of-additional-sanctions-on-russia (дата обращения: 26.08.2019)

12. James Politi. Trump administration leans on sanctions to shape foreign policy // URL: https://www.ft.com/content/a85a4246-169a-11ea-b869-0971bffac109 (дата обращения: 31.01.2020)

13. Neils Johannessen // URL: https://nielsjohannesen.net/FDIdatabase/ (дата обращения: 9.01.2020)

В.А. Плотников,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет;

Ю.В. Вертакова,

Финансовый университет

3.5. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ[117]

Сегодня цифровизация и экономистами, и политиками, как в России, так и за рубежом называется в качестве одной из основных тенденций развития экономики и общества в целом. Этому вопросу посвящено значительное количество исследований [118]. В связи с развитием

[117] Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ РФ НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

[118] См. Вертакова Ю.В., Толстых Т.О., Шкарупета Е.В., Дмитриева В.В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 156 с.; Грязнова А.Г., Антонюк В.С., Корниенко Е.Л. Региональные проблемы управления инфраструктурой связи в цифровой экономике // Управленец. 2019. Т. 10. № 4. С. 38-50; Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Мировой рынок труда под влиянием цифровизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6 (114). С. 26-30; Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V. Digital labour and development: im-pacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods // Transfer. 2017. Vol. 23 (2). P. 135-162; Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995 и др.

цифровизации, применительно к экономическим исследованиям, большое распространение получил термин «цифровая экономика». Популярность отечественных разработок в этой области стремительно растёт, что подтверждается данными, приведёнными на рисунке 3.

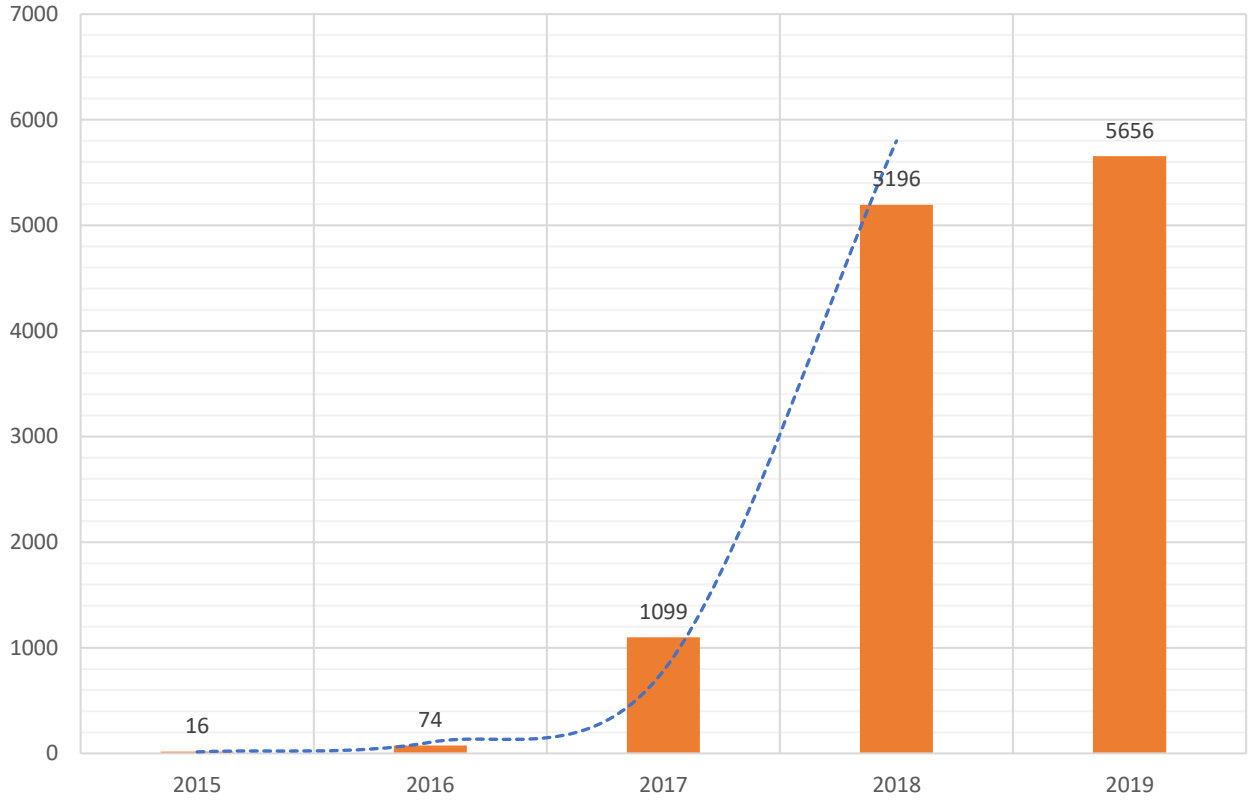


Рис. 3. Количество русскоязычных научных публикаций, имеющих словосочетание «цифровая экономика» (с учётом морфологии) в названии, ед.

Источник: составлено Вертаковой Ю.В. по данным ресурса elibrary.ru.

Как следует из приведённых на рисунке 3 данных, исследовательский интерес к разработке проблем цифровой экономики возрастает экспоненциально. Если рассмотреть данные за 2015-2018 гг. (на момент проведения нашего исследования – март 2020 г. – полных данных за 2019 год ещё не было представлено, в силу определенных временных задержек между моментом выхода научной публикации и индексацией её на ресурсе elibrary.ru), то динамика числа публикаций (*P*) с большой точностью

($R^2 = 0{,}9869$) может быть описана экспоненциальной зависимостью: $P = 1{,}9094\ exp(2{,}0047\ Y)$, где Y – номер календарного года (эта зависимость обозначена на рисунке 1 пунктирной линией).

Не обойдена рассматриваемая проблематика и вниманием властей. В 2017 году распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Затем на её основе была принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», паспорт которой утверждён решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года. С лета 2017 года, т.е. уже почти 2,5 года, в России принимаются довольно энергичные меры по реализации указанных программных документов.

В частности, по данным Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, на реализацию национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в течение 2018-2024 гг. предполагается привлечь финансирование в объёме 1,634 трлн руб. (в т.ч. 1,1 трлн руб. из средств федерального бюджета и 534 млн руб. из внебюджетных источников); в 2019 г. на эту финансирование программы было назначено 108 млрд руб. из федерального бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация сегодня находится в центре внимания как общественности и исследователей, так и официальных властей. В то же время, в этой предметной области сложилась определенная противоречивость в используемой терминологии. Речь, прежде всего, идёт о самом термине «цифровая экономика». Как показано в одной из более ранних статей одного из соавторов данной публикации[119], с научных позиций этот термин не вполне корректен.

[119] Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.

Это признается и на международном уровне. Так, в Докладе о цифровой экономике, подготовленном ЮНКТАД (2019 г.), отмечается, что «при оценке масштабов цифровой экономики, а также создаваемой в ней стоимости и получаемых выгод возникает множество трудностей. Во-первых, нет общепринятого определения цифровой экономики. Во-вторых, не хватает достоверных статистических данных о её ключевых компонентах и аспектах» [120]. Заметим, что вторая «трудность» является логичным продолжением первой, определяется ею, т.к., если мы не дали строгой дефиниции экономического феномена, не разграничили его от других явлений и процессов экономической действительности, то, естественно, мы не сможем собрать, систематизировать и строго оценить относящуюся к этому феномену информацию.

Мы полагаем, что в силу отмеченной недостаточной сформированности терминологического поля, более корректно использовать не термин «цифровая экономика», но термин «цифровизация». В чем преимущество такого подхода? «Цифровизация» – понятие более широкое по сравнению с «цифровой экономикой». Цифровизация, в нашем понимании, – это процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности, а не только в экономику. Формирование и развитие цифровой экономики, как нового для нас феномена, с учётом этой авторской позиции, является следствием проникновения (spreading) цифровизации в экономические отношения, распространения процессов цифровизации на экономику (*spreading*).

Такой методологический подход снимает многие кажущиеся сегодня новыми и малоисследованными проблемы экономико-теоретического

[120] Доклад о цифровой экономике – 2019. Электронный ресурс, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (дата обраще-ния 01.01.2020) С. 5.

осмысления цифровизации экономики, формирования и развития цифровой экономики как кажущегося принципиально новым феномена. Его новизну мы, безусловно, не отрицаем. Но взгляд на эту новизну как на нечто принципиально новое, на наш взгляд, не соответствует реалиям. Цифровизация экономики не есть что-то принципиально новое. Ранее на протяжении нескольких десятилетий речь шла об «информатизации» и, соответственно «информационной экономике». Эта концепция тщательно, многосторонне и продуктивно была исследована и российскими, и зарубежными экономистами[121].

Действительно, что есть цифровизация? Чем она отличается от информатизации? Содержательный анализ показывает, что это – близкие по своей сути феномены. С позиций влияния на общество и экономику найти между ними принципиальные различия довольно затруднительно. В то же время, отличия цифровизации и информатизации имеются, ключевые из них носят технологический характер и связаны с тем, что цифровизация оперирует исключительно дискретными данными. Информатизация – более широкая, по сравнению с цифровизацией, категория. Она охватывает информационные процессы различных типов, а не только те, которые касаются дискретной, т.е. оцифрованной информации.

Таким образом, мы можем сделать важный, с позиций экономико-теоретического осмысления изучаемых категорий, вывод о том, что цифровизация – это частное проявление более широкого явления информатизации общества, которое развивается со второй половины XX века и получило довольно глубокую теоретическую и концептуальную

[121] См. Варакин Л.Е. Глобальное информационное общество: критерии развития и социально-экономические аспекты. М.: МАС, 2001. 43 с.; Зусев Г.Ю. Информационная экономика и её влияние на формирование и развитие нового типа социально-экономических отношений // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 5 (71). С. 68-70; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Электронный ресурс, URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 30.11.2019); Сухарев О.С. Информационная экономика: аспекты развития // Финансы и кредит. 2009. № 5 (341). С. 8-21; Duff A.S. Information Society. In: Wright J.D. (ed.) International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Elsevier, 2015. P. 83-89. и др.

проработку как в экономической теории, так и в целом в социальных науках. В этой связи, правомерно утверждать, что все закономерности, принципы, методы и иной инструментарий анализа и управления процессами информатизации в полной мере применимы и к цифровизации, конечно с некоторым учётом специфики последней.

Т.е. цифровизация – это современный этап развития информатизации («цифровая информатизация»), отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации, что обусловлено появлением и распространением (в том числе повышением экономической и физической доступности) новых технических средств и программных решений.

Несомненными экономическими преимуществами цифровизации перед информатизацией в целом являются: рост помехоустойчивости информационных систем, что приводит к повышению эффективности коммуникаций экономических субъектов; возможность уменьшения массо-габаритных характеристик оборудования, что снижает материалоемкость производства, уменьшает энергопотребление, позволяет экономить транспортные расходы и т.д.; унификация и сопряжение в единую цифровую информационную систему разнородных организационных и технических элементов, что приводит, в конечном итоге, к появлению нового класса технико-организационно-социо-экономических систем, которые получили название «киберфизических».

На последнем обстоятельстве мы считаем необходимым остановиться особо. В экономической теории традиционно выделяются различные уровни экономических отношений: технико-экономические (уровень взаимодействия человека-работника при использовании овеществленного капитала), организационно-экономические (уровень взаимодействия трудовых коллективов при использовании имущественных комплексов

фирм), социально-экономические (уровень взаимодействия всех членов общества с его экономической подсистемой). Несмотря на диалектическое единство этих уровней, они, всё же, относительно обособлены. В рамках цифровой трансформации создаются предпосылки для интеграции всех этих уровней в рамках целостных систем, свойства которых ещё требуют теоретического осмысления.

В логику наших рассуждений о том, что цифровизация – лишь современный этап информатизации, которые являются плодом нашего самостоятельного анализа, хорошо укладывается и позиция ООН, которая на протяжении ряда лет готовила мировые Доклады об информационной экономике, но в 2019 году впервые выпустила мировой Доклад о цифровой экономике[122]. То есть, на официальном международном уровне цифровую экономику отныне предложено рассматривать как современную форму предметного воплощения информационной экономики.

Цифровизация, помимо того, что она интегрирует все уровни экономики, трансформируя её структуру, на что мы указывали выше, вызывает достаточно существенные и наблюдаемые уже сегодня изменения во всех звеньях воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен, потребление). Если говорить о степени влияния цифровизации на хозяйственную систему, её изменения, то, по нашему мнению, в первую очередь следует обратить внимание на основу экономики – материальное производство.

Несмотря на то, что в последние десятилетия в экономической теории достаточно сильно укрепилась точка зрения на то, что в экономической модели будущего, которая будет носить постиндустриальный характер, значимость материального производства будет снижаться, мы считаем такую

[122] Доклад о цифровой экономике – 2019. Электронный ресурс, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (дата обраще-ния 01.01.2020)

позицию дискуссионной и недостаточно подтверждённой эмпирическими данными. В этом мы солидарны с позицией ряда исследователей [123]. Снижение доли материального производства в совокупном выпуске действительно наблюдается, удельный вес первичного и вторичного секторов в экономике сокращается, тогда как третичного – возрастает. Но это говорит лишь о том, что эти факты имеют место быть.

Убедительных доказательств того, что эти количественные изменения приводят к качественным трансформациям в экономике, по нашему мнению, нет. Ведь любая креативная, творческая, знаниевая, сервисная и т.д. деятельность (а в последние годы появилось немало теоретических концепций, где перечисленный нами далеко не полный перечень эпитетов механически соединяется со словом «экономика», после чего выстраивается новая модель, например, креативной экономики, которая якобы заменяет модель, основанную на материальном производстве) строится на том или ином материальном фундаменте, материально-технической базе. В её отсутствие само существование «новой» модели экономики может быть поставлено под вопрос.

Сходной позиции придерживаются, например, авторы [124], которые указывают на то, что для становления и эффективного функционирования в России модели цифровой экономики необходимо, в первую очередь, сформировать развитую и отвечающую современным техническим и экономическим требованиям инфраструктуру связи, для создания и последующей безаварийной эксплуатации которой, как логично предположить, необходимо наличие соответствующих производственных мощностей.

---

[123] См., например Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.; Юсов А.Б. Критика теории постиндустриального общества // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 36-38.

[124] Грязнова А.Г., Антонюк В.С., Корниенко Е.Л. Региональные проблемы управ-ления инфраструктурой связи в цифровой экономике // Управленец. 2019. Т. 10. № 4. С. 38-50.

Таким образом, по нашему мнению, развитие цифровизации, в первую очередь, следует анализировать в связке с использованием цифровых технологий в промышленности. Это связано с тем, что цифровые технологии дают промышленному производству ряд преимуществ, важнейшие из которых следующие: повышается гибкость производства за счёт быстрой (вплоть до *real-time* режима) его перенастройки, динамичного изменения характеристик производственного процесса и номенклатуры производимой продукции; обеспечивается информационная интеграция всех этапов управления жизненным циклом производимой продукции от её разработки до утилизации.

Сегодня происходит повышение уровня зависимости производства, экономики и общества в целом от используемых цифровых технологий. Они становятся критически важным элементом производства, от надежности и устойчивости функционирования цифровых элементов и систем начинает зависеть не только эффективность современного производства, но и сама возможность его осуществления. Это обусловило попытки стандартизации и унификации в области промышленной цифровизации, что нашло отражение в Промышленным интернете вещей – ПИВ (Industrial Internet of Things – IIoT)[125].

По данным J'son & Partners Consulting[126], применение ПИВ в мировой промышленности приводит к ряду положительных эффектов, среди которых: сокращение сроков подготовки производства; сокращение продолжительности производственного цикла; снижение эксплуатационных расходов и повышение энергоэффективности; сокращение количества и длительности простоев оборудования, повышения уровня его загрузки; рост

[125] Kumar S., Tiwari P., Zymbler M. Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review // Journal of Big Data. 2019. Vol. 6. Arti-cle 111. DOI: 10.1186/s40537-019-0268-2.

[126] Industrial Internet of Things – IioT. Электронный ресурс, URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IIoT_-_Industrial_Internet_of_Things_(Промышленный_интернет_вещей) (дата обращения 19.01.2020)

качества производимой продукции и др. Безусловно, все эти эффекты, в конечном итоге, повышают конкурентоспособность предприятия, внедрившего технологии ПИВ, и его продукции. Помимо этого, за счёт интегративного эффекта, создаются предпосылки для кластеризации промышленности и формирования устойчивых (что особенно важно в условиях нестабильной внешней среды) экосистем предприятий.

К сожалению, в настоящее время надежных аналитических данных, обладающих достаточной репрезентативностью, характеризующих эффективность использования ПИВ в промышленности, нет. Обычно при анализе эффективности от внедрения тех или иных элементов и систем ПИВ перечисляются ожидаемые качественные эффекты, адаптированные к предметной области внедрения. Например, для обрабатывающей промышленности называются следующие положительные эффекты [127] : оптимизация процессов, большая гибкость производственных процессов, увеличение степени автоматизации, повышение эффективности работы и снижение частоты отказов, ускоренное выявление слабых сторон и проблем производительности, более точные прогнозы состояния машины и более эффективное обслуживание, экономия средств за счёт избежания ненужного ремонта, лучшая доступность и меньшее число отказов компьютеров, улучшенный контроль качества и снижение уровня ошибок, улучшенная прозрачность благодаря доступу к машинным данным, улучшенное техническое обслуживание клиентов, разработка новых бизнес-областей и моделей.

В этой связи, по нашему мнению, одной из перспективных задач научных исследований, необходимость решения которой актуализируется расширяющейся практикой использования ПИВ, является разработка

[127] Eschberger T. The Industrial Internet of Things and its Role in the Manufacturing In-dustry. Электронный ресурс, URL: https://www.lead-innovation.com/english-blog/industrial-internet-of-things (дата обращения 03.03.2020)

методов количественной оценки экономического эффекта и экономической эффективности внедрения цифровых технологий, в том числе – промышленного интернета вещей. Без решения этой, на первый взгляд, сугубо теоретической задачи, развитию процессов цифровизации промышленности будет препятствовать непонимание руководителями предприятий возможностей монетизации получаемых от неё положительных эффектов.

Тем не менее, имеющиеся количественные данные свидетельствуют о росте распространенности ПИВ, который, согласно классической схеме жизненного цикла инновации, к настоящему времени, по нашей оценке, вышел на стадию диффузии. Этот рост распространенности косвенно свидетельствует об экономической эффективности цифровизации, в данном случае – в материальном производстве.

Так, по данным Microsoft[128], в настоящее время 85% компаний имеют по крайней мере один проект использования ПИВ. При этом, данное количество будет увеличиваться, поскольку 94% респондентов заявили, что к 2021 году они уже будут реализовывать стратегии в области внедрения и развития ПИВ. IDC прогнозирует[129], что к 2022 году расходы на технологии ПИВ достигнут 1 трлн долл. При этом, крупнейшими секторами, в которых ожидаются инвестиции в ПИВ, будут материальное производство и инфраструктура.

Положительные прогнозы развития и расширения использования ПИВ и иных цифровых технологий на средне- и долгосрочную перспективу дают и другие ведущие мировые аналитические центры (Verizon: к 2020 г. количество подключенных к ПИВ устройств вырастет до 5,4 млрд, при этом рост за 6 лет составит 4,5 раза; Global Market Insights: с 2017 по 2023 гг.

[128] Berry J. Industrial internet of things trends to dominate in 2020. Электронный ресурс, URL: https://mobidev.biz/blog/industrial-iot-internet-of-things-trends (дата обращения 03.03.2020)
[129] Там же.

мировой рынок ПИВ будет расти со среднегодовыми темпами свыше 14% до более чем 700 млрд долл.; Machina Research: к 2025 г. мировой рынок ПИВ достигнет 484 млрд. евро; Accenture: в 2030 году вклад ПИВ в мировую экономику составит более 14 трлн долл.; и т.д.)

Следует подчеркнуть, что мы не склонны фетишизировать цифровизацию экономики. Мы относимся к ней с прагматических позиций, с позиций экономической целесообразности внедрения и использования цифровых технологий. Несмотря на то, что на макро- и даже мезоуровне экономики цифровизация стала устойчивым трендом, на микроуровне – для конкретного предприятия её преимущества не всегда очевидны. С позиций экономических, цифровизация целесообразна лишь в той степени, в какой она позволяет повысить экономическую эффективность производства, сформировать новые и развить имеющиеся конкурентные преимущества предприятия. И в успешном решении этих проблем, по нашему мнению, следует активнее использовать меры государственной поддержки, реализуемые в рамках промышленной, научно-технической, инновационной и иных направлений государственной экономической политики.

Такой интервенционизм оправдан и целесообразен. Очевидно, что успешность внедрения инновационных технологий (а цифровые технологии, безусловно, являются инновационными) существенно зависит не только от их влияния на внутренние процессы и организацию предприятий, трансформации их позиционирования на рынке, но и от институциональных условий деятельности. Корректировка этих условий путем внесения изменений в налоговую систему, процессы государственного администрирования, управления государственным имуществом, систему подготовки кадров, государственные закупки и т.д. может способствовать либо тормозить цифровизацию экономики.

В указанной институциональной трансформации необходимо учитывать не только зарубежный опыт, но и отечественный, накопленный в советский период развития страны. Безусловно, этот опыт требует адаптации к современным реалиям, в то же время, система неформальных институтов в современной России и СССР во многом совпадают, что определяется общностью институциональных матриц[130], поэтому учёт именно советского опыта нам – по крайней мере в данном вопросе – представляется предпочтительным.

Как известно[131], согласно отраслевой программе Минприбора СССР, утверждённой в 1980 году, к 1990 году должны были быть разработаны и внедрены в промышленность 9 типовых (тиражируемых) гибких производств. И эти планы были вполне реализуемы. Да, они строились на иных технических решениях, но концептуально – на тех же идеях и концепциях, что и современные системы ПИВ. «Вот, что в этой связи писала газета «Известия» 30 ноября 1983 года: «В нашей стране на разных предприятиях уже действует около 60 гибких систем. «Мы намечаем выпуск, – отмечал министр станкостроительной и инструментальной промышленности Б.В. Бальмонт, – литейных, кузнечно-прессовых, различных металлорежущих гибких автоматизированных модулей. Так, московский завод «Красный пролетарий» должен наладить серийный выпуск токарных модулей для обработки легких деталей, а Рязанский завод – для тяжелых, Харьковский завод имени С.В. Косиора – шлифовальных, Горьковский завод – фрезерных. Ряд предприятий организует выпуск

[130] Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
[131] Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.

фрезерно-расточных модулей на базе станков типа «обрабатывающий центр». Они будут производиться в Иванове, Ленинграде, Одессе»[132].

Мы провели анализ не только российского исторического, но и современного международного опыта. К каким выводам мы пришли? Цифровизация производства, если рассматривать её не с умозрительных теоретических позиций, а с позиций прагматических (заметим, что по-другому – нельзя, ибо процесс этот весьма высокозатратный), преследует цель, прежде всего, проведения «новой индустриализации». Но не путём расширения имеющихся производств и создания их аналогов на основе модернизации, а путем создания новых предприятий на новой технологической основе, базирующейся на «цифре».

Именно за счёт этого изменяется структура хозяйственной системы. Аналогичного взгляда на цифровизацию, как инструмент повышения эффективности экономической, в частности – промышленной, деятельности придерживаются и в других странах (Германии, США, Японии, Китае и др.). В этой связи, деятельность по цифровизации российской экономики должна быть тесно увязана с промышленной политикой, проведением реиндустриализации[133]. Только в этом случае можно рассчитывать на создание конкурентоспособных отечественных промышленных производств, основанных на цифровизации.

Для успешной цифровизации российской промышленности, помимо согласования и гармонизации интересов бизнеса и государства, развития соответствующей цифровой институциональной среды, также требуется работа по таким направлениям, как: разработка и гармонизация промышленных стандартов; разработка и реализация комплекса мер по обеспечению информационной безопасности; подготовка кадров

[132] Ситников А. Промышленная Россия 4.0: перед лицом краха. Электронный ресурс, URL: http://svpressa.ru/economy/article/187584 (дата обращения 28.05.2018)
[133] Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

для цифровых производств; расширение сотрудничества в системе «бизнес – наука – образование – власть» и др.

Что будет, если нам не удастся встроиться в мировой тренд цифровизации? Насколько это критично? На рисунке 4 показаны среднегодовые темпы роста мировой экономики с 1961 по 2018 гг. Из приведённых данных видно, что, во-первых, эти темпы (столбики на диаграмме) отличаются существенной неравномерностью, которая обусловлена присущей экономике рыночного типа цикличностью в развитии; во-вторых, общий долгосрочный тренд (пунктирная линия на диаграмме) для темпов роста – понижательный. Если этот тренд продолжится, то мир ждет «новая нормальность», с сопровождающей её фактической стагнацией.

Применительно к России это означает фактическую консервацию сложившегося положения с крайне вялыми темпами роста и углублением отставания от ведущих экономик мира, которое, накапливаясь, может не только не привести к достижению амбициозной цели, сформулированной Президентом Российской Федерации (2018 г.) – войти в пятерку крупнейших экономик мира, но и существенно снизить качество и уровень жизни населения, а в перспективе привести к утрате пока ещё сохранившихся и поддерживаемых политическими усилиями властей элементов экономического суверенитета.

Ускорение темпов развития возможно лишь на основе технологического рывка, основой, технологическим ядром которого и выступает цифровизация. Наступление 4-й технологической революции или «цифровой» революции обусловлено, по нашему мнению, объективными факторами генезиса хозяйственной системы. Эта закономерность хорошо «вписывается» в закономерность смены технологических укладов,

обусловленную динамикой длинных волн Н.Д. Кондратьева, на наступление которой указывают многие специалисты[134].

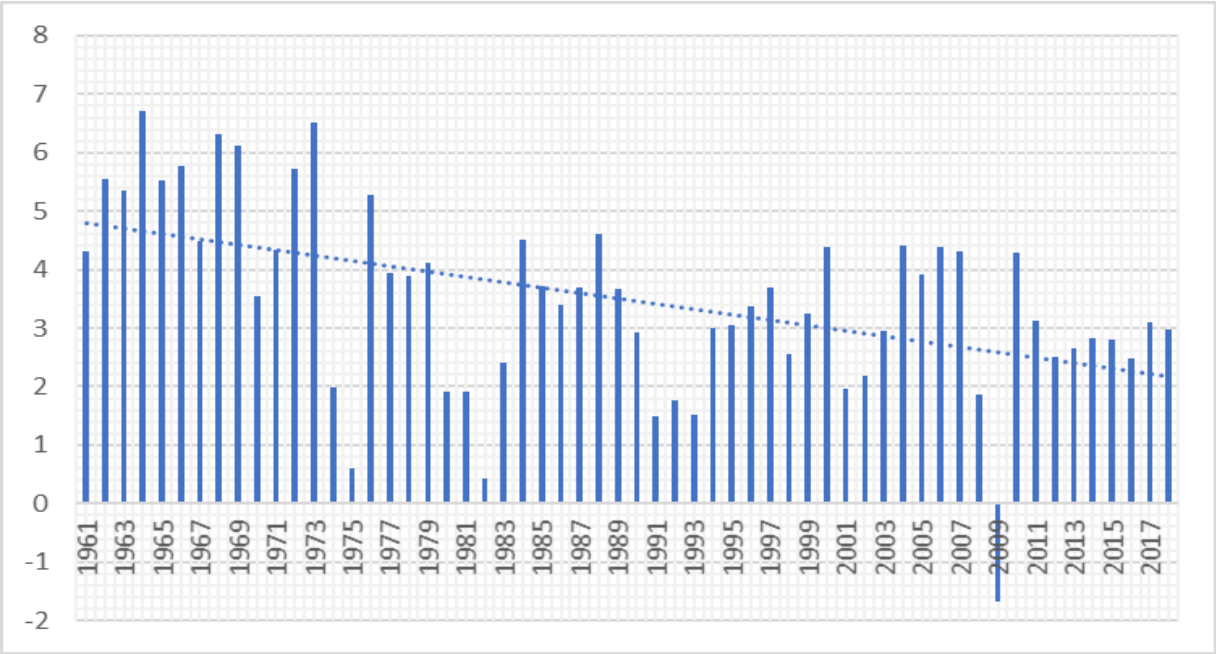


Рис. 4. Долгосрочные темпы роста мировой экономики, %

Источник: составлено Плотниковым В.А. по данным Всемирного Банка.

У возможности такого экономического рывка, ускорения темпов роста на основе цифровизации есть хороший теоретический фундамент. Обратимся к известной теореме, сформулированной и доказанной нобелевским лауреатом Рональдом Коузом:

«Если: (1) права собственности на активы четко определены, и

(2) трансакционные издержки, связанные с обменом этими активами, равны нулю,

то: (3) результирующее размещение прав собственности на активы будет эффективным,

(4) каким бы ни было изначальное распределение прав собственности на них».

[134] Акаев А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России. 2013. № 2 (61). С. 7-29; Касаткин П.И., Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Роль современных университетов в формировании цифровой повышательной волны длинных циклов Кондратьева // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 123-140. и др.

Выполнение условия (1) определяется развитостью институциональной системы. Условие (4) определяет исходные условия экономического моделирования, а (3) – гарантирует высокую эффективность. Но эта высокая эффективность может быть достигнута лишь при условии реализации допущения (2), которое в то время, когда указанная теорема формулировалась, казалось невозможным, чересчур идеалистическим, в связи с чем теорема Р. Коуза имела большее отношение к «чистой» экономической теории, чем к хозяйственной и социальной практике.

Цифровизация привела к тому, что ключевое условие для реализации на практике теоремы Р. Коуза стало выполнимым. И это создаёт предпосылки для решения главной проблемы, которая лежит в центре внимания современной экономической науки – проблемы эффективного распределения ограниченных ресурсов.

Итак, практическое значение цифровизации, в контексте её влияния на хозяйственную систему, на наш взгляд, доказано, её теоретические основания также рассмотрены. Каковы задачи для экономической науки, связанные с дальнейшим изучением и осмыслением затронутых в нашем исследовании процессов? Не претендуя на полноту, отметим ключевые, на наш взгляд, проблемы, требующие теоретического анализа.

1. В экономической системе сформировался достаточно обширный цифровой сегмент. Многочисленные исследователи анализируют его масштабность, структуру, темпы и направленность изменений и т.д. При этом, единого понимания того, что же представляет собой цифровая экономика, так и не сформировалось. Её границы весьма расплывчаты и неопределенны. Например, в мировом Докладе о цифровой экономике (ЮНКТАД, 2019) выделяется по крайней мере три трактовки её границ. То есть сегодня мы не можем ответить на вопрос: Что есть цифровая

экономика? Если нет границ объекта исследования, то как тогда можно получить какие-то адекватные результаты?

Приоритетной проблемой для современной экономической науки, в этой связи, нам видится определение самого понятия цифрового сектора экономики, цифровой экономики или какого-то иного, аналогичного, но признаваемого большинством научного сообщества. Без этого двигаться дальше нельзя.

2. Вторая проблема логично вытекает из первой. Для оперирования с реальными данными о цифровой экономике, требуется формирование специальной, гармонизированной на межстрановом и национальном уровне подсистемы статистического наблюдения, учитывающей её проявления. И решение этой проблемы не может быть тривиальным. Её сложность определяется всё чаще наблюдаемой имплементированностью (встроенностью) цифровых элементов в традиционные товары.

Поясним эту мысль. Считать ли, например, «цифровым продуктом» робот-пылесос, представляющий собой, по сути, традиционный пылесос с цифровым блоком управления? А автомобиль, оснащенный автопилотом, спутниковой навигацией, техническим зрением и многими другими цифровыми системами? И этот перечень можно продолжить. То есть речь в данном случае идёт не только о внедрении в систему национальных счетов каких-то новых регистров «цифрового учёта», но и о формировании всей системы методического, документационного и организационного обеспечения ведения этого учёта, вплоть до микроуровня хозяйственной системы.

3. В цифровом секторе экономики наблюдается процесс формирования безлюдных производственных кластеров. То, что сравнительно недавно казалось научной фантастикой, на передовых цифровизированных предприятиях постепенно становится реальностью: машины без участия

человека или при минимальном его участии начинают воспроизводить самоё себя. С учётом достаточно больших успехов в создании искусственного интеллекта, обладающего способностью к самообучению, этот процесс, по-видимому, будет ускоряться. Как быть с продуктом, который будет создаваться (и уже создается) на безлюдных цифровых фабриках?

Одна из фундаментальных основ современной экономической теории, предложенная учеными классической школы и доведенная до логического завершения К. Марксом, это – трудовая теория стоимости. Но она не может дать ответа на вопрос о природе стоимости продукта цифровых фабрик. Что должно прийти на смену трудовой теории стоимости в цифровую эпоху? Какова она – новая «теория цифровой стоимости»? Ответов на эти вопросы пока что не существует. Но без ответа на них ни теоретического понимания, ни эффективного управления в цифровой экономике достичь не получится.

Безусловно, приведённый список направлений не претендует и не может претендовать на полноту и законченность. Это – авторское видение исследовательской программы ближайшего времени. Решение обозначенных проблем позволит сформировать новые теоретические подходы и инструментарий исследования хозяйственной системы в цифровую эпоху.

Литература

1. Вертакова Ю.В., Толстых Т.О., Шкарупета Е.В., Дмитриева В.В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 156 с.

2. Грязнова А.Г., Антонюк В.С., Корниенко Е.Л. Региональные проблемы управления инфраструктурой связи в цифровой экономике // Управленец. 2019. Т. 10. № 4. С. 38-50.

3. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Мировой рынок труда под влиянием цифровизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 6 (114). С. 26-30.

4. Graham M., Hjorth I., Lehdonvirta V. Digital labour and development: impacts of global digital labour platforms and the gig economy on worker livelihoods // Transfer. 2017. Vol. 23 (2). P. 135-162.

5. Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995.

6. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16-24.

7. Доклад о цифровой экономике – 2019. Электронный ресурс, URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf (дата обращения 01.01.2020)

8. Варакин Л.Е. Глобальное информационное общество: критерии развития и социально-экономические аспекты. М.: МАС, 2001. 43 с.

9. Зусев Г.Ю. Информационная экономика и её влияние на формирование и развитие нового типа социально-экономических отношений // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 5 (71). С. 68-70.

10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Электронный ресурс, URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (дата обращения 30.11.2019)

11. Сухарев О.С. Информационная экономика: аспекты развития // Финансы и кредит. 2009. № 5 (341). С. 8-21.

12. Duff A.S. Information Society. In: Wright J.D. (ed.) International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Elsevier, 2015. P. 83-89.

13. Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

14. Юсов А.Б. Критика теории постиндустриального общества // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 36-38.

15. Kumar S., Tiwari P., Zymbler M. Internet of Things is a revolutionary approach for future technology enhancement: a review // Journal of Big Data. 2019. Vol. 6. Article 111. DOI: 10.1186/s40537-019-0268-2.

16. Industrial Internet of Things – IioT. Электронный ресурс, URL: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:IIoT_-_Industrial_Internet_of_Things_(Промышленный_интернет_вещей) (дата обращения 19.01.2020).

17. Eschberger T. The Industrial Internet of Things and its Role in the Manufacturing Industry. Электронный ресурс, URL: https://www.lead-innovation.com/english-blog/industrial-internet-of-things (дата обращения 03.03.2020)

18. Berry J. Industrial internet of things trends to dominate in 2020. Электронный ресурс, URL: https://mobidev.biz/blog/industrial-iot-internet-of-things-trends (дата обращения 03.03.2020)

19. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

20. Ситников А. Промышленная Россия 4.0: перед лицом краха. Электронный ресурс, URL: http://svpressa.ru/economy/article/187584 (дата обращения 28.05.2018)

21. Акаев А.А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России. 2013. № 2 (61). С. 7-29.

22. Касаткин П.И., Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Роль современных университетов в формировании цифровой повышательной волны длинных циклов Кондратьева // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 123-140

ГЛАВА 4. ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Г.Г. Силласте,

Финансовый университет;

А.Г. Грязнова,

Финансовый университет

4.1. СОЦИАЛЬНЫЕ СМЕЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА И ЕГО ТРУДОВЫХ ГЕНДЕРНЫХ РЕСУРСАХ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОЙ ЭКОНОМИКИ[135]

Сюжет 1. В чем заключается социальная тектоника и о какой экономике идёт речь

Сразу заметим, речь пойдет не о геологической тектонике как разделе геологии, изучающей строение земной коры, а о *тектонике социальной* – области социального знания, направленного на изучение строения, движения, глубинных смешений и социальных изменений в той или иной области общественных отношений под влиянием развивающейся экономики, что приводит к образованию новых структураций в социальном пространстве. Первым этапом образования такой «структурации»[136] (говоря терминологией английского социолога Э. Гидденса) стал постепенный «распад» единого рынка труда на двухмерную систему, состоящую из рынков труда и занятости. Институт высшего образования в тот период активно поставлял кадры на эти рынки, но системной функции движущей силы и воспроизводителя новообразующейся структурации ещё не выполнял.

25-летний процесс неутихающей модернизации института образования, его стремление адаптироваться к рыночной экономике и её

[135] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России»

[136] Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации – М. – Изд-е 2-е, 2005.

запросам, расширяющаяся коммерциализация, изменившая социальные функции образования (прежде всего высшего), привели к появлению в российской реальности нового рынка социальных услуг – услуг о***бразовательных.*** Этот рынок сильно раздвинул ареал двухмерного экономического пространства рынков труда и занятости. Вначале до трехмерного: рынка труда, занятости и профессий. Затем, по мере укрепления влияния института образования на воспроизводство профессий и специальностей по запросам постоянно менявшегося в условиях транзитивной экономики рынка труда, сформировал вокруг себя и новый рынок: рынок образовательных услуг. Этот рынок расширил ареал новой структурации и её социального пространства до четырёхмерного, субъектами которого стали рынки труда-занятости-профессий и образовательных услуг Таким образом, в процессе глубинных тектонических смещений в рынке труда транзитивной экономики создалось новое социальное пространство четырёхмерной структурации взаимодействующих *рынков труда-занятости-профессий и образовательных услуг.* Эта новая сложная структурация стала неотъемлемой частью транзитивной экономики. Как система структурация обладает своими нормами и правилами, ценностями и ресурсами, целями и интересами, а также социально-правовой базой регуляции. Новая структурация пока плохо изучена в качестве *единого многомерного объекта* социального управления. а потому остается неэффективно управляемой.

Будучи одновременно и системой, и процессом, четырёхмерная структурация не только обладает высокой внешней подвижностью, внутренними смещениями и социальной изменчивостью, но и играет решающую роль в формировании социального механизма воспроизводства и спроса на трудовые ресурсы инклюзивной экономики.

В чём суть и содержание ***инклюзивной экономики***? Прежде всего в её направленности «*на обеспечение равного для людей доступа к экономической независимости и беспрепятственному взаимодействию между социальными группами, равных возможностей для участия в общечеловеческих экономических процессах*» [137] . По определению ВЗФ, и***нклюзивная экономика – это экономика, развивающаяся за счёт человеческого капитала.*** В её парадигме авторы делают акцент на изменившийся и активно формирующийся высококачественный человеческий капитал, его социальный потенциал, на реализацию нестандартных видов деятельности и инклюзивную институциональную среду.

Представляется, что для России переход к инклюзивной экономике не является экстрасложной или экстраординарной, выходящей за рамки досягаемости, управленческой задачей. Достаточно вспомнить исторический опыт развития социально-ориентированной социалистической системы хозяйствования, распределения ресурсов, политики социального патронажа, чтобы предложить стратегию перехода к инклюзивной экономике, тем более что процесс этот уже протекает. Показательно, что в Индексе IDI-индексе инклюзивного развития (Inclusive Development Index; IDI) Всемирного экономического форума[138] Россия по инклюзивности экономики заняла 19-е место среди 78 развивающихся стран.

О приоритетах экономики. В инклюзивной модели они ориентированы на противодействие незащищенности и неравенству (социальному, гендерному, экономическому), которые сопровождают цифровизацию, глобализацию, технизацию. Как подчеркнуто в докладе ВЭФ, не рост ВВП, а именно устойчивый, всеобъемлющий прогресс, сопровождающийся ростом

---

[137] Новиков А.И., Виткина М.К. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие Электронный ресурс. URL: http://fb.ru/article/177711/dilemma—eto-chto-takoe-raznovidnosti-dilemm (дата обращения 15 марта 2018 г.)

[138] Всемирный экономический форум. Inclusive Development Index; Всемирный экономический форум.Давос, Швейцария, 23-26 января 2018 г. с участием 70 глав государств и правительств, руководителей компаний, ведущих банков..

доходов населения наравне с ростом его экономических возможностей, уровня защищенности и качества жизни, признается мировым сообществом главной целью экономического развития в будущем.

Индекс инклюзивного развития – IDI базируется на 12 индикаторах, объединенных в три группы оценок уровня экономического развития. К ним относятся:

- *рост и развитие* (включая рост ВВП, занятости, производительности труда, ожидаемой продолжительности жизни);
- *инклюзивность* (медианный доход домохозяйств, уровень бедности и неравенства);
- *межпоколенческая справедливость и устойчивость* (уровень сбережений, демографической нагрузки, государственного долга и загрязнения окружающей среды).

Эти составляющие Индекса IDI, по признанию экспертов, при оценке странового и межстранового уровня экономического развития значительно качественнее, чем индикатор роста ВВП, так как отражают более целостную картину экономического развития. Цель эксклюзивной модели экономического развития не увеличение само по себе и ради себя производства товаров и услуг, а устойчивое повышение уровня жизни населения.

Дискуссии об источниках роста отечественной экономики, столь распространенные среди российских экономистов (особенно «либеральных») почему-то обходят стороной то, насколько по-разному работает в развитых западных странах и в России сектор коллективно потребляемых *социальных услуг.* Это услуги систем здравоохранения, образования, науки, социальной защиты, госуправления, обороны и социального обеспечения. Если в 2016 г. эти отрасли создали валовую добавленную стоимость в размере 33,9% ВВП США и 29% ВВП стран Евросоюза, то в России этот показатель в два раза

ниже: 14,6%[139]. Более того, в ряде стран социальный сектор уже опережает промышленность, превращаясь в главный двигатель экономики. Россия же ежегодно недополучает от социальной сферы до 10% ВВП добавленной стоимости.

И, наконец, следует отметить, что нацеленность инклюзивной экономики в своей сути социально благородна, так как направлена на то. чтобы «вырвать» из бедности врачей, учителей, преподавателей вузов и работников культуры (короче – бюджетников), признав их труд производительным, создающим новую стоимость человеческого капитала и социального потенциала работников. И таким путем обеспечить равный для людей доступ «к экономической независимости и беспрепятственному взаимодействию между социальными группами».

И последнее замечание – об основной движущей силе экономики социального государства. Ею является социально ориентированный подход[140], развиваемый в двух направлениях. Одно – обеспечение роста экономики за счёт вовлечения в экономическую деятельность бедного населения, учитывая, что эта категория населения все свои доходы вынуждена тратить на потребление. Другое – создание ресурсов для функционирования инклюзивной экономики. Ресурсов человеческих, кадровых, трудовых, информационных, технологических, финансовых, правовых, а также ресурсов через инвестиции, товары и услуги.

Переход к инклюзивной экономике исторически совпадает с процессом формирования в мире нового гендерного порядка, актуализирующем внимание к *гендерным трудовым ресурсам*.

---

[139] Мамедов О. Экономика инклюзивной цивилизации / TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 3. С. 6-18.
[140] Электронный ресурс. URL: http://fb.ru/article/177711/dilemma—eto-chto-takoe-raznovidnosti-dilemm (дата обращения 15 марта 2018 г.).

Сюжет 2. Гендерный порядок как регулятивный инструмент обеспечения равноправия в экономической сфере

Что значит гендерный порядок? Это один из видов формирующегося в XXI веке нового социального миропорядка. В широком смысле гендерный порядок означает *систему социальных норм, правил и законов, регулирующих социальные отношения между гендерными общностями и социальными институтами в интересах обеспечения гендерного равноправия, способствующего улучшению условий жизни женщин и мужчин*. В узком смысле новый гендерный порядок — это *система взаимосвязанных социальных норм, политической культуры и действий политических институтов, формирующих отношение к гендерным проблемам в обществе и к их решению*[141]. В эпицентре гендерного порядка – достижение гендерного равноправия во всех сферах общественной жизни и в первую очередь – экономической, на её гендерных ресурсах. Регуляторами являются социально-правовые нормы, определяющие экономическое поведение мужчин и женщин, занятых в трудовой сфере, независимо от возраста, образования, профессии или территории проживания.

Чем обусловлено формирование в мире нового гендерного порядка? Рядом объективных факторов. Прежде всего, особенностью мирового гендерного ландшафта, который сильно отличается от российского. Мир по своей гендерной структуре дихотомичен и гендерно асимметричен в пользу мужчин. В общемировом гендерном ландшафте мужчины преобладают: 51% против 49% женщин [142] (что во многом объясняет поведенческую агрессивность западных феминистских организаций).

---

[141] Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка// Женщина в российском обществе 2019, №1.

[142] Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка// Женщина в российском обществе 2019, №1 // Женщина в российском обществе 2019, №1.

В России гендерная структура противоположная: 53% «в пользу женщин» при 47% мужчин. Это сделало Россию самой феминизированной страной. Для сравнения в гендерной структуре США преобладают мужчины. В скандинавских странах – редкое явление гендерной симметричности. В Российской Федерации женщин на десять с лишним миллионов больше мужчин. Это принципиально меняет не только социально-психологический фон гендерного взаимодействия, но и положение женщин в обществе и конкретно – в экономике.

Вторая важнейшая объективная причина: смена социального времени. Мы живём в модусе настоящего социального времени. С модусом прошлого социального времени ушел в историю как исчерпавший себя т.н. женский вопрос, успешно решенный Советским Союзом в XX веке. Меняются устоявшиеся в прошлом гендерные нормы и формы социального взаимодействия и экономического поведения. Постановка вопроса о гендерном равенстве сменилась сдержанно-правовой категорией гендерного равноправия. В мир-системе действуют новые социальные и правовые нормы регуляции самореализации женщин и мужчин. Более выраженным стало негативное влияние феминизации бедности и экономики, гендерной миграционной насыщенности экономической среды, социальной дискриминации, сегрегации, экономического и производственного насилия, нарушения социальных прав и достоинства личности по признаку пола.

Всё более значимое место в инклюзивной экономике занимает семейное предпринимательство как сфера развития гендерно-нейтральной экономической деятельности, повышения качество жизни российской семьи и сфера закрепления норм нового гендерного порядка**.**

Всё это по совокупности воздействия оказывает серьёзное влияние на процессы производства и воспроизводства гендерных трудовых ресурсов и создаёт социальный фон развития инклюзивной экономики

Сюжет 3. *Рынок занятости: гендерные трудовые ресурсы как рабочая сила инклюзивной экономики*

Что значит «гендерные трудовые ресурсы»? В широком смысле – это вид социальных ресурсов двух системообразующих гендерных общностей (мужской и женской), которые в процессе трудовой деятельности преобразуются в механизм развития национальной экономики. Нередко говорят о гендерных ресурсах как *о рабочей силе*. В принципе это не является противоречием, так как рабочая сила (англ. Labor power, нем. Arbeitskraft) в марксистской политэкономии рассматривается как способность человека к труду, совокупность его физических и духовных способностей, которые человек использует в своей трудовой деятельности.

Как вид ресурсов гендерные ресурсы рассматриваются в качестве средства, ценности, запасов, возможностей и источников доходов. Они относятся к группе трудовых ресурсов возобновимых, истощимых и незаменимых. Эти ресурсы измеримы, организуемы и управляемы в процессе достижения социальных и экономических целей. Гендерные ресурсы можно отнести к наиболее универсальным ресурсам, способным выступать в качестве своего рода «универсального эквивалента» и мерила общественного развития наряду с информацией, временем и деньгами.

Наиболее тесная связь и взаимовлияние в инклюзивной экономике между рынками труда и занятости**.** Что первично? – **Рынок занятости**. Его человеческий фундамент образуют россияне в возрасте от 15 до 72 лет, в совокупности составляющие 110 млн. чел)[143]. Рынок характеризуется ярко выраженной гендерной асимметрией в пользу женщин (58 млн 853 тыс. против 52 млн 63 тыс. мужчин). Это базовый гендерный ресурс экономики, в котором сосредоточены как реально, так и потенциально способные к труду люди. Индикатором реальной трудовой способности является

[143] Женщины и мужчины в России. Росстат, 2018. С. 113.

экономическая активность, на основании которой различают гендерные ресурсы экономически активные и неактивные.

Экономически активные ресурсы – это реально работающие женщины и мужчины, гендерная структура совокупности которых асимметрична в пользу мужчин: 74% при 63% женщин. Эта часть гендерных ресурсов реально участвует в производстве общественного продукта.

Вторую часть занятых образует ***неактивное население.*** К нему относятся те, кто не считается занятым в экономике или безработным, т.е. пенсионеры-студенты-домохозяйства-население с ограниченными возможностями. Эта часть гендерных трудовых ресурсов асимметрична «в пользу женщин»: 37% против 25,6% мужчин. К группе экономически неактивного населения относятся и 924 тыс. трудоустроенных россиян с ограниченными возможностями, составляющие значительную часть социально инклюзивного населения как одного из объектов инклюзивной экономики.

Группа характеризуется существенным разрывом в реализации социальных прав *де-юре и де-факто*. В частности, **пенсионеров.** Де-юре пенсионер имеет право отдыхать от производственного труда. Де-факто каждый третий пенсионер – работающий, так как ввиду низкого уровня доходов работают все, имеющие для этого физические силы, включая пенсионеров и студентов (включенных во вторичную занятость). Не удивительно, что России существует категория non sens: «работающие пенсионеры».

Что касается **безработных**, то среди них по гендерной структуре преобладают мужчины (женщин 45%). Средний уровень безработицы среди женщин 5,8%, мужчин – 6%.

Как восстанавливается этот трудовой гендерный ресурс для возвращения в группу экономической активности? Поиском работы для

трудоустройства. Мужчин среди ищущих работу с помощью служб занятости меньше (25%), чем женщин, которые хотя преимущественно и обращаются в службы занятости и трудоустройства, ищут работу, как правило, дольше мужчин.

Третий элемент экономически неактивной группы гендерных ресурсов – **теневой сектор**. Общее количество работающих «в тени» в России от 13 млн. до 22 млн чел.[144]

Гендерная асимметричность трудовых ресурсов влияет на их распределение. Рабочие места с меньшими профессиональными требованиями чаще занимают женщины. Там, где востребован более высокий уровень профессионализма, больше мужчин. Хотя по уровню образования женская гендерная общность превосходит мужскую, особенно по количеству имеющих высшее образование (55% женщин), субъективный механизм трудоустройства изменяет пропорции.

Трудовая **занятость** может быть оплачиваемой и неоплачиваемой; оплачиваемой регулярно и нерегулярно, в открытой и скрытой форме, в легальной и «теневой**».** Но во всех случаях трудовая занятость подвижна, нестабильна и требует от человека, независимо от его гендерной принадлежности, высокой мобильности. Общая тенденция – расширение форм экономической занятости (фриланс, дауншифтинг, «удалённая трудовая деятельность», мелкое предпринимательство и т.д). Гендерные трудовые ресурсы рынка занятости наиболее подвижные, их труднее учитывать, и они нуждаются в социальной поддержке со стороны государства.

Другая часть неактивного населения – занятые в домашнем хозяйстве производством товаров и услуг с целью продажи или обмена (в т.ч. предпринимательская деятельность).

---

[144] Роль женщин в современной России, Совет Федерации, М. 2016, С. 18.

Сюжет 4. Рынок труда:
спрос и предложения на трудовые гендерные ресурсы

Рынок труда *как сфера спроса и предложений на рабочую силу, способную выполнять различные виды трудовой деятельности* охватывает 81 млн *трудоспособного* населения. В процессе труда осуществляется производство товаров, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Образует реально участвующие в развитии экономики трудовые гендерные ресурсы трудоспособное население. Это когорта мужского и женского населения, реально участвующих в производстве общественного продукта и отличающаяся возрастом вовлеченности в этот процесс. Для мужчин до пенсионной реформы 2019 года это 16-59 лет, для женщин – 16-54 лет). Вся совокупность трудоспособных россиян – 81,2 млн. чел. (в 2006 г. – 90 млн. чел). Генерирующей трудовой общностью на рынке труда являются мужские гендерные ресурсы – 82% против 76,1% женщин[145]. Доля трудоспособного работающего населения среди занятых в отечественной экономике из года в год сокращается как среди женщин, так и среди мужчин. Если в конце 2018 г. работающих было 72,5 млн. чел., то по итогам первого квартала 2019 г. на 1,2 млн. меньше. Численность работниц предпенсионного возраста (50-54 лет) сократилась на 476 тыс., в мужской когорте (55-59 лет) – на 129 тыс. чел. По прогнозам Росстата, эта негативная тенденция сохранится до 2035 г. (см. рис. 5).

[145] Женщины и мужчины России. 2018: Стат.сб./ Росстат. – М., 2018. – 241 с.

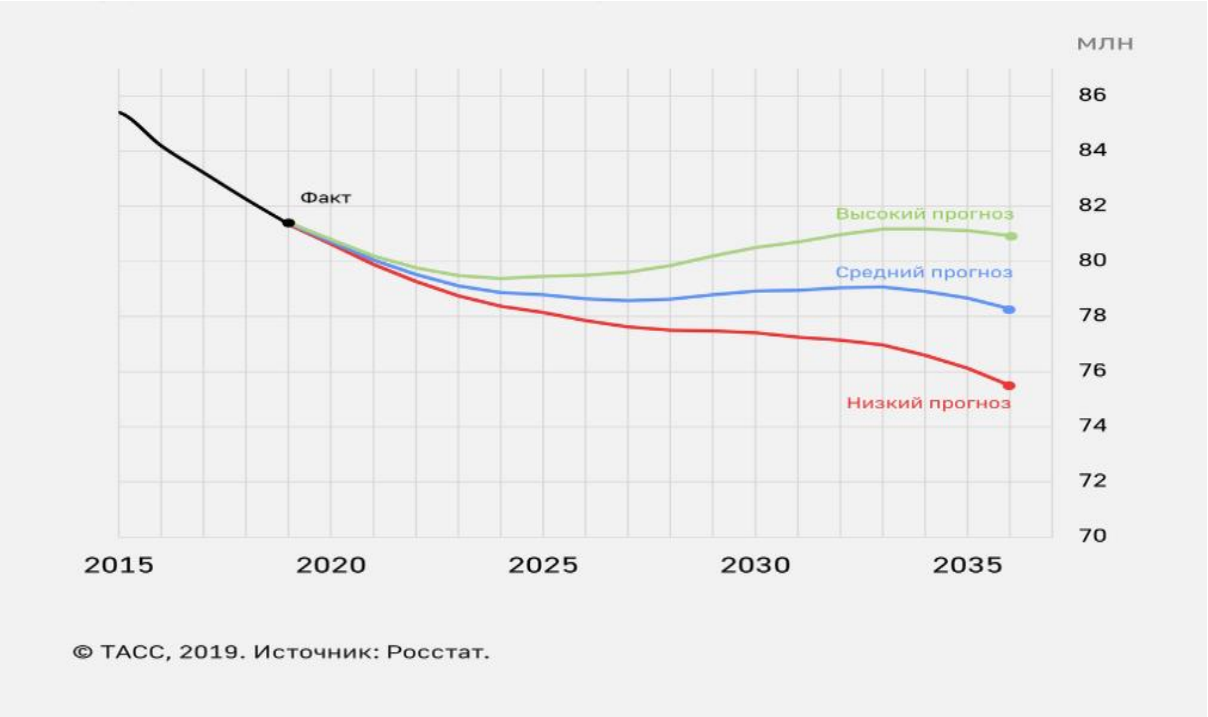


Рис. 5. Прогностические оценки численности трудоспособного населения к 2035 г.

Источник: Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации[146]

Исследования неоднократно подтверждают разницу в гендерной предпочтительности выбора места работы: женщины преимущественно ориентируются на работу в государственном секторе экономики, мужчины – в частном (в организациях и предприятиях с иностранным или смешанным участием). При этом следует учесть, что если в 1991 г. в российской экономике 91% предприятий были государственными, то в 2017 г. – их осталось всего 4%, а сектор частной собственности напротив расширился до 87% всех организаций[147].

В сложившейся ситуации присутствует ряд социальных противоречий. Одно из них вызвано пенсионной реформой, которая пролонгировала возраст выхода на пенсию для обеих гендерных общностей на пять лет (до 60 лет для

[146] Сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. 20/04/2020. URL: http://www.pfrf.ru/ (Дата обращения: 02.04.2020)
[147] Россия в цифрах, Росстат. 2018.

женщин и до 65 лет для мужчин). Но встаёт вопрос: как быть с установленным диапазоном гендерной трудоспособности? Если возраст пролонгирован до 60 и 65 лет, это означает, что официально должен быть изменен и трудоспособный возраст. Для женщин на 16-60 лет (вместо 16-55), для мужчин на 16-65 лет. Это изменение необходимо внести в показатель государственной статистики. Однако комментарии Росстата отсутствуют. Вместе с тем показатель связан с коррекцией нормы гендерного порядка относительно продолжительности трудовой деятельности по гендерному признаку.

Предложение*: для устранения гендерного разрыва де-юре и де-факто, возникшего в связи с изменением возраста выхода на пенсию, привести в соответствие показатель «трудоспособное население» в соответствие с гендерными изменениями возраста в пенсионной реформе и установить возрастной диапазон трудоспособности 16-64 г. занятых в экономике 15-77 лет.*

Другая особенность рынка труда – гендерная структура отраслей экономики, отражающая степень их феминизации и тенденции гендерной конкуренции. Так, среди специалистов по компьютерным технологиям женщины составляют 25%, среди работников сельского хозяйства – 38%. Зато в торговле – 61,2%, в гостиничном и ресторанном бизнесе (не требующих высоких профессиональных компетенций, а скорее навыков)77% [148] . Столько же в социальном обслуживании. Это важные отрасли инклюзивной экономики. На характеристиках гендерных ресурсов развивается интеллектуальный потенциал экономики как основы развития новых отраслей, строящихся на интенсивном использовании знаний (англ. knowledge based industries). Какие нормы нового гендерного порядка продвигаются на рынках труда, занятости и профессий?

[148] Роль женщин в современной России, Совет Федерации, М. 2016, С. 18.

Выделим наиболее распространенные:

1) расширение видов деятельности без ограничения их доступности по признаку пола; гендерная нейтральность профессий и видов экономической деятельности; расширение возможностей получения отпуска по уходу за ребенком не только матери, но и отцу: равный доступ к трудовой и профессиональной самореализации, борьба с социальной дискриминацией, сегрегацией и насилием в сферах труда, производства, бизнеса, социальной и семейно-бытовой жизни.

2) трудно решаемая проблема-отраслевая сегрегация в оплате труда женщин. Так, среди женщин – преподавателей школ заработная плата превышает зарплату мужчин на 10%, в то время как у преподавателей колледжей, университетов и других вузов (где женщины составляют 65% работников) их заработная плата 86,5% от мужской. В группе квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки (где занято всего 19,5% женщин), их зарплата - 73,6% мужской. У работников торговли - 74% от зарплаты мужчин и т.д.[149].

В целом проблемы социальной сегрегации и дискриминации (явной и скрытой) в разных отраслях экономики не только не уходят из практики, а напротив-обретают новые формы, становясь частью трудовой деятельности и предметом контроля и анализа Уполномоченных по правам человека в российских регионах[150]. И это тоже черта современного гендерного порядка в России.

[149] Роль женщин в современной России, Совет Федерации, М. 2016, С. 19.
[150] Потяева Т.А. Для Уполномоченного по правам человека нет неважных вопросов // Московский омбудсмен, 2020, № 1, С. 18-26.

Сюжет 5. Рынок профессий и специальностей по гендерной оси и институт образования в его воспроизводстве

Рынок профессий *как сфера спроса и предложений на различные виды специальностей и профессий, востребованных экономикой*, сформировался в России примерно к 2010 г. К этому времени высшая школа обрела функцию «производителя профессий», пользовавшихся спросом на рынках труда и занятости. Высшее образование стало *интеллектуально-образовательным товаром*, обладающим определенной стоимостью, условиями «сбыта» и «потребления» со стороны работодателей на российском рынке товаров и услуг. Профессии приобрели на рынке свой социальный ранжир по востребованности, престижности, коммерческой стоимости. Одновременно вузы как производители востребованных рынком труда специалистов, стали «рейтинговаться» по своему вкладу в производство таких профессий и в качество их «носителей».

Трудности самоопределения молодёжи в «море профессий» возрастают по мере расширения «рынка возможностей» для приобретения профессий, которые становятся популярными, хорошо оплачиваемыми и тем более престижными (даже если и труднодоступными по своей коммерческой стоимости). Интересы субъектов рынков труда, занятости и профессий, генератором которого стал институт высшей школы, впервые сильно сблизились на платформе образовавшегося рынка образованных услуг. Этот новый рынок социальных услуг стал тем недостающем ранее звеном, из-за отсутствия которого не удавалось согласовать интересы «производителей» и «потребителей» кадров в лице молодых специалистов.

Новая структурация в социальном пространстве взаимодействия субъектов четырёх важнейших для воспроизводства трудовых гендерных ресурсов рынков чётко обозначила свой контурный абрис, в котором

институт образования является ядром воспроизводства трудовых ресурсов рынков труда, занятости и профессий.

Сколько профессий сегодня на мировом и российском рынках профессий? Их количество зависит от исторических условий. Например, на Руси в XVII веке было 200 специальностей. Сегодня «Международный стандарт классификации профессий» дает описание 9333 профессий. Российский «Единый тарифно-квалификационный справочник» – свыше 7000 профессий. В мегаполисах насчитывается 2-3 тысячи профессий, в средних городах до 700, в малых – до 200-300.Если же обратиться к *роду деятельности*, то их в современном мире более 40 тысяч, в т.ч. около 3000 в промышленности и строительстве.

Рынок профессий продолжает меняться. Рождаются новые и умирают старые профессии. В наше время средняя «продолжительность жизни» профессии составляет от 5 до 15 лет. Однако *наличие* и *спрос* на профессию – категории разные. Спросом пользуется только то, что может быть быстро освоено человеком и оперативно предложено институтом образования. Поэтому из тысяч профессий высоким спросом на рынке труда пользуются лишь несколько сот, на которых в большей мере концентрируются гендерные трудовые ресурсы.

Как ситуация на рынке профессий отражается в продвижении нового гендерного порядка и равноправия? Общемировая тенденция формирующегося гендерного порядка – стремление к гендерной нейтральности профессий. Это позволяет легче реализовать ведущую норму нового гендерного порядка: обеспечение гендерного равноправия женщин и мужчин в трудовой сфере. В первую очередь в форме доступности обретения профессии.

Так, в 1974 г. в СССР был утвержден перечень из 456 профессий, нерекомендуемых для трудоустройства женщин. Он стал предметом

многолетней критики вначале СССР, а затем и Российской Федерации со стороны ООН, которая рассматривала этот документ, к сожалению, в качестве свидетельства наличия дискриминации женщин и ущемления их прав в сфере труда. В 2020 г. Министерство труда Российской Федерации пересмотрело этот перечень в сторону его сокращения и оставило в списке лишь 100 профессий, не рекомендуемых для женщин на рынках труда, занятости и профессий. С 01 января 2021 г. обновлённый список вступит в силу, делая гендерно нейтральными дополнительно свыше 300 профессий. Это расширит рамки гендерного равноправия женщин в трудовой сфере, но одновременно и усилит гендерную конкуренцию в процессе трудоустройства.

Отдельная проблема – цифровизация экономики и гендерное равноправие на рынке технических профессий; интеграция девушек в наукоёмкие профессии, отрасли знания и деятельности. Иначе говоря, проблема «STEMатизации женщин в наукоемких отраслях». Как показали социологические исследования НИУ ВШЭ на физико-математическом профиле обучается в два раза меньше женщин, чем мужчин (34%). На направлении «информационная безопасность» разрыв ещё больше: 3,8 раза (21% девушек против 79% юношей)[151].

В настоящее время на рынке профессий различают пять групп востребованности профессий. Первая – *умирающие профессии.* Их уже немало, и количество будет увеличиваться. На рынок приходят новые профессии – *инновационные,* больше связанные с современными цифровыми технологиями, на которые в большей мере откликаются мужчины (*личный цифровой куратор* и другие).

[151] Владикина Л.Б., Никулин В.М. STEM – профессиональные траектории в условиях цифровизации экономики (Гендерный аспект) – В кн.: Женщины в профессиях XX1 века: тенденции, проблемы, перспективы, Иваново, 2020. С. 89-92.

Отмеченная тектоника рынков труда, занятости и профессий нуждаются в прогнозировании занятости и распределения гендерных трудовых ресурсов с учётом возрастных особенностей, образования и региональной востребованности новых профессий.

В заключение отметим, что анализ социальной тектоники рынка труда приводит к выводу, что в условиях инклюзивной экономики, цифровизации и смены норм гендерного порядка конкурентоспособность специалиста будет всё сильнее зависеть от двух динамических характеристик: его ***мобильности*** (образовательной, профессиональной, социальной) – с одной стороны, и способности к ускоренной социальной адаптации и аккомодации, связанным с изменением своей профессии и освоением новой – с другой.

Литература

1. Владикина Л.Б., Никулин В.М. STEM – профессиональные траектории в условиях цифровизации экономики (Гендерный аспект) – В кн.: Женщины в профессиях XX1 века: тенденции, проблемы, перспективы, Иваново, 2020. С. 89-92.

2. Всемирный Экономический форум. 2018.

3. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структурации – М. – Изд-е 2-е, 2005.

4. Женщины и мужчины в России. Росстат, 2018.

5. Мамедов О. Экономика инклюзивной цивилизации / TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 3. С. 6-18.

6. Новиков А.И., Виткина М.К. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие Электронный ресурс. URL: http://fb.ru/article/177711/dilemma—eto-chto-takoe-raznovidnosti-dilemm (дата обращения: 02.04.2020)

7. Потяева Т.А. Для Уполномоченного по правам человека нет неважных вопросов // Московский омбудсмен, 2020, № 1, С. 18-26.

8. Роль женщин в современной России, Совет Федерации, М.2016, С. 18-19.

9. Сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. 20/04/2020. URL: http://www.pfrf.ru/ (дата обращения: 02.04.2020)

10. Силласте Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе 2019, №2.

11. Силласте Г.Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе 2019, №3.

А.К. Соловьев,

Финансовый университет

4.2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

Создание национальных пенсионных систем в экономически развитых стран является важнейшим признаком уровня цивилизации в целом и государственной гарантии качества жизни всех категорий граждан в случае прекращения ими трудовой деятельности (по причине старости, инвалидности или потери кормильца). В широком смысле пенсионные системы призваны поддерживать нормативно установленный законодательством уровень материального обеспечения и стандарты жизни после наступления пенсионных прав гражданина.

Понятие «страховая пенсия» по нормативно-правовому содержанию представляет собой регулярную денежную выплату нетрудоспособным гражданам в целях материального обеспечения при наступлении

установленных действующим законодательством конкретных страховых случаев: старости (нормативного пенсионного возраста), инвалидности или потери кормильца – в размере, адекватном накопленным страховым «пенсионным правам».

Из правового статуса понятия страховой пенсии вытекает её экономическая сущность – результат финансовых взаимоотношений всех участников государственной страховой пенсионной системы:

– застрахованного лица (как правило, наемного работника, индивидуального предпринимателя и др.),

– страхователя (работодателя) и

– государственного страховщика (Пенсионного фонда РФ, негосударственного пенсионного фонда).

Непосредственным участником страховой пенсионной системы является государство в лице органов власти, выполняющих функции финансового контроля и субсидиарной ответственности.

Экономический механизм формирования пенсионных прав, основанный на солидарно-распределительной программе, обеспечивает условия, при которых страховая пенсия является государственной гарантией минимально допустимого уровня социальной защиты пенсионеров, нормативно соответствующего прожиточному минимуму пенсионера (ПМП).

Таким образом, государственная система обязательного пенсионного страхования (система ОПС), результатом функционирования которой является страховая пенсия, представляет собой комплекс нормативно регламентированных экономических отношений всех участников системы ОПС:

– застрахованного лица (наёмного работника, индивидуального предпринимателя и др.);

– страхователя (работодателя, индивидуального предпринимателя и др.);

– государственного страховщика (Пенсионный фонд РФ);

– негосударственного страховщика (НПФ, ГУК, ЧУК и др.);

– государства (федерального и регионального бюджетов).

Пенсионная реформа в России за весь период рыночной перестройки прошла несколько этапов, наиболее значимым из которых можно считать страховую реформу 2002 г., когда в структуре трудовой пенсии были выделены институционально самостоятельные составляющие: солидарно-распределительная (страховая пенсия) и накопительная пенсия, фиксированная выплата к страховой пенсии. Все составные элементы государственного пенсионного обеспечения непосредственно зависят от суммы уплаченных пенсионную систему страховых взносов и продолжительности страхового стажа.

Следует отметить, что за три десятилетия реформ параметрические настройки каждой из указанных участников пенсионной системы неоднократно изменялись в зависимости от изменения внешних к пенсионной системе факторов и условий, в первую очередь макроэкономических (глобальный экономический и демографический кризисы, национальный бюджетный кризис, налоговые и бюджетные реформы и др.).

Многочисленные изменения составных частей пенсионной системы были ориентированы в основном на её настройку, точнее, – подстройку к макроэкономической конъюнктуре, а не на решение накопившихся в ходе пенсионной реформы социальных и экономических проблем. Ещё меньше они были ориентированы на достижение стратегических целей, неоднократно обоснованных и конкретно сформулированных в правительственных

документах и аналитических докладах, начиная с Концепции развития пенсионной системы – 1995[152].

Наиболее критичные с позиций макроэкономических последствий трансформации пенсионной системы были произведены в 2002 г., 2015 г. и 2019 г., среди которых особо выделяются радикальная перестройка основополагающих условий и требований формирования страховых пенсионных прав (обязательное индивидуально-накопительное пенсионное страхование, дифференциация тарифной политики для различных видов занятости), нормативное регулирование трудового стажа и страховых взносов, секвестирование прав работающих пенсионеров, переформатирование механизма индексации всех видов пенсий, корректировка пенсионной формулы, расширение льготных режимов формирования пенсионных прав и др.

В результате многократных изменений современное государственное пенсионное обеспечение представляет собой многоукладный институционально противоречивый набор денежных выплат, большинство из которых обусловлены многочисленными социальными обязательствами государства (целевыми льготами и привилегиями) и полностью или частично не связаны со страховыми взносами самих участников пенсионной системы.

Современная пенсионная система с институциональной точки зрения представляет собой совокупность взаимосвязанных между собой экономических, социальных и правовых институтов, предназначенных для реализации государственных обязательств по предоставлению гражданам материального обеспечения в виде пенсий или иных выплат и мер социальной поддержки пенсионеров в рамках системы.

---

[152] Постановление Правительства РФ от 07.08.1995 N 790 "О мерах по реализации *Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации*), подтвержденной Аналитическим докладом Минздравсоцразвития РФ об итогах и перспективах пенсионной реформы (2010 г.) и заканчивая *Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы России* (Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. N 2524-р

В российской пенсионной системе следует выделять принципиально различающиеся институциональные формы организации:

– институт страховых пенсий, включая пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца;

– институт досрочных и льготных пенсий, институт накопительных пенсий;

– институт добровольного пенсионного страхования;

– институт государственного пенсионного обеспечения, выплаты которого не обусловлены участием в системе обязательного страхования и уплатой взносов[153].

Вследствие своей многоукладности российская пенсионная система непосредственно и тесно взаимодействует с различными сферами социально-экономической жизни государства (в первую очередь с макроэкономической), с демографическими и природно-климатическими факторами. Всё это создаёт объективные предпосылки для усиления воздействия на неё соответствующих рисков: макроэкономических (глобальных и национальных экономических кризисов), демографических (динамика смертности и рождаемости), миграционных и др.

Современная пенсионная система, всё более утрачивая некогда (в советский период) определяющие социальные функции (социальной защиты и помощи нетрудоспособным категориям населения), трансформируется в финансово-экономическую систему, точнее в один из базовых для рыночной экономики страховой институт общественных финансов.

Важной отличительной особенностью отечественных общественных финансов в нашей стране является то, что государственная пенсионная система входит составной частью в бюджетную систему, и полностью

[153] Основное место занимают социальные пенсии гражданам, достигшим установленного возраста и пенсии различным категориям государственных служащих

подчиняется её нормативно-методическому обеспечению: большинство параметров пенсионной системы, как по формированию доходов, так и реализации пенсионных обязательств рассчитываются на каждый бюджетный период в строгом соответствии с макроэкономическими условиями, исходя, из которых определяется федеральный бюджет.

В свою очередь, пенсионная система оказывает непосредственное и опосредованное влияние на различные параметры макроэкономического развития страны. Так, если темпы роста экономики определяют возможности поддержания/сохранения накопленных пенсионных прав путем индексации, то в свою очередь уровень материального обеспечения пенсионеров непосредственно определяет покупательную способность трети всего населения страны, а большая часть пенсионеров, продолжая трудиться, составляет практически четверть баланса трудовых ресурсов.

Важнейшим макроэкономическим фактором функционирования не только пенсионной системы, но и бюджетной и налоговой системы государства является пенсионная тарифная политика. От её эффективности зависит не только и не столько формирование доходной части бюджета Пенсионного фонда РФ на текущий плановый период, но и общеналоговая политика и так называемая «нагрузка на бизнес», т.е. в значительном объёме структура всего консолидированного бюджета страны.

Для работодателей, уплачивающих страховые взносы на обязательное пенсионное страхование за своих работников, ключевым индикатором экономической эффективности функционирования пенсионной системы являются показатели уровня фискальной нагрузки страховых взносов. В частности, в качестве таких показателей выступают:

– установленный тариф страховых взносов, на обязательное пенсионное страхование;

– средний (эффективный) тариф страховых взносов на обязательное пенсионное страхование;

– доля страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в объеме ВВП.

В последнее время совершенно справедливо отмечается усиление прямого влияния пенсионной системы на развитие рынка труда: снижение занятости работников старших возрастных групп и рост безработицы, увеличение доли самозанятых категорий населения и, главное на гипертрофированный рост теневого сектора рынка труда и т.д.

Рост бедности пенсионеров также оказывает прямое влияние на государственную бюджетную политику, что проявляется в необходимости увеличения государственных расходов не только из ПФР, но и из федерального и местных бюджетов в целях недопущения обнищания: растёт доля целевых трансфертов наиболее бедным категориям: в основном – для дотягивания до прожиточного минимума.

Более того, бедность пенсионеров оказывает многостороннее влияние на различные сектора макроэкономики: с одной стороны низкие размеры пенсий вынуждают пенсионеров продолжать работать и в той или иной степени увеличивать свои пенсионные права, но с другой стороны, оставаясь на своем рабочем месте, они ограничивают доступ на рынок труда младшего поколения трудоспособного населения.

Эта тенденция имеет ещё одно негативное последствие для самой пенсионной системы: молодежная безработица в условиях прогнозируемого сокращения рабочих мест в перспективе необратимо приведёт к недостатку их пенсионных прав при наступлении пенсионного возраста, что создаёт перманентные условия для неуклонного роста хронической бедности пенсионеров.

На внебюджетный сектор макроэкономики наиболее значительное влияние пенсионная система оказывает посредством накопительного механизма формирования пенсионных прав. Так, «замораживание пенсионных накоплений» сыграло определяющую роль в сокращении бюджетных трансфертов на финансирование государственных пенсионных обязательств в течение не только планового периода, но и в долгосрочной перспективе, с одной стороны, и позволило остановить резкое падение размеров страховых пенсий в перспективе.

Экономический механизм непосредственного взаимовлияния как пенсионной системы в целом, так и её составных институциональных частей (солидарных и накопительных) и макроэкономики реализуется в форме межбюджетных трансфертов.

Учитывая, что пенсионная система, развитие которой непосредственно обусловлено макроэкономикой, в свою очередь оказывает многостороннее влияние на макроэкономику, любые изменения пенсионной системы, ориентированные на решение конкретных социально-экономических, должны учитывать обратный синергетический эффект, который может иметь (а на практике, всегда имеет) негативное воздействие на макроэкономику. Для предотвращения всевозможных негативных последствий для макроэкономики от пенсионной реформы необходимо контролировать социально-экономическую эффективность каждого мероприятия. Тем более, что критерии эффективности пенсионной реформы установлены и количественно обоснованы.

Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г. (2012 г.) чётко определяет следующие целевые индикаторы мониторинга развития, установленные для института страховых пенсий и количественно установленные как ожидаемые результаты:

- коэффициент замещения страховой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;
- средний размер страховой пенсии по старости на уровне 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера.

Для застрахованных лиц ключевым показателем эффективности функционирования того или иного института пенсионной системы являются показатели, характеризующие уровень их пенсионных выплат, в качестве которых выступают коэффициент замещения и соотношение размера пенсии с прожиточным минимумом пенсионера.

В пенсионных системах, функционирующих на страховых принципах, рост дефицита бюджета пенсионной системы непосредственно обусловлен тарифной политикой страховых взносов, которая в свою очередь полностью интегрируется с государственной налоговой политикой. При этом учитываются не только требования бюджетной системы, но и условия регулирования развития внебюджетного производственного и непроизводственного сектора экономики. В частности в современной практике российской тарифной политики применяются многочисленности «льготные» режимы уплаты страховых взносов с учётом видов экономической деятельности, региональной экономической политики, социально-демографических особенностей территориальных образований и т.п.

Однако, при этом недостаточно учитываются экономические интересы других участников пенсионной системы:

– самих застрахованных лиц в части объёма формируемых пенсионных прав (например, льготы отдельным видам «малого» бизнеса, индивидуальным предпринимателям и т.п.),

– государственного и негосударственных страховщиков в части обеспечения достаточности объёма пенсионных прав и создания эффективных инструментов контроля за работодателями по своевременной и полной уплате взносов.

Одновременно с регулированием объёма бюджетного трансферта размер страхового тарифа позволяет выполнять принцип адекватности государственных пенсионных обязательств (расходов) накопленным пенсионным правам застрахованных лиц (пенсионеров), поскольку размер страховой пенсии непосредственно зависит от суммы уплаченных взносов.

В России этот принцип действовал на первых этапах пенсионной реформы, когда тарифы страховых взносов, уплаченные на обязательное пенсионное страхование, ежегодно пересматривались исходя из прогнозируемой потребности в ресурсах на выплату пенсий. Однако в последующие годы в связи с систематическими финансовыми кризисами (глобальными и национальными) тарифная политика пенсионного обеспечения была ориентирована на «снижение нагрузки на бизнес» и утратила рычаги воздействия на размер страховой пенсии и объём бюджетного трансферта. Да и сама страховая пенсия и формула её исчисления всё дальше отдаляется от страховых принципов.

В период глобального экономического кризиса достаточность собственных средств для финансирования страховой части трудовой пенсии сократилась на фоне снижения тарифа страховых взносов на её финансирования с 10% до 8% и проведенной её трёхкратной индексации в 2008 году и высокой индексации в 2009 году (в том числе на 17,5% с 1 апреля). Самый низкий уровень достаточности средств для финансирования страховой части трудовой пенсии также наблюдался в 2010 году и составил 53,5%.

Позднее этот показатель варьировался в приделах 65-75%, кроме 2014 г., когда достаточность резко повысилась и составила 84%, что обусловлено отменой отчислений тарифа страховых взносов на накопительную составляющую бюджета ПФР. В 2015 году на фоне увеличения дефицита бюджета ПФР снизилась до 68,5% достаточность страховых взносов на финансирование страховой пенсии. В целом динамика страхового дефицита распределительной составляющей и достаточности собственных средств для финансирования страховой пенсии несколько отличаются.

Ключевым количественным индикатором для ПФР, на который дефицит распределительной составляющей оказывает наибольшее влияние, является зависимость бюджета ПФР от федерального бюджета. Данный индикатор рассчитывается как отношение объёма межбюджетных трансфертов из федерального бюджета в бюджет ПФР. Для того чтобы оценить влияние дефицита бюджета ПФР на динамику рассматриваемого индикатора, из всего множества межбюджетных трансфертов в бюджет ПФР следует выделить трансферт на обязательное пенсионное страхование (до 2015 года – трансферт на обеспечение сбалансированности бюджета ПФР).

Одним из последствий многоукладности пенсионного обеспечения является сокращение экономических инструментов регулирования процессом формирования пенсионных прав застрахованных лиц и потеря управляемости уровня их страхового обеспечения. Так, в частности, экономический механизм зависимости размера пенсии от объёма страховых взносов был заменен на жёсткую привязку к инфляции, что, по сути, означает замораживание пенсионных прав, а для многомиллионной армии работающих пенсионеров – прямое секвестирование накопленных пенсионных обязательств. Закономерным результатом этого становится

снижение не только среднестатистического уровня материального обеспечения, но уровня жизни большинства пенсионеров.

Основная причина того, что пенсионная реформа до сих пор не решила отмеченные проблемы заключается в торможении реализации страховых принципов формирования пенсионных прав застрахованных лиц.

Исследование показывает, что в целях повышения эффективности пенсионной системы, формирования пенсионных прав в условиях демографического старения населения необходимо обеспечить адекватные государственные меры по регулированию макроэкономических и институциональных факторов. Среди таких мероприятий следует выделить:

– трансформацию рынка труда для участия в нем граждан старших и младших возрастных групп;

– обеспечение роста макроэкономики страны для создания новых рабочих мест, которые необходимы для увеличения занятости дополнительной численности предпенсионного поколения;

– снижение смертности в трудоспособных возрастах, в том числе путем развития социальных институтов, улучшения медицинского обслуживания населения;

– профилактику заболеваемости населения, диагностики смертельно опасных болезней на ранних стадиях их развития (при этом будет назначаться меньше трудовых пенсий по случаю потери кормильца);

– снижение инвалидности в трудоспособных возрастах, включая уменьшение числа рабочих мест с вредными и тяжелыми условиями труда, приводящими к утрате работником здоровья и трудоспособности, улучшение условий труда и охраны труда;

– повышение рождаемости (не только за счёт материального стимулирования – предоставления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей);

– расширение охвата застрахованных лиц, формирующих свои пенсионные права в легальном секторе экономики;

– создание экономических и правовых условий для формирования пенсионных прав, обеспечивающих достойный уровень материального обеспечения при наступлении старости для страхователей, уплачивающих страховые взносы в ПФР в виде фиксированного платежа.

Исследование показывает, что в целях повышения эффективности пенсионной системы формирование пенсионных прав в условиях демографического старения населения необходимо обеспечить адекватные государственные меры по регулированию макроэкономических и институциональных факторов. Среди таких мероприятий следует выделить:

– трансформацию рынка труда;

– обеспечение роста макроэкономики страны для создания новых рабочих мест, которые необходимы для увеличения занятости дополнительной численности предпенсионного поколения;

– снижение инвалидности в трудоспособных возрастах, включая уменьшение числа рабочих мест с вредными и тяжелыми условиями труда, приводящими к утрате работником здоровья и трудоспособности, улучшение условий труда и охраны труда;

– повышение рождаемости (не только за счёт материального стимулирования – предоставления дополнительных мер государственной поддержки семей, имеющих детей;

– расширение охвата застрахованных лиц, формирующих свои пенсионные права в легальном секторе экономики;

– создание экономических и правовых условий для формирования пенсионных прав, обеспечивающих достойный уровень материального обеспечения при наступлении старости для страхователей, уплачивающих страховые взносы в ПФР в виде фиксированного платежа;

Актуарный анализ основных проблем отечественной пенсионной системы в условиях демографического старения (роста бедности пенсионеров и дефицита пенсионного бюджета) показывает, что они обусловлены внешними факторами, а не параметрами самой системы. Страховая пенсионная система базируется на принципе эквивалентности пенсионных прав и государственных обязательств, реализация которого и других принципов должны обеспечить, как показывает зарубежная практика достижение целей государственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России.

В последнее время совершенно справедливо отмечается усиление прямого влияния пенсионной системы на развитие рынка труда – снижение занятости работников старших возрастных групп и рост безработицы, увеличение доли самозанятых категорий населения – и, главное на гипертрофированный рост теневого сектора рынка труда и т.д.

Рост бедности пенсионеров также оказывает прямое влияние на государственную бюджетную политику, что проявляется в необходимости увеличения государственных расходов не только из ПФР, но и из федерального и местных бюджетов в целях недопущения обнищания: растёт доля целевых трансфертов наиболее бедным категориям: в основном – для дотягивания до прожиточного минимума.

Более того, бедность пенсионеров оказывает многостороннее влияние на различные сектора макроэкономики: с одной стороны низкие размеры пенсий вынуждают пенсионеров продолжать работать и в той или иной степени увеличивать свои пенсионные права, но с другой стороны, оставаясь на своем рабочем месте, они ограничивают доступ на рынок труда младшие поколения трудоспособного населения.

Эта тенденция имеет ещё одно негативное последствие для самой пенсионной системы: молодёжная безработица в условиях прогнозируемого

сокращения рабочих мест в перспективе необратимо приведет к недостатку их пенсионных прав при наступлении пенсионного возраста, что создаёт перманентные условия для неуклонного роста хронической бедности пенсионеров.

На внебюджетный сектор макроэкономики наиболее значительное влияние пенсионная система оказывает посредством накопительного механизма формирования пенсионных прав. Так, «замораживание пенсионных накоплений» сыграло определяющую роль в сокращении бюджетных трансфертов на финансирование государственных пенсионных обязательств в течение не только планового периода, но и в долгосрочной перспективе, с одной стороны, и позволило остановить резкое падение размеров страховых пенсий в перспективе.

Экономический механизм непосредственного взаимного влияния как пенсионной системы в целом, так и её составных институциональных частей (солидарных и накопительных) реализуется в форме межбюджетных трансфертов.

Учитывая, что пенсионная система, развитие которой непосредственно обусловлено национальной демографией и макроэкономикой, в свою очередь оказывает многостороннее влияние на макроэкономику. Поэтому изменения пенсионной системы, ориентированные на решение конъюнктурных экономических проблем, должны учитывать не только долгосрочные последствия для самой пенсионной системы, но и синергетический эффект, который в современной практике показывает негативные последствия в макроэкономике. Для предотвращения негативных последствий для макроэкономики от краткосрочных изменений условий формирования пенсионных прав застрахованных лиц необходимо исходить из актуарной оценки долгосрочных последствий с учётом анализа достижения целевых ориентиров развития пенсионной системы.

К.Х. Момджян,

МГУ имени М.В. Ломоносова

4.3. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ» РОССИИ

Лет сорок тому назад многие мои коллеги пришли к заключению, что долгий спор западников, почвенников, евразийцев о социокультурной специфике России, её месте в мировой цивилизации подошел к концу, что сама история властно вмешалась в этот спор, предопределив ориентиры нашего развития. Этому способствовали два обстоятельства.

Первое – кризис и последующий распад СССР, продемонстрировавший бесперспективность прежнего пути развития, которое мы именовали «социалистическим». Напомню, что под социализмом понимался не **способ распределения** жизненных благ, практикуемый в скандинавских и других западных странах, а альтернативный капитализму **способ производства**, экономическим базисом которого считалась общенародная собственность на средства производства.

Подобный тип собственности не является выдумкой – он существовал в доклассовой истории человечества в обществе, где люди имели одинаковое отношение к средствам производства и не делились на владеющих и не владеющих ими. Такой тип производства предполагал изначально разборные отношения ранней первобытности, которые сменились более поздней организацией, основанной на распределении по труду**.** Исчерпав свои возможности, общественная собственность была заменена собственность частной, формы которой менялись в истории.

Маркс, как известно, рассчитывал на то, что прогресс производительных сил приведет человечество к ренессансу общественной собственности на средства производства и связанным с ней способам распределению – вначале по труду, а затем по потребностям.

Я не готов утверждать, что этого не произойдет никогда. Но для меня ясно, что на современном этапе развития производительных сил их подлинное масштабное обобществление, выходящее за рамки отдельных предприятий, технологически невозможно. Возможным оказалось не обобществление, а **огосударствление** средств производства, которое привело нас не к социализму в его марксистском понимании, а к **политарной** организации общества, описанной тем же Марксом как «азиатский способ производства» – строй, в котором отсутствие **парцеллярной** частной собственности на решающие средства производства (место которой занимает корпоративная собственность государственного аппарата), вполне гармонично сочетается с эксплуатацией, социальным неравенством, деспотизмом и прочими признаками классового общества.

Нечто подобное мы получили в советском обществе – с той оговоркой, что политарный строй возник на индустриальной, а не сельскохозяйственной основе. Я не хочу облыжно критиковать советский строй, который добился немалых успехов, но эти успехи были достигнуты на ниве **государственного** строительства, а не создания нового справедливого строя, где «свобода каждого является условием свободного развития всех».

Вторым обстоятельством, которое, по мнению многих, предопределило путь исторического развития России, стало эффективное развитие капиталистического Запада, длившееся несколько послевоенных десятилетий. Оно убедило многих в том, что Маркс ошибся, утверждая, что капитализм исчерпал себя, превратившись в непоправимо дефектный общественный строй, где (я цитирую «Манифест коммунистической партии») «тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится».

На самом деле буржуазия не утратила своей позитивной роли организатора производства, а рабочий класс избежал как абсолютного, так и

относительного обнищания, радикально изменив свою структуру в результате дисперсии производственно-экономических отношений, их проникновения в виды деятельности, где диспозиция «собственник – наемный рабочий» ранее не существовала.

В этих условиях многие мои коллеги пришли к заключению, что единственный возможный способ развития России – вестернизация, которая должна в исторически обозримой перспективе превратить нашу страну в некое подобие благоустроенной Швейцарии, о чём убежденно говорили Е.Т. Гайдар и его сторонники.

Впрочем, вскоре выяснилось, что «инфильтрация» России в западный миропорядок сталкивается со многими серьёзными трудностями. С вашего позволения я не буду говорить о сугубо политических препятствиях, связанных прежде всего с недальновидными действиями Запада, который оттолкнул от себя постсоветскую Россию вместо того, чтобы способствовать сближению с ней. Я хотел бы поговорить о более глубоких факторах, которые связаны с различием **культур**, и, прежде всего, с различием **ценностных предпочтений**, связанных с выбором приоритетных целей жизни.

Я исхожу из того, что **базовые** ценности людей, в основе которых лежит влечение к удовлетворению человеческих потребностей, идентичны: все люди одинаковым образом стремятся к сохранению факта и качества жизни, стремятся к безопасности, самоопределению, самоутверждению, самоактуализации и прочее, рассматривая удовлетворенную потребность как **благо**, то есть объект ценностного предпочтения.

Однако жизнь ставит нас в ситуации, когда между потребностями приходится выбирать, когда вы не можете, к примеру, одновременно быть свободным и защищенным, строить карьеру и сохранять гармонию в семье. В этих ситуациях вынужденного выбора складывается система **ценностных преференций**, которые объективируются, становятся фактом общественного

сознания, закрепляются силой традиции и превращаются в стратегические мотиваторы поведения, существенно влияющие на образ жизни.

Нет сомнений в том, что **иерархия** ценностей (при одном и том же их наборе) в западном и российском менталитетах весьма различна. Тем не менее многим казалось, что эти различия не являются критическим препятствием для конвергенции российского и европейского образов жизни.

Выяснилось, однако, что существуют факторы, препятствующие такой конвергенции. Я хочу сконцентрироваться на одном из них. Речь идёт о существенных подвижках в массовом сознании европейцев, которые произошли за последние несколько десятилетий и привели к экзистенциальному повороту, изменившему представления о смысле человеческой жизни, о нормах отношений между людьми, о способах взаимодействия человека и общества.

Обычно к таким изменениям приводят экономические и политические коллапсы, но в этом случае причиной стал колоссальный рост благосостояния, случившийся в послевоенные десятилетия. По сути дела, в сознании многих европейцев перестал действовать сформулированный Абрахамом Маслоу **принцип препотентности**, согласно которому при дефиците жизнеобеспечивающих благ и негарантированном выживании человек концентрируется на удовлетворении **дефициентных** потребностей, связанных с сохранением факта жизни, и считает второстепенными **бытийные** потребности, связанные с поддержанием её качества.

Эта ценностная диспозиция была нарушена. Я процитирую авторитетного специалиста Рональда Инглхарта, который пишет: «исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, какую узнало послевоенное поколение в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материалистических» ценностей (когда

упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «пост-материальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни)»[154]. «В значительной части мира, – продолжает автор, – нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место всё более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения»[155]. «Акцент смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости»[156].

Должен сразу сказать, что я не вижу ничего плохого в менталитете, акцентирующем свободу личностного выбора, если учесть, что его альтернативой является **социоцентристская** идеология, считающая, что человек существует для общества, а не общество для человека. Философской основой такой идеологии является доктрина радикального «методологического коллективизма» (термин К. Поппера), которая отрицает субъектность индивидов и рассматривает их как «клеточную основу» измышленного коллективного субъекта, представленного обществом и его институтами.

Двадцатый век показал всю опасность социоцентристской идеологии, **субстанциализирующей общество** в ущерб человеку. Поэтому её отторжение современным либерализмом я считал бы совершенно оправданным, если бы он не впал в другую крайность – **субстанциализацию индивида** в ущерб коллективным интересам людей.

Отбросив радикальный вариант «методологического коллективизма», либеральный менталитет противопоставил ей не менее радикальный, номиналистический вариант «методологического индивидуализма». Эта

[154] Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997, No 4. С. 7-8
[155] Там же. С.10
[156] Там же.

доктрина не ограничивается отрицанием **субъектности** общества, но ставит под сомнение его **онтологическую институциональную реальность**, руководствуясь формулой «общество – это всего лишь термин, множественное число от слова человек».

В результате мы получаем идеологию **гипериндивидуализма**, верящего в почти не ограниченную свободу индивидуального самовыражения – вплоть до права человека не пользоваться дезодорантом несмотря на жалобы коллег на дурной запах.

Мы получаем доктрину **исправляющей дискриминации**, которая – несмотря на благую цель защиты угнетенных – приводит к фактической диктатуре различных расовых, этнических, гендерных и прочих меньшинств над большинством.

Мы получаем **отторжение социетальных ценностей**, в том числе ценности патриотизма, который в своей цивилизованной форме (предполагающей любовь к своей стране, а не ненависть к другим странам) представляет собой совсем не «последнее прибежище негодяя», а один из способов удовлетворения объективной **потребность в принадлежности –** потребность в обретении некоторого референтного «мы», принадлежность к которому для человека комфортна. Для одних людей таким «мы» является семья или круг друзей, а для других – родная страна, удачи и неудачи которой воспринимаются как события личной жизни.

Ясно, что все эти новации не способствуют сближению Запада и России, углубляя ценностный разрыв между ними. Но значит ли это, что наши пути расходятся фатально и необратимо? Я так не думаю. Прежде всего потому, что господство современного ультралиберального истеблишмента не вечно. Я рассматриваю эту идеологию как классический пример «головокружения от успехов», как пример той самой Идеи, которая, словами Энгельса, отрывается от практического интереса людей, обрекая себя тем

самым на посрамление. Любое ухудшение экономической и политической конъюнктуры покажет – да и сейчас уже показывает – всю вредоносность насилия этой абстрактной идеи над живой жизнью.

Кроме того, я не стал бы рассматривать наш «путь на Запад» как тотальную ассимиляцию, осуществляемую по принципу «все или ничего». Я убежден, что непременным объектом усвоения должна быть созданная Западом производственно-экономическая модель, которая не имеет эффективной альтернативы в современном мире. Конечно, эта модель сталкивается со многими проблемами, о которых справедливо говорит профессор А.В. Бузгалин, но я не думаю, что она утратила **способность к самокоррекции** при сохранении своих фундаментальных основ – частной инициативы и рыночной экономики.

Более избирательно нужно подойти к ассимиляции западных механизмов правового и политического регулирования, которые должны быть адаптированы к российской специфике: их нужно брать «на вырост», а не заимствовать напрямую – на манер джинсов или кока-колы. Думаю, опыт развития передовых азиатских стран убедительно доказывает эффективность подобной постепенной ассимиляции, не стремящейся посредством декретов превратить Южную Корею в подобие США.

Но вот, что точно не подлежит усвоению, так это ультралиберальный менталитет, который вредит самому Западу и тем более вреден для России.

Литература

1. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997, No 4. С. 7-8

Ладислав Жак,

ИНСОЛ Европа

4.4. КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Естественным условием межкультурной коммуникации, необходимым, но не достаточным, является, прежде всего, само существование культур, которые должны общаться. Я не хочу вдаваться в детали богатого набора определений того, что называется культурой. Буду придерживаться того, что основой каждой культуры, по крайней мере, по моему мнению, являются три основные составляющие человеческого опыта в отношении к нашей среде: природа, место и время.

Если мы хотим иметь дело с прошлым, настоящим и будущим межкультурного общения, то его прошлое решающим образом определяется многогранной характеристикой, которую можно назвать удаленностью культур между собой, а также не менее разнообразной и комплексной характеристикой, а именно, смесью воли и способности эту удаленность между культурами преодолеть. Хочу подчеркнуть ключевую историческую роль торговли в процессе открытия путей межкультурной коммуникации и её постепенной институционализации [157]. Нельзя забывать о роли разных посредников и о возможности вездесущих совпадений, которые совершенно неожиданно делают межкультурную коммуникацию возможной.

Здесь я осмелюсь предложить вашему вниманию одну из лучших работ по культурным различиям и способностью к их преодолению – «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта [158]. Было бы простой тратой времени описывать и интерпретировать то, что было написано Свифтом, – он является

[157] Harari Y. N., Homo deus / LEDA. Praha, 2017.
[158] Swift Jonathan, Gulliverovy cesty / SNKLHU, Praha, 1958.

совершенным во всех отношениях исследователем, поэтому я настоятельно рекомендую «новое чтение» Путешествий Гулливера.

Что касается настоящего, то здесь уместны два замечания. Прежде всего, языковое, состоящее в том, что слово «либерализм» очень сложно переводится с языка на язык и переносится между регионами. Кажется, было бы лучше говорить о «современной либеральной парадигме» (дальше СЛП). СЛП включает в себя также содержание терминов «неолиберализм» и «неомарксизм». И второе ключевое содержательное замечание: СЛП опирается на свой глобализованый «успех» искоренения прямого, живого человеческого опыта вместе с природой, пространством и временем, одновременно с его заменой безжизненными копиями с одинаковыми названиями. То, что мы проживаем в нынешней либеральной парадигме, является, таким образом, скорее «антикультурой» [159]. Общение этой антикультуры с любой культурой заканчивается подобно тому, как заканчивается контакт материи и антиматерии, т.е. аннигиляцией. Эта аннигиляция особенно разрушительно постигает каждую действительную культуру, которая вступит в контакт с либеральной антикультурой. В таком смысле и таким образом антикультуру невозможно ни поразить, ни изменить.

Вопрос, которому в этом тексте будет уделено внимание, – это будущее межкультурной коммуникации, состоящее именно в преодолении антикультуры, в создании зародышей новой, действительной, культуры на созданных антикультурой руинах. В противном случае антикультура будет людьми окончательно оставлена без замены и перекрыта приходящими культурами, совершенно чужими, насильственными и нетерпимыми. Эти чужие культуры, таким образом, избегут какой-либо коммуникации с антикультурой, и люди в большом количестве их будут принимать. Какая-то культура, в конце концов, является более приемлемой, нежели неживая,

[159] Deneen P.J., Proč selhal liberalismus / Academia, Praha, 2019.

искусственная, антикультура «без пространства-времени». Можно припомнить известную позицию исламских авторитетов, в том числе и «джихадистов», которые в гораздо большей степени относятся с уважением к христианам и иным «иноверцам», чем к неверующим безбожникам, действительно «вероломным собакам».

* * *

Суждения о коммуникации между культурами в Финансовом университете нельзя начать иначе как констатированием того, что в истории человечества рынки вообще и особенно финансовые рынки давно уже рассматриваются как самобытная культура. То есть не как нынешняя голая арена анонимных и абстрактных отношений, а как форма организованной памяти, в которой для функционирования рынка требуются доверие, репутация, память и долг. Томас Ламонт, глава банка J.P. Morgan, когда-то сказал о своем предприятии, что «сообщество в целом требует от банкира быть честным наблюдателем своего окружения, чтобы иметь возможность постоянно и внимательно изучать условия этого окружения: финансовые, экономические, социальные и политические, и чтобы иметь более широкое представление о каждом»[160].

До начала последнего крупного экономического и финансового кризиса финансовая индустрия постепенно была избавлена от какой-либо подобной культуры или, возможно, культурности, коренящейся в природе, месте и времени. Между прочим, подобным образом дело обстояло и обстоит со многими разными университетами, их общежитиями и университетскими городками. То, чему человек научился в общежитии, то есть будучи частью определенного братства, всевозможным «старым добрым галстукам», было в действительности идеальной подготовкой к карьере на рынке ипотечных облигаций и в более общем плане на мировых биржах. Индустрия ипотеки

[160] Deneen P.J., Proč selhal liberalismus / Academia, Praha, 2019.

была основана на финансовом эквиваленте «связок» в общежитии, случайных встречах иноплеменников, при которых желание чрезмерных задолженностей или процентов удовлетворялось без заботы о тех последствиях, какие оно могло иметь для более широкого сообщества. Кредиты, не обремененные обязательствами и расходами, были взаимно удовлетворяемыми и полностью освобожденными от более старых финансовых порядков. Однако, как и в университетских городках, такая *договоренность* вела к грубой безответственности и злоупотреблениям, которые вредили общине и разрушали жизнь отдельных людей и доверие в сообществе. Реакция другой стороны была и есть подобной, даже такой же. Призывы к усилению государственного регулирования и надзора за последствиями неограниченной коррупции в сочетании с редко применяемыми угрозами наказания и массовым расширением государственного управления в области надзора за основными человеческими связями – это стремление обеспечить себе какое-то убежище. Освобождение от ограничений местной рыночной культуры не принесло никакой совершенной свободы, только расширение неуловимого, но при этом вездесущего левиафана. Разрушением культуры нельзя достичь освобождения, лишь беспомощности и рабства[161].

Именно распад культурных связей, всеобщая дебилизация и фактическое господство антикультуры с мракобесием являются предпосылками для «освобождения» выкорчеванного человека для всепроникающего и всеобъемлющего рынка и укрепления власти государства. Отдельные лица обращаются к доступным органам с призывом ослабить культурные нормы и обычаи во имя индивидуального освобождения. Это приводит к различному давлению, которое уменьшает или устраняет основные особенности долговременных неформальных норм.

[161] Harari Y. N., Homo deus / LEDA. Praha, 2017.

Без этих норм отдельные люди стремятся к неограниченной свободе, хотят удовлетворить свои желания, чтобы своевольно могли делать всё то, что не ограничено законом или не наносит видимого вреда. Однако без определяющих правил поведения, которые, в общем, развивали культурную практику и поведение, освобождённые люди неизбежно вступают в конфликт. Единственным авторитетом, который может сейчас оценить эти претензии, является государство, а это опять же приводит к возрастанию правовых и политических дел в местных вопросах, которые *ранее* в целом решались культурными нормами. Либеральный индивидуализм требует устранения культуры, а по мере исчезновения культуры растёт левиафан паразитического либерализма и уступает ответственная свобода.

* * *

Доказательства нашей актуальной СЛП-антикультуры, дебилизация и мракобесие окружают нас, но они повсеместно отрицают друг друга. СЛП расширяется, постепенно усеивает пространство, которое покинули местные культуры. Это приводит либо к их списанию, либо к их подавлению, либо, чаще всего, к их безусловному пересмотру. Мы не восстанавливаем наши собственные культуры, возникшие на местах и укоренившиеся во времени, а как правило, развиваем их из наследия родственников, соседей или общин, а также из музыки, изобразительного искусства, повествования или пищи. Вполне вероятно, что мы будем потреблять расфасованные и проверенные на рынке потребительские товары, часто обозначенные торговыми символами, которые маскируют улетучивание культуры[162]. Наша всё более сильная неспособность творить, делать вещи по-своему связана с целым рядом социальных явлений, начиная с упадка технического воспитания, которое является показателем нашего всё распространяющегося незнания того, как

[162] Cílek V., Ač A., Věk nerovnováhy / Academia, Praha, 2019.

что-либо починить или исправить, до значительного падения рынка продаж и обслуживания музыкальных инструментов в эпоху массового производства музыки.

Взгляд в птичий мир учит нас, что чемпионом всех «видовых паразитов» является *буроголовый коровий трупиал.* Он несет яйца в гнезда более двухсот видов птиц, и эти иные птицы затем воспитывают молодых трупиалов, как своих собственных. СЛП взяла уроки из этого коварного поведения и стала его аллегорией. При СЛП выражение «культура» становится словом, которое паразитирует на своем первоначальном значении и заменяет истинную культуру либеральной имитацией. Люди, которые не понимают этой подмены, жадно её принимают. Когда сегодня начинают говорить о культуре, то говорят о ней в единственном числе, а реальные культуры были многочисленными, местными и индивидуальными. Мы склонны говорить о таких явлениях, как «народная культура». Это проверенный на рынке и стандартизированный продукт, разработанный коммерческими компаниями и предназначенный для массового потребления. Настоящая культура аккумулирует местный и исторический опыт и память. В отличие от этого, либеральная «культура» – это вакуум, который остаётся, когда местный опыт улетучивается и память о нём теряется. Красоту действительных культур заменил праздник «мультикультурализма», ограничения действительного культурного разнообразия, либеральной гомогенности, фривольно одетой легко выброшенной оригинальной одеждой [163]. Суффикс «-изм» намекает на победу СЛП над истинным культурным разнообразием. И хотя культуры были заменены вездесущей антикультурой, язык культуры продолжаются как средство для того, чтобы либеральное антикультурное человечество отделилось от специфических культур. Однородный вид культуры на самом деле означает, что не

[163] Bateson G., Mysl a příroda, nezbytná jednota / Malvern, Praha, 2006.

существует культуры никакой. Чем больше призывается к «плюрализму», или «разнообразию», или в «мире розничной торговли» к «выбору», тем решительнее продвигается уничтожение действительных культур. Наша первичная лояльность принадлежит прославлению либерального плюрализма и разнообразия, созданию однородных и идентичных последователей различия, требованию и обеспечению вездесущего безразличия.

В отличие от этого культуры, какими бы многочисленными и разнообразными они ни были, имеют общие черты, которые почти всегда включают также убеждения о преемственности человеческой культуры и естественного мира, опыт того, что прошлое и будущее закреплены в настоящем, и уверенность в том, что место, где живет человек, является священным. Это включает в себя чувство глубокой благодарности и ответственности за заботу о сохранении своих мест. СЛП основана на отказе от каждого из этих основных аспектов культуры. Прежде всего потому, что эти аспекты представляют преемственность с природой, долгами и обязательствами, сопровождаемыми течением времени и сменой поколений или сильной идентификацией с местом, где человек живет. Именно это отторжение должно было и все ещё должно ограничить опыт человека и его возможность стать творцом самого себя.

* * *

Именно культура, связанная с этическим исследованием и критическим мышлением, более всего угрожала и угрожает созданию правильного и универсального, полностью «либерализированного» человека. Главной амбицией и сутью успеха СЛП было создание иной формы мира, независимого как от природы, так и от культуры. Достичь полного забвения прошлого, безразличия к будущему и общей безжалостности к местам, достойным того, чтобы поколения людей их любили и проживали в них.

Подмена культивируемых действий равнодушной единообразной антикультурой, дебилизация и мракобесие является ещё одной успешной тенденцией СЛП и относится к величайшей угрозе для нашей дальнейшей совместной жизни. Однако лишь только основа успеха СЛП снова и снова показывает условия его гибели.

В основах пути к подавлению СЛП лежит способность человеческого индивида критически и этично исследовать свою среду[164]. Это тернистый путь, может быть даже крестовый, но он ведет не в ад, а к спасению. Человек вместе с обществом должны его пройти, чтобы победить антикультуру, дебилизацию и мракобесие, вернуть культурное разнообразие, жизнеспособность. Может быть – «*вернуть верховенство наших дел к нам…*» или «*вернуть контроль*»[165].

Оказывается, что построение настоящей культуры должно идти не только по пути восстановления прямых отношений между человеком и природой, пространством и временем, но прежде всего по пути восстановления прямых отношений между людьми. Этот процесс похож на восстановление настоящей, животворной и плодородной почвы из практически мертвой глины путём обновления структуры микро- и макроагрегатов почвы и обеспечения доступа различных помощников и полусоздателей живой среды. Это также похоже на процесс приостановления движения песочной дюны, которая угрожает изменить всё живое перед собой на мертвую кучу песка. Дюну можно не только приостановить, её возможно сделать опять животворной средой для культуры различных растений и животных[166].

Известия и миссия о снова созданной культуре, её ценностях и возможностях должны распространяться по сети, прямо от одного человека к

[164] Lindauer R., Žák L., Quantum of Ethics / Bookboon.com., 2019.
[165] Lindauer R., Žák L., Ethics of Quality / Bookboon.com., 2018.
[166] Bárta M., Kovář M., Kolaps a regenerace / Academia, Praha, 2011.

другому, и не только посредничеством СМИ, интернета и социальных сетей. Её путями являются все соседские отношения, которые были созданы в наше время. Их много. Они идут через различные пространства: общие, профессиональные, по интересам, конфессиональные, реальные и цифровые[167]. Однако они идут также во времени, между поколениями. Мои дети и мои родители – это мои соседи во времени, независимо от того, живём ли мы или нет в одно и то же время или даже в одном и том же пространстве.

Основой создания каждой культуры является наша способность к этическому различению того, что достойно или не достойно нашего уважения[168]. Это принцип создания структуры агрегатов ценностей новой культуры. Составной частью основы создания культуры является также сдержанность и не злоупотребление своим положением по отношению к нашим соседям[169]. Соседям в культурной и природной среде, пространстве и времени…

* * *

Прекрасным примером творческого создания основы такой новой настоящей культуры и межкультурной коммуникации нашего и будущего времени является основание и развитие «Института научных коммуникаций». ИНК представляет важную составляющую, можно прямо краеугольный камень, надежды, что «антикультуру» СЛП можно преодолеть собственными силами знаний, этики и человечности… [8]

Литература

1. Жак Л., Формирование системы безопасности организаций в рыночной экономике: дис. ... канд. экон. наук. ВШПП Москва, 2012.

[167] Жак Л., Формирование системы безопасности организаций в рыночной экономике: дис. ... канд. экон. наук. ВШПП Москва, 2012.
[168] Svítek M., Žák L., Know thyself / JMEST- jmest.org, vol 7, issue 1, January 2020.
[169] Taleb N. N., Nasadit vlastní kůži /Paseka, Praha, 2019.

2. Bárta M., Kovář M., Kolaps a regenerace / Academia, Praha 2011.
3. Bateson G., Mysl a příroda, nezbytná jednota/ Malvern, Praha, 2006.
4. Cílek V., Ač A., Věk nerovnováhy / Academia, Praha, 2019.
5. Deneen P.J., Proč selhal liberalismus / Academia, Praha, 2019.
6. Harari Y. N., Homo deus / LEDA, Praha, 2017.
7. Lindauer R., Žák L., Ethics of Quality / Bookboon.com., 2018.
8. Lindauer R., Žák L., Quantum of Ethics / Bookboon.com., 2019.
9. Svítek M., Žák L., Know thyself / JMEST- jmest.org, vol 7, issue 1, January 2020.
10. Swift Jonathan, Gulliverovy cesty / SNKLHU, Praha, 1958.
11. Taleb N. N., Nasadit vlastní kůži /Paseka, Praha, 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бузгалин А.В. – д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ, визит-профессор университета Кембриджа, Пекинского, Хайнаньского педагогического и Харбинского университетов, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии».

Вертакова Ю.В. – д.э.н., профессор, директор Курского филиала Финансового университета

Грязнова А.Г. – д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Финансового университета

Жак Ладислав – к.э.н., член международной организации INSOL Europe

Казанцев С.В. – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

Кашицын В.В. – к.э.н., доцент, профессор ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова

Крупнов Ю.В. – председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития, рук. Рабочей группы Совета ТПП РФ по промышленному развитию и повышению конкурентоспособности экономики России «Приоритетные проекты развития промышленности и агропромышленного комплекса», член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный государственный советник 3 класса

Кузнецов А.В. – д.э.н., с.н.с., профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета

Лепехин В.А. – к.филос.н., Генеральный директор АНО «Институт изучения проблем развития Евразийского экономического союза»

Момджян К.Х. – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Плотников В.А. – д.э.н., профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Рязанов В.Т. – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета

Силласте Г.Г. – д.филос.н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Департамента социологии, истории и философии Финансового университета, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология», член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Российской Федерации

Сильвестров С.Н. – д.э.н., профессор, Заслуженный экономист Российской Федерации, действительный государственный советник второго класса, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета

Соловьёв А.К. – д.э.н., профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, профессор Финансового университета, Начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда Российской Федерации

Сорокин Д.Е. – д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового университета; руководитель Департамента экономической теории Финансового университета

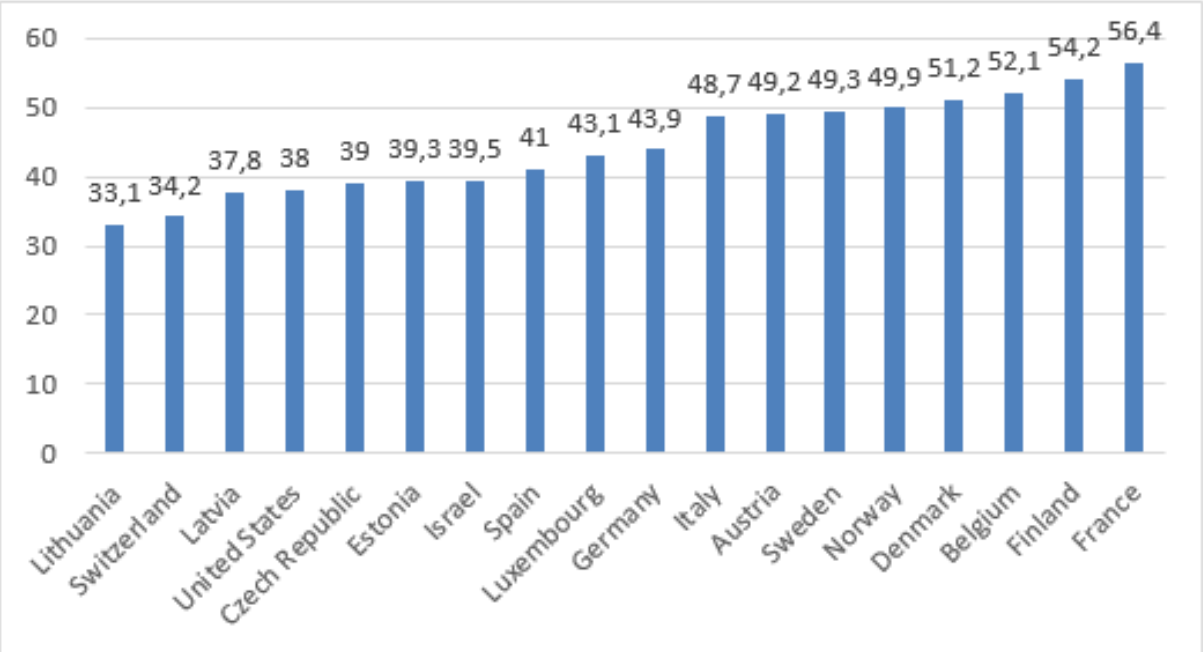
Субетто А.И. – д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления (СЗИУ) – филиала РАНХиГС при Президенте России; профессор РГПУ имени А.И. Герцена; почётный профессор НовГУ имени Ярослава Мудрого; вице-президент Петровской академии наук и искусств; почётный президент Ноосферной общественной академии наук

Толмачёв А.В. – д.ю.н., профессор, заместитель Председателя Союза Юристов Москвы, член Комитета по предпринимательству в сфере жилищного и коммунального хозяйства ТПП РФ, член экспертного совета при комитете ГД РФ по ЖКХ, помощник заместителя Председателя комитета по обороне ГД РФ

Хубиев К.А. – д.э.н., профессор, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Общие расходы государства, % ВВП, 2017[170]

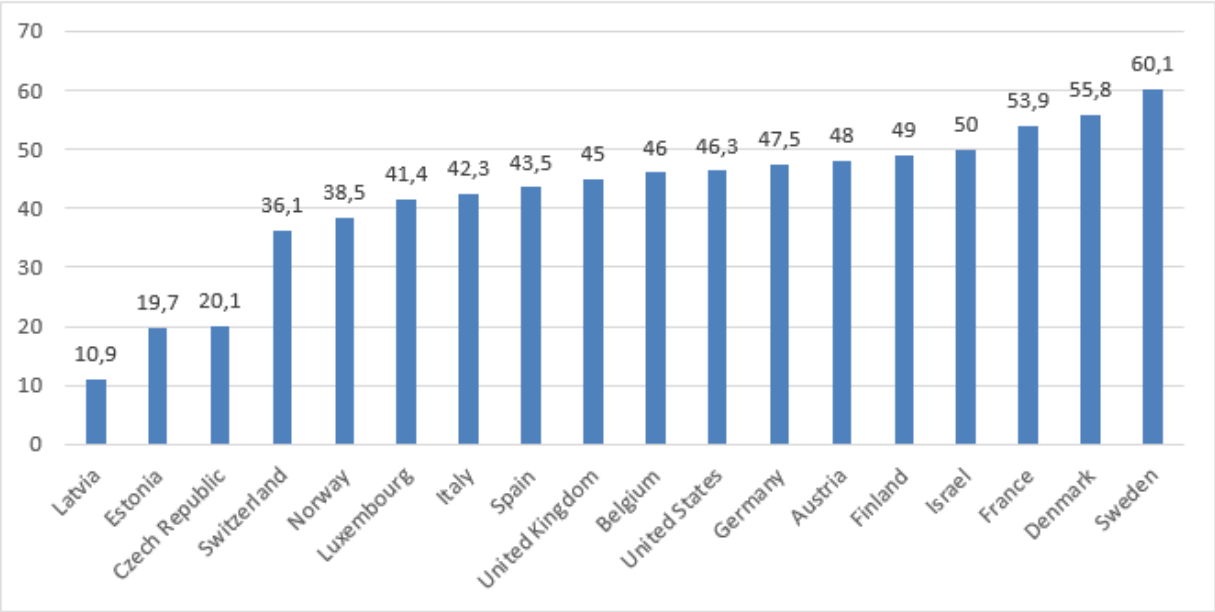


General government spending, percentage of GDP, 2017

Source: OECD Data, OECD (2019), General government spending (indicator). doi: 10.1787/a31cbf4d-en (Accessed on 27 July 2019)
URL: https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm

[170] Приложения 1-10 составлены по видеозаписи доклада д.э.н., профессора А.В. Бузгалина «Закат неолиберальной модели капитализма: что дальше?», прозвучавшего 06 марта 2020 г. в Финансовом университете на пленарном заседании VII МНПК "Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы" и размещённого на YouTube-канале «Глобальная экономика в XXI веке»
URL: https://youtu.be/ouf_7jqKcDg

Приложение 2. Ставки подоходного налога, 2017



Income tax rates, 2017

Source: OECD data

Приложение 3. Индекс счастья, 2017

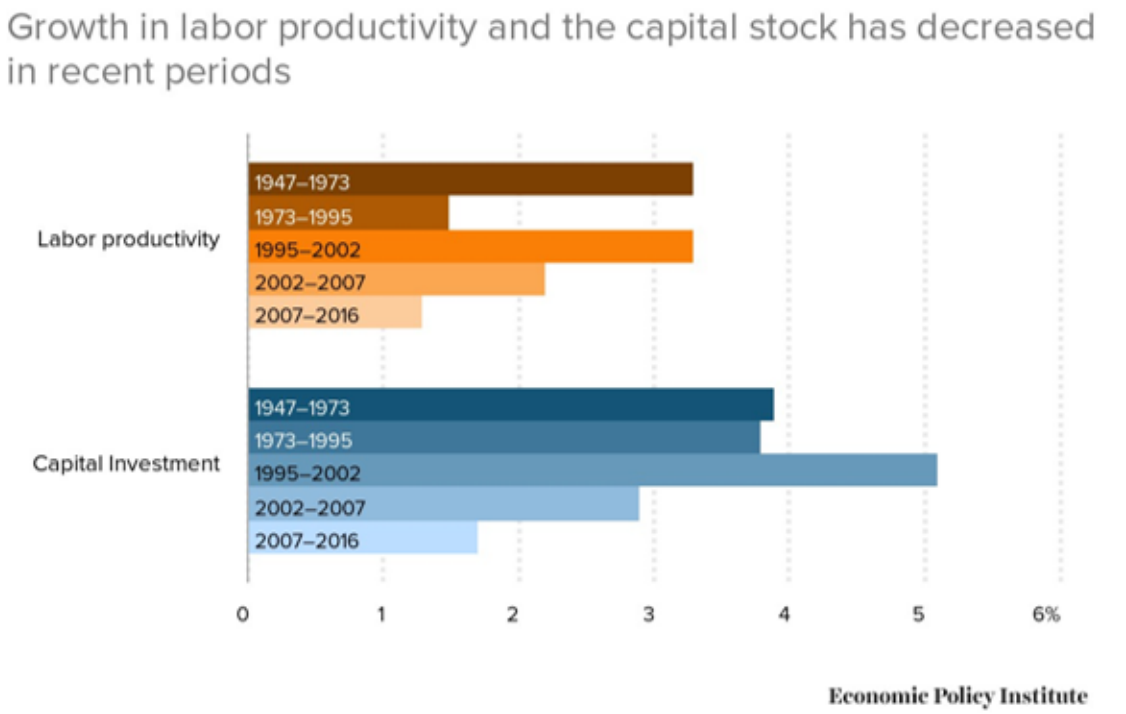
Country	Happiness Indexes
Norway	7,54
Denmark	7,52
Iceland	7,50
Switzerland	7,49
Finland	7,47
Netherlands	7,38
Canada	7,32
New Zealand	7,31
Australia	7,28
Sweden	7,28

Happiness indexes, 2017

Source: World happiness report 2017, p. 20.
URL: https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2017/HR17-Ch2.pdf
(accessed: July 20, 2019)

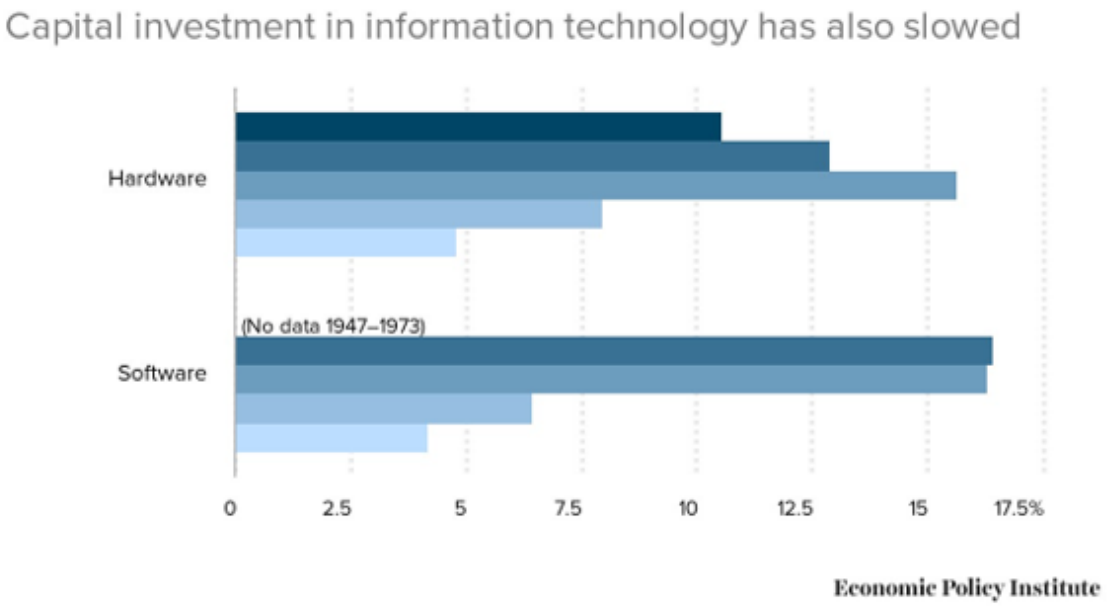
Приложение 4. Среднегодовые темпы роста производительности труда, инвестиций в основной капитал и сектора ИТ-оборудования и программного обеспечения, 1973-2016

а. Производительность труда и инвестиции в основной капитал



Source: Mishel L., Bivens J. The zombie robot argument lurches on. There is no evidence that automation leads to joblessness or inequality. Report. May 24, 2017 / Economic Policy Institute. https://www.epi.org/publication/the-zombie-robot-argument-lurches-on-there-is-no-evidence-that-automation-leads-to-joblessness-or-inequality/ (accessed July 29, 2019).

b. Сектор ИТ-оборудования и программного обеспечения (инвестиции в основной капитал в секторе)



Source: Mishel L., Bivens J. The zombie robot argument lurches on. There is no evidence that automation leads to joblessness or inequality. Report. May 24, 2017 / Economic Policy Institute. https://www.epi.org/publication/the-zombie-robot-argument-lurches-on-there-is-no-evidence-that-automation-leads-to-joblessness-or-inequality/ (accessed July 29, 2019).

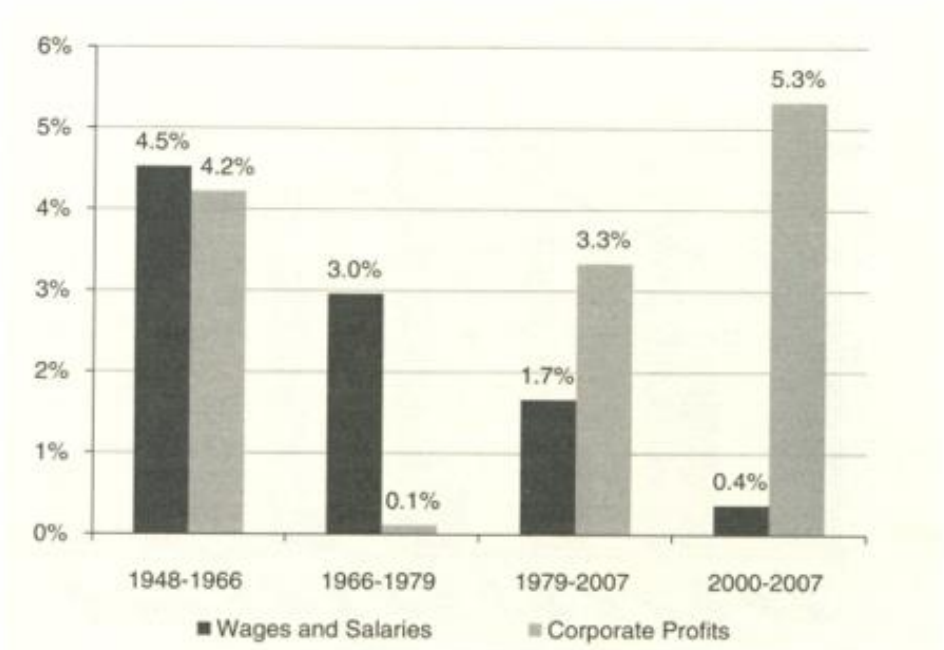
Приложение 5. Мировые финансовые активы и мировой ВВП (1980-2014), трлн. $

Indicator	1980	1990	2000	2005	2006	2007	2011	2012	2013	2014
Global financial assets *	12	43	94	178	211	242	262	272	285	294
World GDP	10	22	32	46,6	50.5	56.8	71.4	72.7	74.8	77.8
Assets as a percentage of world GDP	119	201	295	382	418	426	367	374	381	378

* The global financial assets includes: for data for 1980-2000 – stocks, government and private debt instruments, bank deposits; for data for 2005-2014 - loans (securitized and not related to securitization), non-financial corporate bonds, bonds of financial institutions, government debt securities, market capitalization of the stock market.

Source: data for 1980-2000 - Ryazanov V.T. [Un]Real capitalism. Political economy of the crisis and its consequences for the world economy and Russia. Moscow: Ekonomika, 2016. P. 215 ((In Russian), data for 2005-2014 – Deutsche Bank calculations (quoted by: Wild L. What the world's financial markets are worth / Interactive Investor. 12th February 2015. URL: http://www.iii.co.uk/articles/223331/what-worlds-financial-markets-are-worth).

Приложение 6. Среднегодовые темпы роста заработной платы и корпоративной прибыли, 1948-2007

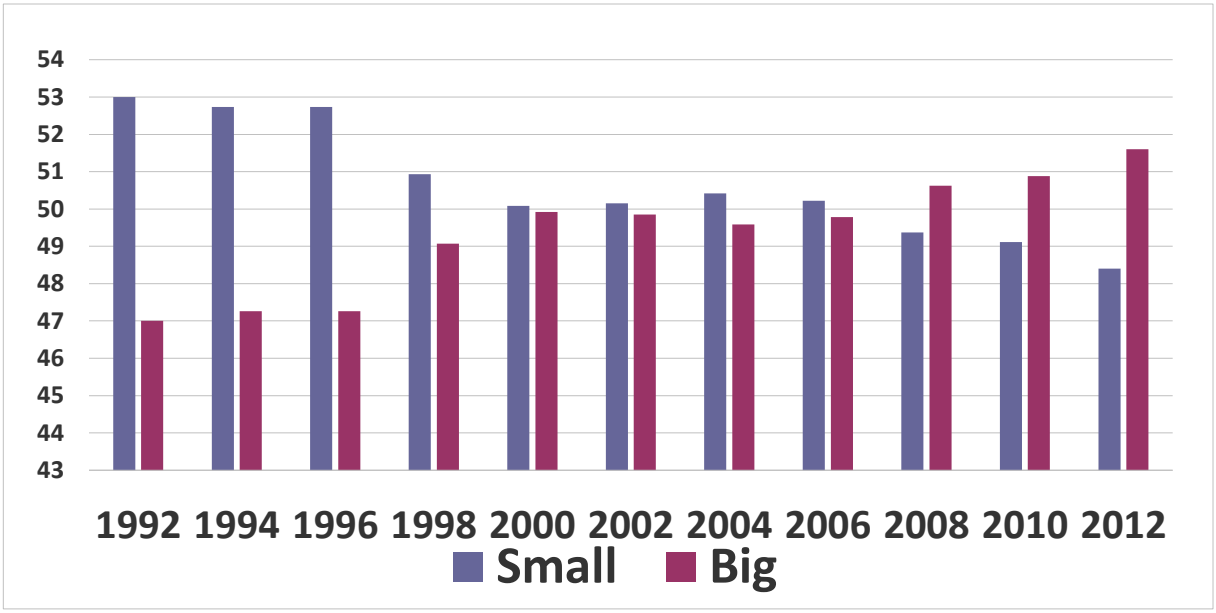


Notes: Profits is deflated by the gross domestic product price index and wages and salaries by the consumer price index. Wages and salaries are for all employees of the corporate business sector.
Source: U.S. Bureau of Economic Analysis, 2013, NIPA Tables 1.14, 1.1.4; U.S. Bureau of Labor Statistics, 2013.
Quoted from: Kotz D.M. The rise and fall of neoliberal capitalism. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 2015. P. 99 (Figure 4.12).

Приложение 7. Доля крупнейших компаний в общей величине активов в различных секторах экономики США, 2016 г. (%)

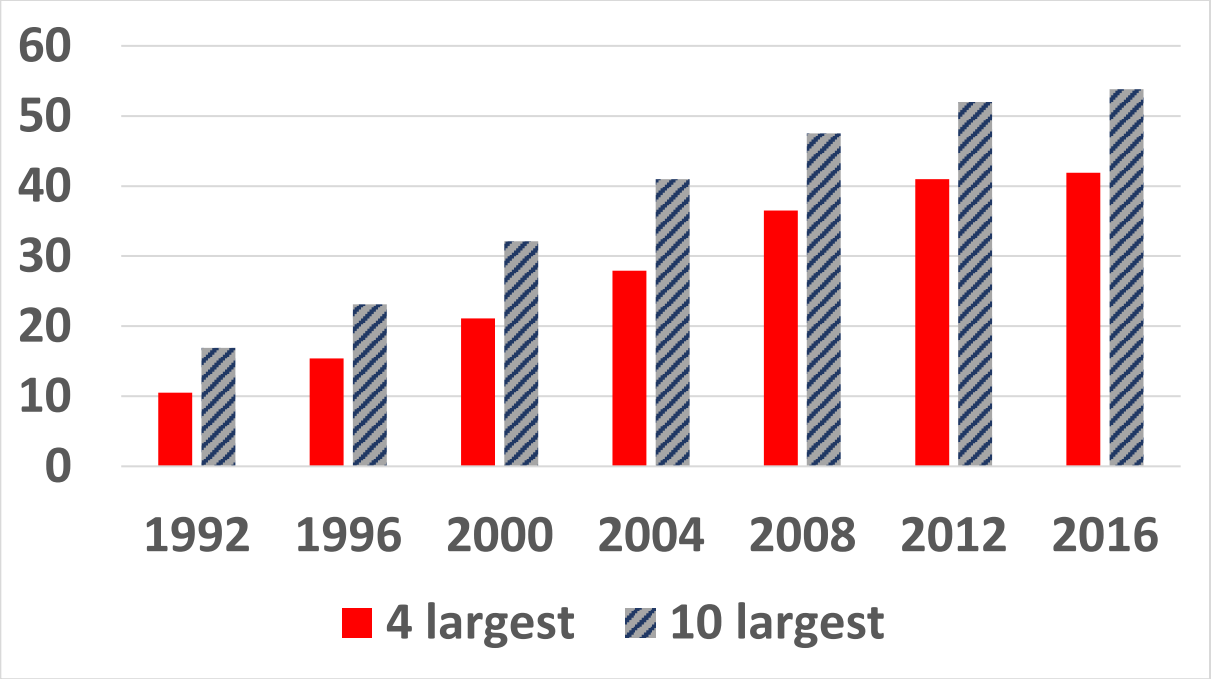
		Total assets (bln. Doll.)	% assets
Manufacturing	$1 billion and over	8303,7	88,5
	All asset sizes	9383,0	
Mining	$1 billion and over	1084,0	94,0
	All asset sizes	1153,8	
Wholesale Trade	$1 billion and over	840,7	74,2
	All asset sizes	1133,3	
Retail Trade	$1 billion and over	1191,6	89,8
	All asset sizes	1327,2	
Information	$1 billion and over	2446,1	95,0
	All asset sizes	2575,2	
Professional and Technical Services	$1 billion and over	602,7	77,5
	All asset sizes	777,7	

Приложение 8. Доля крупного и малого бизнеса в занятости в небанковском секторе США, 1992-2012



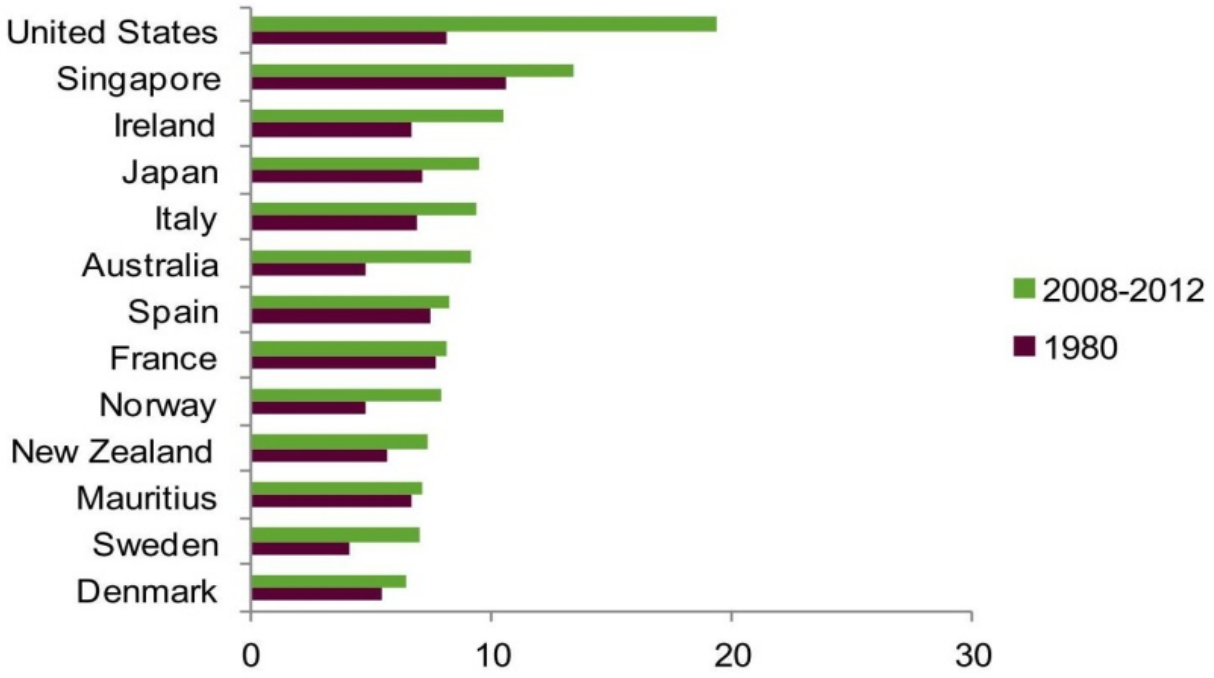
Source: Mergers and Acquisitions, United States of America, Institute of Mergers, Acquisitions and Alliances

Приложение 9. Доля крупнейших банков в общей сумме активов в финансовом секторе США, 1992-2016 (%)



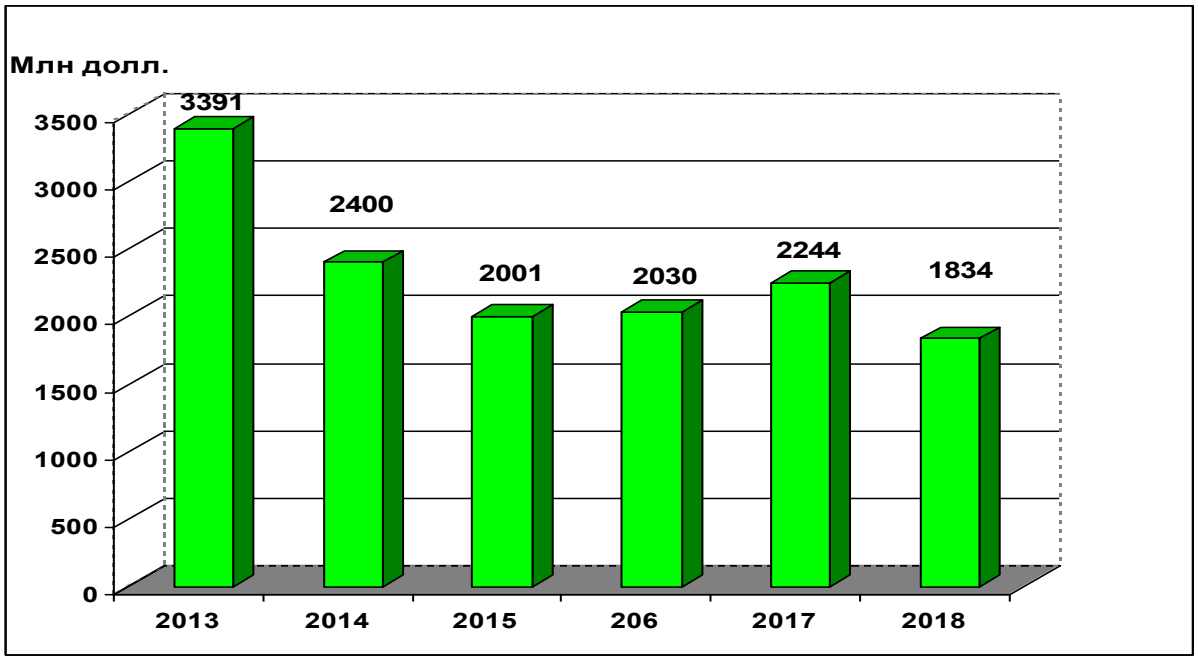
Source: Federal Deposit Insurance Corporation

Приложение 10. Мировое неравенство. Рост доли богатейшего 1% населения в национальном доходе, 1980-2012



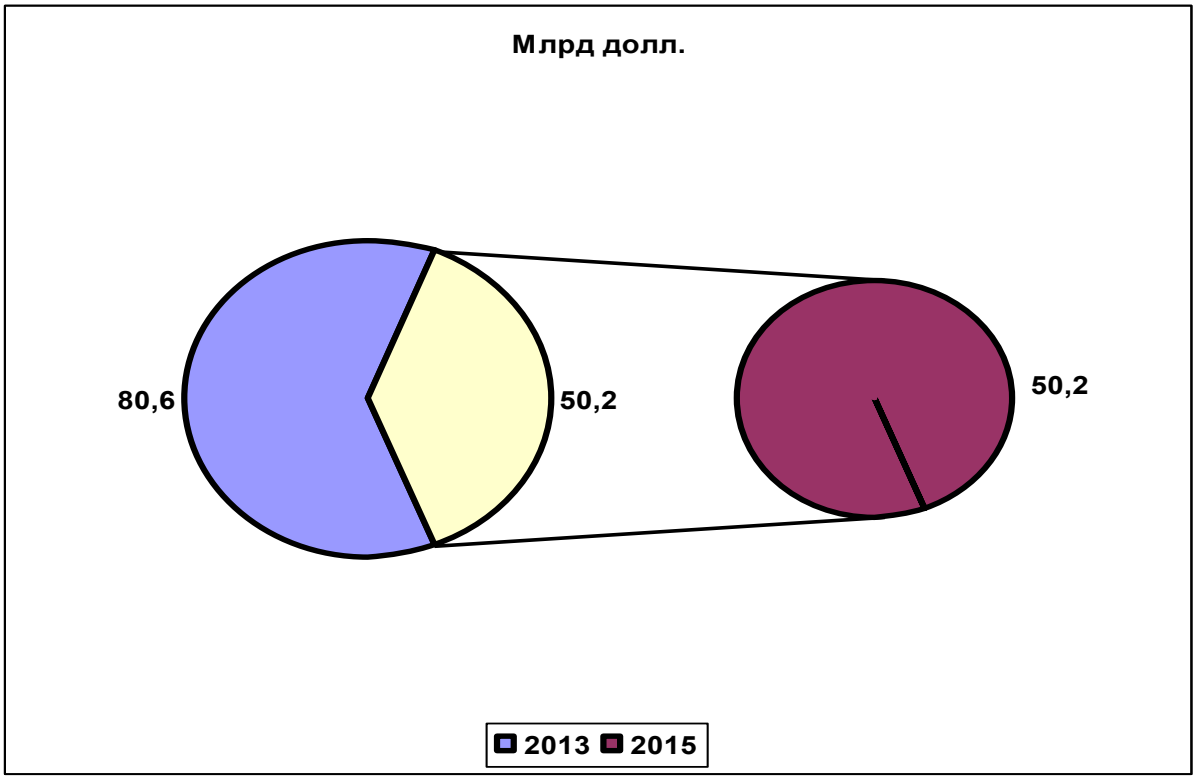
Источник: Oxfam.

Приложение 11. Объёмы импорта Россией финансовых услуг в 2013-2018 гг., млн долл.[171]



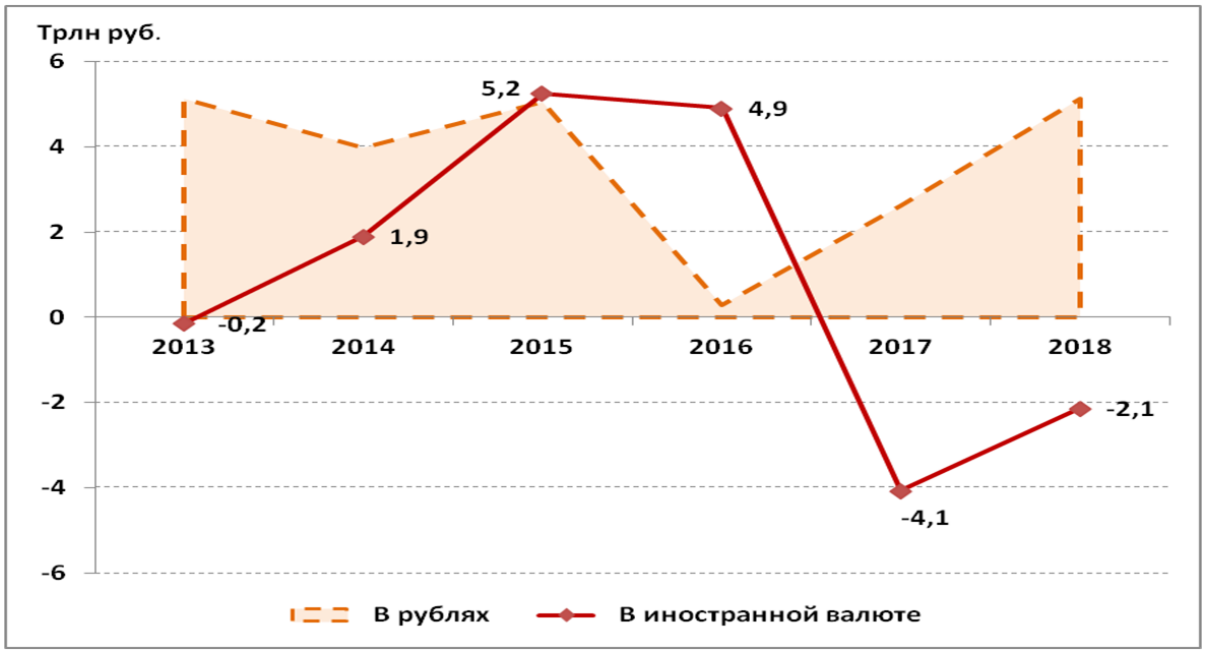
[171] Приложения 11-19 составлены по видеозаписи доклада д.э.н., профессора С.В. Казанцева «Каналы внешних финансово-экономических воздействий на экономику современной России», прозвучавшего 06 марта 2020 г. в Финансовом университете на пленарном заседании VII МНПК "Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы" и размещённого на YouTube-канале «Глобальная экономика в XXI веке»
URL: https://youtu.be/xrdWKFq97yU

Приложение 12. Акции российских компаний, которые держали международные фонды, млрд долл.

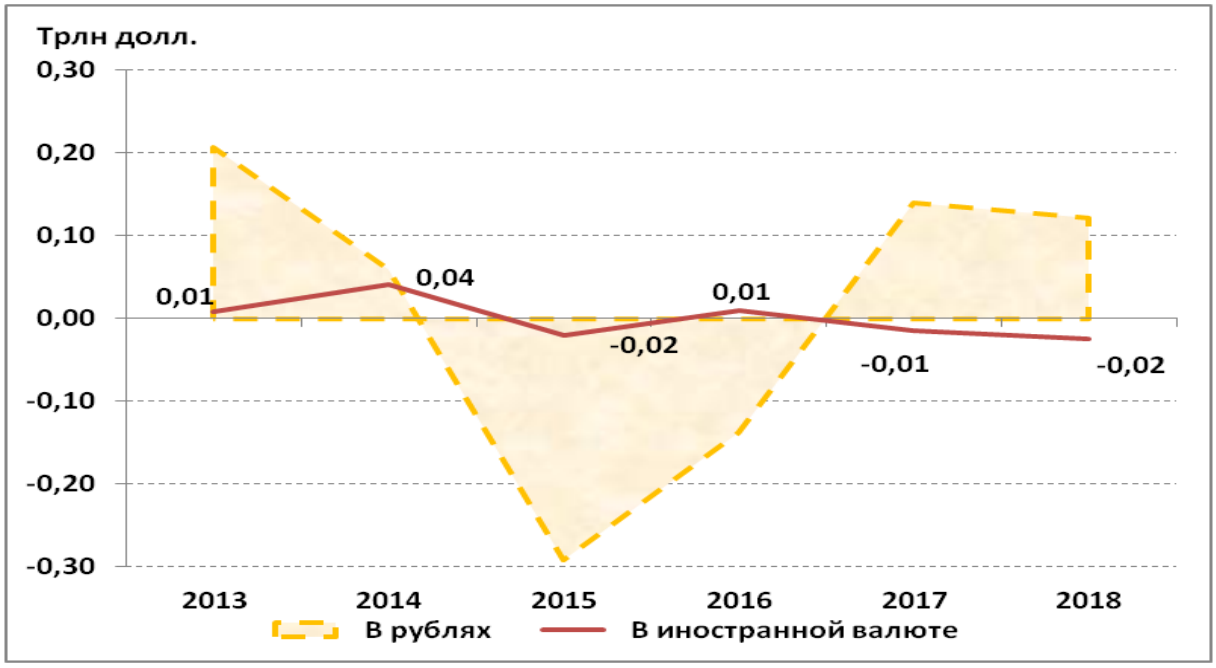


Приложение 13. Объемы чистого поступления прямых инвестиций в Российскую Федерацию по данным платежного баланса РФ, сальдо операций, млрд долл.

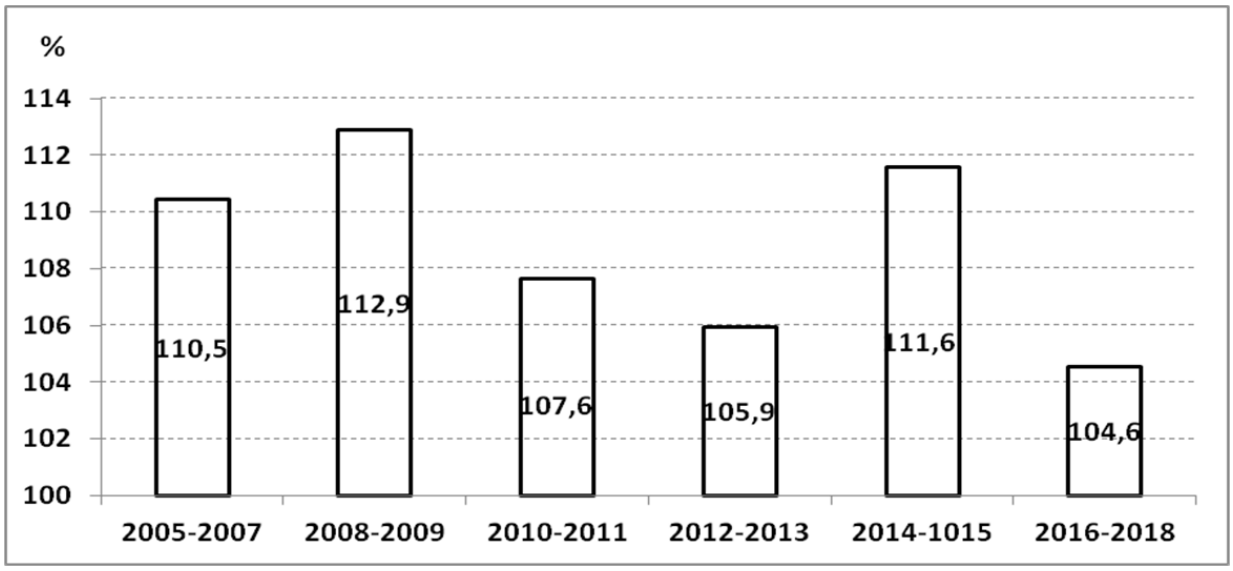
Приложение 14. Прирост объёма кредитов, депозитов и прочих размещённых средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям России в 2013-2018 гг., трлн руб.



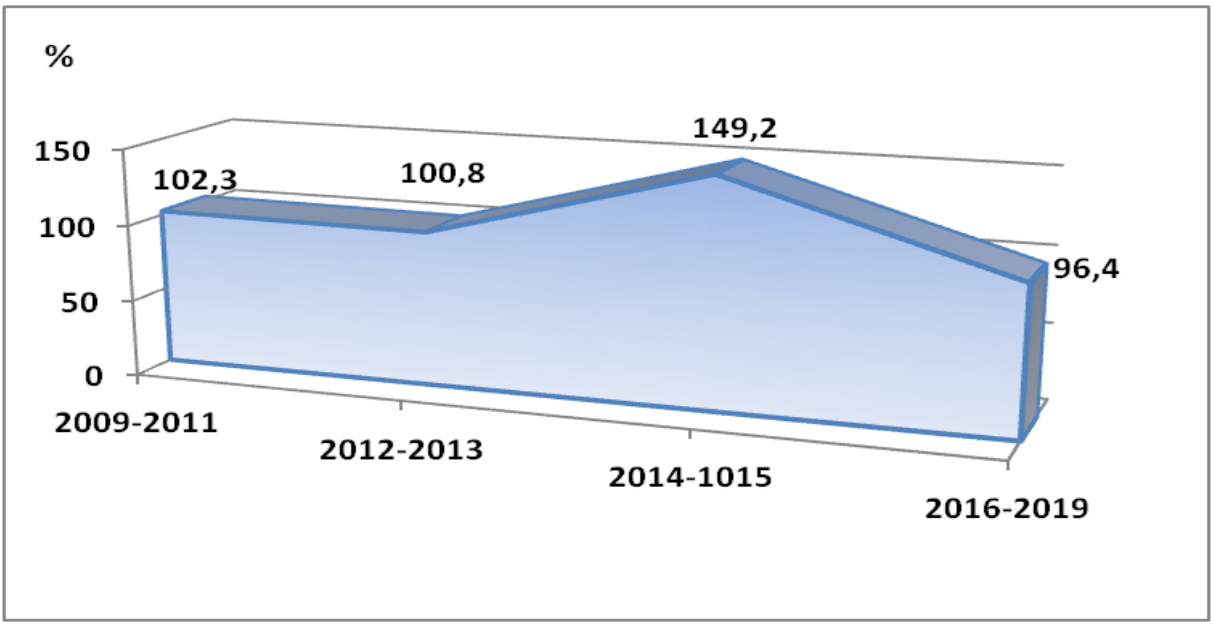
Приложение 15. Прирост объёма кредитов, депозитов и прочих размещённых средств, предоставленных организациям, физическим лицам и кредитным организациям России в 2013-2018 гг., трлн долл.



Приложение 16. Среднегодовые темпы роста индекса потребительских цен в Российской Федерации (к предыдущему году) в 2005-2018 гг., %



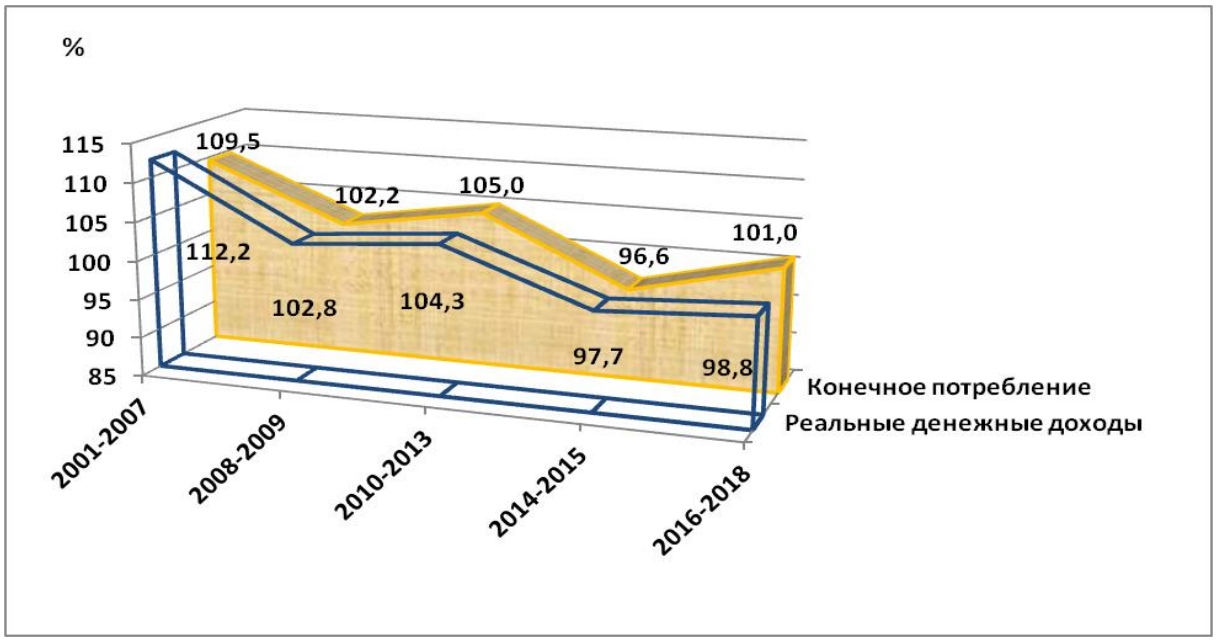
Приложение 17. Среднегодовые темпы роста курса доллара по отношению к рублю по данным Банка России в 2009-2019 гг., на конец года, %



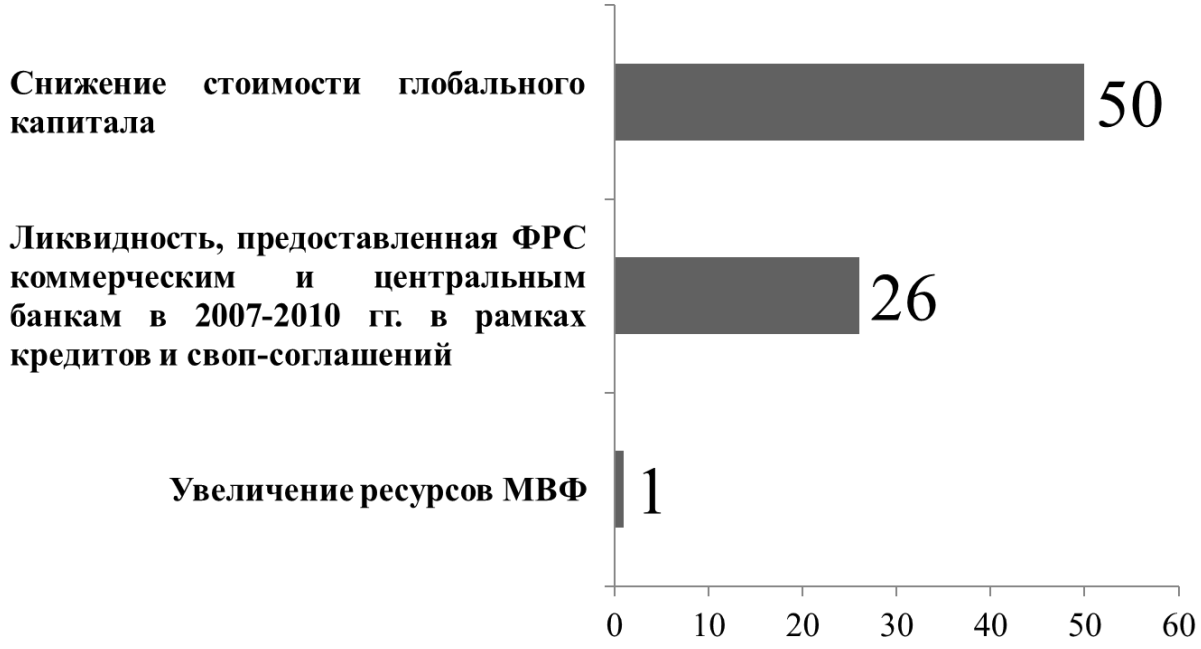
Приложение 18. Темпы прироста макроэкономических показателей РФ, 2001-2018 гг., %

Показатель	***2001-2008***	***2009-2010***	***2011-2013***	***2014-2015***	***2016-2018***
Среднегодовая численность занятых	*0,7*	***-0,7***	*0,2*	***-0,3***	*-0,4*
Фондовооруженность труда	*1,3*	***3,8***	*3,9*	***2,8***	*4,4*
Фондоотдача	*7,8*	***-4,8***	*-0,8*	***-4,2***	*-2,5*
Производительность труда	*9,2*	***-1,1***	*3,1*	***-0,6***	*1,8*
ВВП	*9,9*	***-1,8***	*3,3*	***-0,9***	*1,4*
Объём промышленного производства	*5,2*	***-1,3***	*2,9*	***0,4***	*2,4*

Приложение 19. Среднегодовые темпы роста фактического конечного потребления домашних хозяйств и реальных доходов населения в РФ, 2001-2018 гг., %



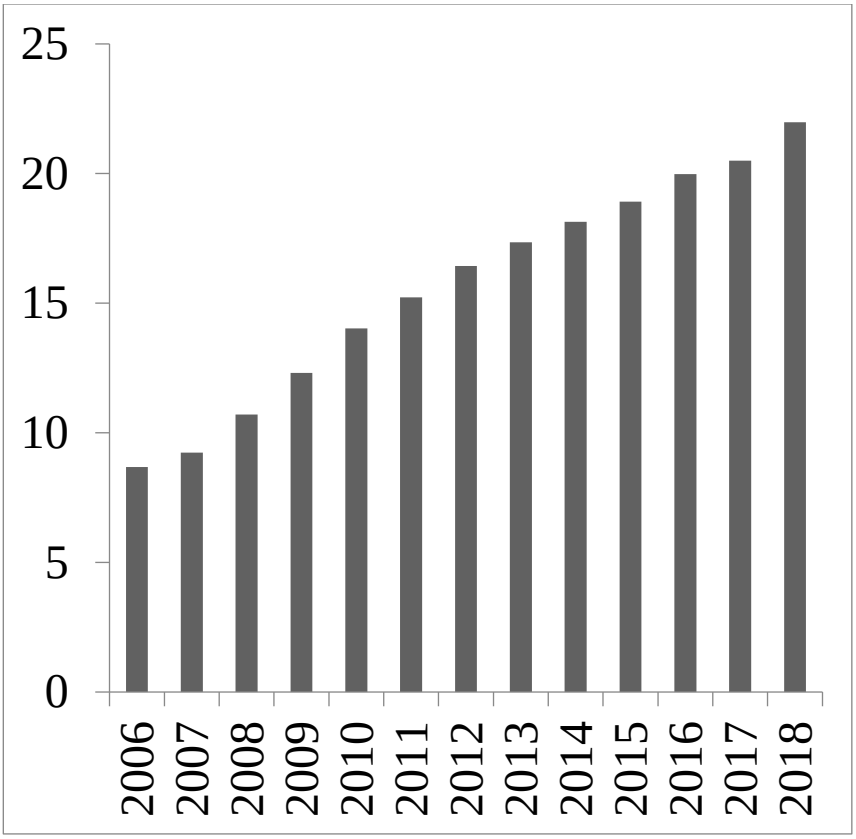
Приложение 20. Потери и компенсации ГФК, трлн. долл.[172]



Источник: составлено по данным: Greenspan A. (2014). The Map and the Territory; United States Government Accountability Office (2011); IMF

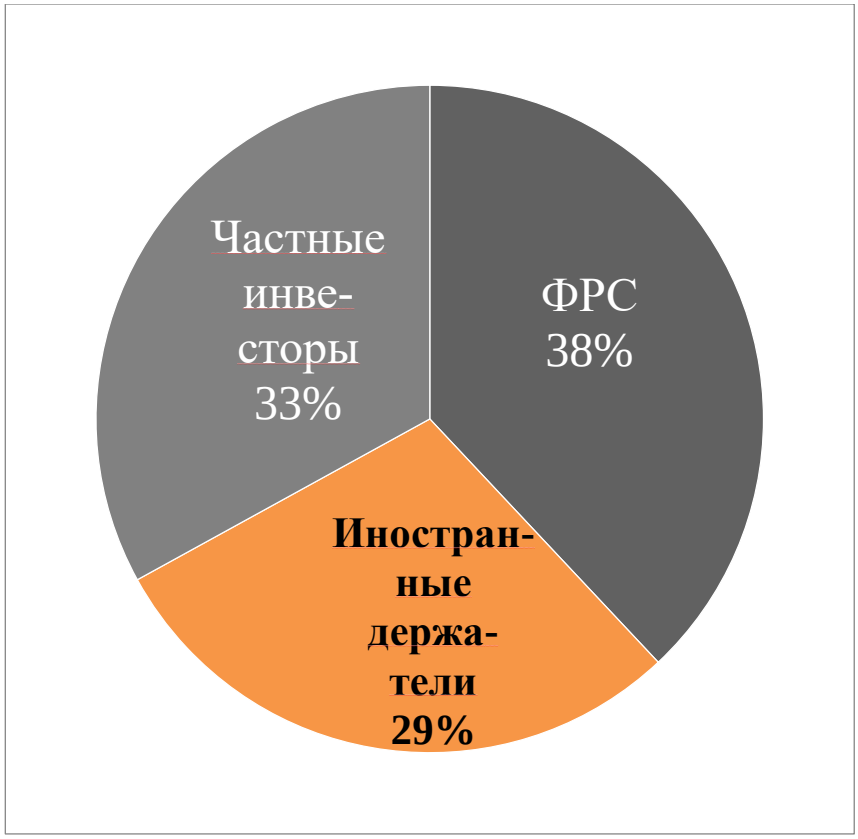
[172] Приложения 20-28 составлены по видеозаписи доклада д.э.н., с.н.с. А.В. Кузнецова «Россия в системе финансового глобокапитализма», прозвучавшего 06 марта 2020 г. в Финансовом университете на пленарном заседании VII МНПК "Социально-экономическое развитие в эпоху трансформации глобального капитализма: природа, противоречия, перспективы" и размещённого на YouTube-канале «Глобальная экономика в XXI веке»
URL: https://youtu.be/aP-tzIwKhOA

Приложение 21. Динамика государственного долга США, трлн. долл.



Источник: составлено по данным: Department of the Treasury

Приложение 22. Структура держателей государственного долга США

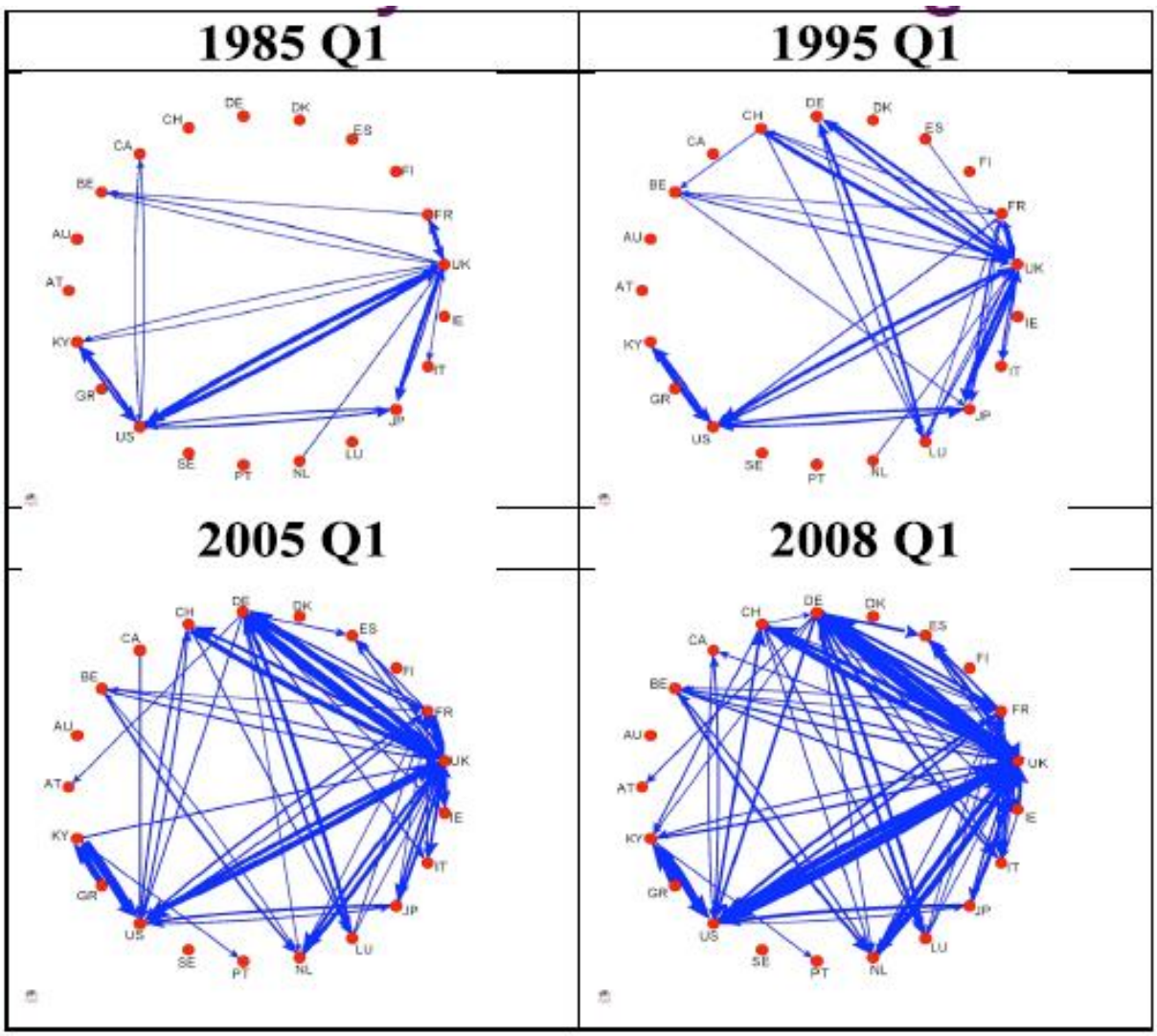


Источник: составлено по данным: Department of the Treasury

Приложение 23. Сферы и глубина контроля англо-американских институциональных монополий

Источник: составлено по данным: IMF, BIS, ECB, SWIFT, TheCityUK, CFR, OECD, PWC, Tax Justice Network, Thomson Reuters, ICANN

Приложение 24. Международная финансовая система, связанность узлов сети



Источник: Andrew Heldane, Bank of England

Приложение 25. Сопоставление показателей некоторых мировых финансовых центров

Финансовый центр	*Место в рэнкинге ИГФЦ (март 2019 г.)*	*Доля в мировом экспорте финансовых услуг (2017 г.) %*	*Доля в мировом ВВП (2017 г.) %*	*Доля в численности населения мира (2017 г.) %*
Пекин	*5*	*0.51**	*15.2**	*18.4**
Каймановы острова[a]	***21***	***3.79***	***0.004[2]***	***0.0009***
Джерси[aa]	*47*	*0.38*	*н.д.*	*0.001*
Британские Виргинские острова[a]	*72*	*0.38*	*н.д.*	*0.0004*
Гернси[aa]	*75*	*0.52*	*н.д.*	*0.0008*
Москва	*88*	*0.26*	*2.0**	*1.9**

[a] Британские заморские территории

[aa] Коронные земли

** Данные приведены для страны*

Источник: GFCI, МВФ, Всемирный банк

Приложение 26. Участие России в глобальной финансовой системе, %

	2007	***2019***
Доля в глобальном обороте торговли акциями	*0,60*	*0,16***
Доля в мировой капитализации	*2,40*	*0,84***
Доля в глобальном объеме IPO/SPO	*1,40*	*0,22***
Доля рубля в мировом номинале еврооблигаций	*0,04*	*0,09**
Доля рубля в международных расчетах	*0,4***	*0,2*
Доля рубля в глобальном валютном обороте	*0,35*	*0,55*
Доля в глобальном объеме страховых премий	*0,40*	*0,37**
Доля в мировых активах теневого банкинга	*-*	*0,4****
Доля в мировой денежной массе (М2)	***-***	***0,3****
Доля в капитале МВФ	***2,5***	***2,7***
Доля в международных резервах	***5,8***	***4,6***
Доля в мировом ВВП	*2,26*	*1,88°*

** * 2014 г.; ** 2016 г.; *** 2017 г., ° - прогноз*

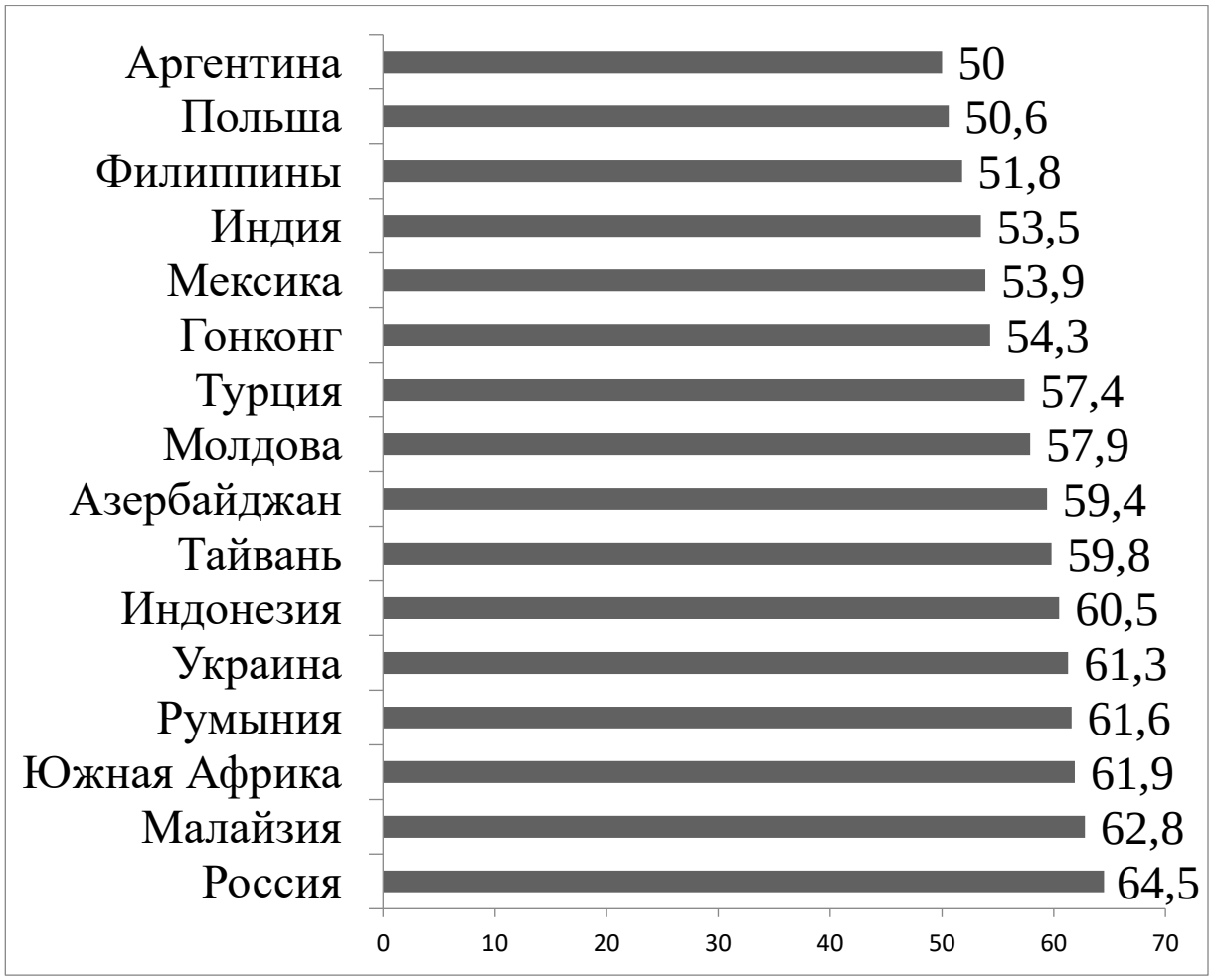
Источник: SWIFT, BIS, GFCI 26, IMF, World Bank, WFE, Swiss Re, Институт инвестиционных компаний, ФСФР России, ЦРФР, LSE

Приложение 27. Чистая международная инвестиционная позиция и баланс инвестиционных доходов РФ и США в 2014–2018 гг., млрд. долл.

	2014	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*
Российская Федерация					
Чистая международная инвестиционная позиция	*310*	*332*	*212*	*272*	*371*
Баланс инвестиционных доходов	***-57.9***	***-32.7***	***-33.7***	***-39.8***	***-38,5***
Соединенные Штаты Америки					
Чистая международная инвестиционная позиция	*-6 945,4*	*-7 461,6*	*-8 192,2*	*-7 743,2*	*-9 554,7*
Баланс инвестиционных доходов	***218,4***	***203,6***	***198,6***	***225,8***	***254,0***

Источник: МВФ

Приложение 28. Страны с наиболее заниженным курсом национальных валют относительно доллара США, июль 2019, %



Источник: The Economist

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

Том 1

Коллективная монография

Отпечатано с авторских оригиналов.

Подписано в печать 01.11.2020. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 17,4. Тираж 500. Заказ № 247.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер., 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.